

УДК 378.01
ББК 74.58
Н92

Серия основана в 2003 году

Перевод с английского *С. Б. Бенедиктова*

Перевод осуществлен по изданию:
John Henry Cardinal Newman. The Idea of a University. In Nine Discourses Delivered to the Catholics of Dublin In Occasional Lectures and Essays Addressed to the Members of the Catholic University. — San Francisco: Rinehart Press, 1960.

Под общей редакцией
канд. филос. наук, доц. *М. А. Гусаковского*

Рецензенты:
чл.-кор. НАН Беларуси,
д-р социол. наук, проф. *А. Н. Данилов*;
д-р пед. наук, проф. *И. И. Казимирская*

Ньюмен, Дж. Г.

Н92 **Идея Университета / Дж. Г. Ньюмен ; пер. с англ. С. Б. Бенедиктова ; под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Минск : БГУ, 2006. — 208 с. : ил. — (Universitas).
ISBN 985-485-639-9.**

Перевод на русский язык книги Дж. Г. Ньюмена «Идея Университета» («The Idea of a University») продолжает серию, посвященную развитию университетского образования. Одной из основополагающих идей этой работы является всестороннее актуальное обоснование миссии университета — утверждение единства человечества.

Адресовано широкому кругу читателей: преподавателям высшей школы, исследователям проблем университетского образования, менеджерам системы образования, аспирантам, магистрантам.

**УДК 378.01
ББК 74.58**

© Бенедиктов С. Б.,
перевод на русский язык, 2006
© БГУ, издание на русском языке,
оформление, 2006

ISBN 985-485-639-9

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА¹

Джон Генри Ньюмен (Newman, John Henry) (1801—1890) — английский теолог, педагог, церковный деятель, выдающийся мыслитель и литератор XIX века — один из зачинателей традиции, которая, имея на Западе полуторавековую историю, дала импульс и нашему проекту «Идея Университета». Именно эта традиция приписывает Ньюмену создание и разработку оригинальной модели «либерального университета».

Джон Генри Ньюмен родился 21 февраля 1801 г. в Лондоне в семье банкира. Его мать, происходившая из протестантской гугенотской семьи, будучи сторонницей одного из течений кальвинизма, привила ему любовь к Библии.

Блестяще окончив школу доктора Николаса в Илинге, Ньюмен в 16 лет поступил в знаменитый Тринити-колледж Оксфорда. Получив степень бакалавра, он выставил свою кандидатуру на место преподавателя Ориэл-колледжа и в апреле 1822 г. вступил в эту должность. Спустя два года он стал священником англиканской церкви в Оксфорде.

Ньюмен разделял взгляды реформаторского, либерального направления англиканской церкви. Сблизившись с такими сторонниками либерализма как Джон Келб и Ричард Фруд, Ньюмен стал одним из лидеров «оксфордского движения», в основе которого лежал протест против стремления государства усилить контроль над деятельностью англиканской церкви.

В сентябре 1833 г. Ньюмен приступил к изданию «Трактатов для нашего времени», которые дали оксфордскому движению название *трактарианского движения*. Двадцать четыре трактата Ньюмен написал сам. Постепенно он становится духовным лидером оппозиционного движения. В многочисленных трудах Ньюмен развивал идею *via media* — срединного пути, согласно которой англиканская церковь должна занимать промежуточное положение между крайностями

¹ Подготовлено на основе следующих материалов:

John Henry Cardinal Newman «The Idea of a University» / Ed. by Martin J. Svaglic. San Francisco: Rinehart Press, 1960.

Bill Readings. The University in Ruins. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Ньюмен, Джон Генри // <http://www.krugosvet.ru>

ми протестантизма и католицизма. После нескольких драматичных лет сомнений Ньюмен принял католицизм (1845).

Пересмотрев свои отношения с католицизмом, Ньюмен прибыл в Рим и поступил в Коллегию Ватиканской конгрегации пропаганды веры, где осваивал труды святого Филипо Нери (1515—1595). Проявив исключительный талант, он вскоре становится вдохновителем движения обновления католицизма. Вместе со своими единомышленниками он объединяет молодежь в кружках, совмещающих вероисповедание, благотворительность и рекреационную деятельность. Сеть кружков вскоре распространилась, и Ньюмен перенес занятия в церковное помещение. Эта инициатива получила название «*Оратория*» (от английского rhetoric — красноречие, риторика) — объединение молодежи, сплотившейся вокруг наставника. Именно опыт «Ораторий» как свободных сообществ повлиял на формирование либеральной концепции университета Ньюмена.

30 мая 1847 г. Ньюмен становится католическим священнослужителем. После периода послушания в Риме он уезжает в Англию, где в феврале 1848 г. организует английскую «Ораторию» в Меривейле, близ Бирмингема. Несколько месяцев спустя он основал ораторианскую общину в Оксфорде, а позже — и в Лондоне.

В начале 50-х гг. Ньюмен принял предложение занять пост первого президента и ректора создаваемого католического университета в Дублине (Ирландия) и начал активно участвовать в работе по составлению учебного плана. В 1852 г. он прочитал серию лекций об университетском образовании «Идея Университета» («*The Idea of a University*»). Эта, а позже и другие попытки Ньюмена представить модель современного ему университета и легли в основу его книги с одноименным названием — «*The Idea of a University*».

Ньюмену удалось собрать коллектив преподавателей и 300 студентов, построить университетскую церковь и основать медицинское училище. Однако сопротивление местного духовенства было столь велико, что он был вынужден отказаться от дальнейших усилий. Критические взгляды Ньюмена неоднократно подвергались нападкам его коллег и недругов, что послужило поводом для написания автобиографической книги «*Apologia pro vita sua*», которая укрепила его авторитет в английском обществе.

В 1878 г. оксфордский Тринити-колледж присвоил ему звание почетного преподавателя, а год спустя, по ходатайству английских католиков-мирян, Папа Лев XII объявил его кардиналом.

«Идея Университета» Ньюмена («*The Idea of a University*») является одним из классических текстов, во многом заложивших западную, европейскую традицию философского обсуждения университе-

та как субъекта социальных изменений. Одной из фундаментальных идей этой работы является всестороннее обоснование миссии университета — утверждение единства человечества. Это убеждение ведет свое начало от «Метафизики» Аристотеля — все знание образует собой единое целое, «круг», из которого различные ветви познания вычлениают тот или иной сегмент. Этот принцип направляет все рассуждение «Идеи Университета».

Цель университета — культивирование интеллекта. Интеллект понимается Ньюеном как относительно устойчивая структура умственных способностей индивида, отождествляемая с системой умственных операций, со стилем мышления и стратегией решения жизненных проблем, с эффективностью индивидуального подхода к ситуации, требующей познавательной активности и обладающей универсальными характеристиками.

Остановимся подробнее на предыстории книги «Идея Университета».

Получив общественное признание, а также степень доктора теологии по постановлению Папы Римского Пия IX, 15 апреля 1851 г. Ньюену поступило неожиданное предложение от примаса Ирландии, доктора Пола Каллена: высказать свои рекомендации по поводу основания в Ирландии университета для католиков и прочитать там серию лекций, направленных против «смешанного образования» (т. е. против совместного обучения католиков и протестантов, когда из учебного плана изымались теология и религиозное учение).

Пять лекций, прочитанных Ньюеном с 10 мая по 7 июня 1852 г., составили первоначально материал книги «Идея Университета». Они публиковались каждые две недели в форме брошюр по мере их публичного представления. Еще пять лекций были написаны после вынужденного перерыва и также вышли в форме брошюр с предисловием и приложениями. Все лекции были объединены под единым переплетом и изданы единой книгой 21 ноября 1852 г. в Дублине (фактически книга вышла 2 февраля 1853 г.). Она явилась первым изданием знаменитой «Идеи Университета». Первоначально она носила название «Беседы о предмете и сущности университетского образования. Для католиков Дублина». Заметим, что ни пятая беседа, озаглавленная как «Общее знание, рассматриваемое как единая философия», ни подробное приложение в последующие издания не попали.

Второе издание книги под названием «Предмет и сущность университетского образования» вышло в Лондоне в 1859 г. В данном издании опубликовано лишь восемь бесед (первая и вторая лекции были объединены, а пятая не была включена вовсе), которые подверглись значительной стилистической правке автора. В 1873 г. первая и вторая лекции вновь были напечатаны отдельно, и все девять лекций вышли под названием «Идея Университета».

Третье издание состояло из двух частей — девять бесед об университетском преподавании и десять лекций, первоначально адресованных членам католического университета. Вторая часть впервые публиковалась в 1858 г. как отдельный том с названием «Lectures and Essays on University Subject». Именно издание 1873 г. считается наиболее полным. Однако и во все последующие издания Ньюмен вносил изменения, в том числе и в девятое издание (1890).

Именно по этой причине у издателей нет окончательного мнения по поводу канонического текста. Мы остановились на публикации первых девяти лекций, составляющих, по нашему мнению, базовый текст книги. В основу предлагаемого перевода положено издание 1960 г. — первое издание книги на русском языке, которое воспроизводит опубликованную в 1899 г. полную версию книги 1873 г.¹ Лекции второй части были опубликованы в «Отечественных записках»².

Ньюмен справедливо полагал, что все университеты время от времени нуждаются «в обновлении» в связи с необходимостью приведения их в соответствие с требованиями времени, но никогда ранее университет не выступал в качестве места для формирования индивидуального субъекта. Это было иное решение проблемы единства, изначально присутствующее в «идее университета», разрабатываемое в то время, когда в связи с возникновением новых наций начали появляться свои, национально окрашенные модели университетского образования.

Так, современник Ньюмена, автор немецкой модели университета Вильгельм Гумбольдт представлял единство как преемственность наук на основе рационализма. Рационализм, по его мнению, преподаанный в должное время, должен открывать доступ ко всем наукам и любым знаниям, благодаря чему возникает возможность качественного приращения знаний от поколения к поколению. В этом суть концепции социального и культурного развития, олицетворяемая германским университетом. Ньюмен предложил иное решение проблемы единства — на основе формирования либеральной личности джентльмена. Надо отметить, что понятие «джентльмен» определялось им строго и исчерпывающе.

¹ См.: John Henry Cardinal Newman «The Idea of a University» / Ed. by Martin J. Svaglic. San Francisco: Rinehart Press, 1960.

² «Христианство и научные изыскания. Лекция для студентов школы естественных наук». «Christianity and Scientific Investigation. A Lecture for the School of Science». (1855). Лекция в качестве отдельной главы включена во вторую часть сборника Дж. Г. Ньюмена «Идея университета» / Пер. с англ. А. Ливерганта // Отечественные записки. № 6 (15). 2003.

В труде Ньюмена мы можем обнаружить известные параллели с мышлением немецкого идеализма. Он представляет знание как целостную сущность. Предмет университета — не частное знание, а «интеллектуальная культура». Далеко не общее понятие культуры является у Ньюмена основанием органического синтеза, который воздействует и как целое, и как содержание его составных частных знаний, без чего не может быть ни целого, ни главного. В структуру этого целого Ньюмен органически включает и теологию. Таким образом, структура и критерии единого знания у Ньюмена иные, нежели у Гумбольдта.

Либеральное знание есть некая противоположность знанию утилитарному. Для Ньюмена знание и есть цель. Чутье полезного в нее тоже входит, но частные и прикладные знания не являются целью университетского образования. Такой целью, по Ньюмену, должны быть либеральные ценности — свобода и автономное индивидуальное поведение. Эта определяющая оппозиция германскому рационализму оказывается ближе к утилитарно-философскому (нежели более широкому — философскому) взгляду на образование.

Образование, но не обучение, в университетском проекте Ньюмена занимает ведущее место. Среди методов преподавания он выделяет два основных, у одного — философская цель, у другого — механическая. Ньюмен не выбирает между ними, но указывает, что нужно тщательно подбирать их в зависимости от конечных целей образования.

Как полагает Ньюмен, университет по своей природе либерален, так как является высшим средоточием интеллектуальной культуры, которая рождается благодаря свободному общению представителей разнообразных знаний, воплощающих их своей личностью и всем образом жизни, чему и подражают студенты. Среда, в которой находятся студенты, — незаменима. Вне университета ее невозможно наблюдать нигде. Таким образом, Ньюмен выступает носителем известной традиции, представляющей университет как единую корпорацию преподавателей и студентов, образующих единое сообщество в поисках себя и истины. Здесь уместно указать на постоянную тему Ньюмена, направленную на поиск условий единения человечества, красной нитью проходящую через все творчество автора. Проектом университета как католического института Ньюмен предлагал альтернативу экзонациональному стремлению, составляющему современный ему мир. Его католический университет — свободный и универсальный проект. Именно университет, по мысли Ньюмена, призван задавать образец социального устройства.

Средневековый университет, как известно, представлял собой корпоративную организацию, подобную гильдии, где общность занятий, изучение знания и поиск истины выступали достаточным основанием для жизни общины. В условиях модернизма основой жизни университетской общины являлась модель социальных связей и отношений, ко-

торая существует в государстве. В проекте Ньюмена университет оказывался средством выхода из круга застойной отсталости и медлительности, как государственной жизни, так и духовного роста церкви.

Видная роль в этой социальной жизни, согласно Ньюмену, должна принадлежать теологии. И, как указывают историки церкви, Ньюмен отважился искать совершенство в самом теологическом сознании. Именно университет у него — источник искомого совершенства. Примечательной характеристикой этой идеи университета выступает не только идеал личности «джентльмена», но и раскрепощающая, по убеждению автора, роль теологии как хранительницы устоев свободы и просвещения. Образовательная деятельность священников, идеал христианской общины выступают у Ньюмена прототипом модели университета, процессов общения и роста преподавательского и студенческого состава. Оксфорд же — один из примеров «хранителей традиции», черпающих вдохновение в старых идеалах.

В основе модели Ньюмена лежит особое представление о самостоятельной, автономной деятельности студента. По замыслу Ньюмена, студент, помещенный в духовную «экологическую нишу» университета, в первую очередь усваивает особенности этой среды, двигаясь от общего к частному. У него складывается и остается на всю жизнь стремление к культурному развитию собственной личности. Поначалу студент подражает старшим в силу их авторитета и опытности, в последующем этому усвоенному поведению начинают подражать и другие люди, окружающие студента вне стен университета.

По Ньюмену, личность студента, оказываясь высокоразвитой благодаря университету, с неизбежностью становится локомотивом общественной жизни. Либеральная личность и есть то условие, благодаря которому достигается согласие социального и индивидуально-го интересов. Свобода избрания студентом либерального способа поведения, как полагал Ньюмен, призвана обеспечить развитие либеральных установок, мотивов, а также основ социального процесса, концентрирующегося вокруг выпускников университета.

Проект Ньюмена, осуществленный в «Идее университета», и ряд других проектов активной общественной жизни Ньюмена ознаменовались обилием серьезных коллизий. И, как указывает Билл Ридингс — продолжатель традиции исследования идеи университета, не всегда они завершались победой Ньюмена, но всегда — его личностным ростом, масштаб которого оказался источником влияния этого неординарного человека и в наше время.

М. А. Гусаковский

Джон Генри Ньюмен

ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА

John Henry Cardinal Newman

THE IDEA OF A UNIVERSITY

In Nine Discourses Delivered to the Catholics of Dublin
In Occasional Lectures and Essays
Addressed to the Members of the Catholic University

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу настоящих Бесед положен следующий взгляд на Университет: Университет — место *преподавания* универсального знания. Это означает, с одной стороны, что цель его — интеллектуальная, а не духовная, и что, с другой стороны, она заключается именно в распространении и продвижении знания, а не в прибавлении его. Будь целью Университета научные и философские изыскания — я не вижу, для чего в нем нужны студенты, а если же религиозное воспитание — зачем тогда ему быть обителью литературы и науки.

Таков Университет в *сущности* своей и независимо от его связи с Церковью. Но на практике он не может должным образом исполнять указанное предназначение без помощи Церкви, то есть, если употребить теологическое понятие, Церковь необходима для его *цельности*. Не то чтобы главные его особенности от такого союза претерпели изменение, ведь перед ним по-прежнему стоит обязанность интеллектуального обучения, но Церковь укрепляет его в исполнении своего долга.

Таковы основные принципы нижеследующих Бесед, хотя неразумно ожидать от меня, что столь огромную и важную область мышления я сумею охватить с нужной полнотой и точностью, позволяющей избежать случайного недопонимания моих мыслей читателем. Верно, что в использованных мною доводах нет ничего нового или неизвестного, но меня от подобных недоразумений это не оберегает, ведь уже само то, что очерченные мной взгляды не придуманы мной, может привести к ложным представлениям о моем отношении к тем, от кого мне впервые довелось их узнать, и, возможно, меня истолкуют в духе целей или учений тех школ, которым я должен быть в действительности противопоставлен.

Например, кое-кто может испытать искушение обвинить меня в подобострастном следовании английской идее Университета, дабы принизить то Знание, в защиту которого я столь пылко выступаю; кроме того, они вдобавок могут высказать опасение, что учебная система, созданная по моему образцу, не приведет ни к чему луч-

шему или высшему, нежели воспитание того старомодного типа человека и пережитка феодализма, каким они считают Джентльмена¹. Что ж, я ожидал эти обвинения и дал на них ответ в разных местах своих рассуждений, и если найдется какой-либо католик, который присоединится к этим обвинениям (а именно к католикам, в первую очередь, обращен данный труд), я бы просил его прежде задаться вопросом: *какую причину*, по его мнению, усматривал святейший престол, рекомендуя ирландской иерархии незамедлительно учредить католический Университет? Разве Папа Римский помышлял при этом о благе наук, которые должны быть материалом, а не о благе студентов, которые должны быть предметом преподавания? И возложено ли на него обязательство или долг в отношении светского знания как такового? Подобаet ли его, преемника св. Петра, апостольскому сану радесть о философии Бэкона или иной мирской философии ради нее самой? Разве наместник Христа связан долженствованием или обетом служить проповедником теории гравитации или мучеником электромагнетизма? И не освободился бы он от того произволения, исполнение которого было бы возложено на него, овладей им абстрактная любовь к этим содержаниям, сколь бы истинны, прекрасны, тонки или полезны они ни были? Не истолковывает ли он все эти достижения разума, насколько он их вообще истолковывает, единственно и только в их связи с Богооткровенной Истиной? Несомненно, все, что он делает, он делает во имя Религии; когда он благосклонно взирает на могучие светские государства, сулящие незыблемость, то во благо Религии, и если он поощряет и опекает искусство и науку, то тоже во благо Религии. Ему доставляют радость самые широкие и философские системы интеллектуального воспитания, потому он так глубоко убежден в том, что Истина — его действительный союзник и призвание, а Знание и Разум — надежные служители Веры.

Это неопровержимо, поэтому вполне очевидно, что, предлагая ирландской иерархии учредить Университет, он ставит своей первоочередной, главной и непосредственной целью не науку, или искусство, или профессиональное мастерство, или литературу, или добычу новых знаний, но определенное благо, приносимое его чадам литературой и наукой; не лепку их по тому или иному ограниченному и фантастичному образцу, каковым может быть назван, например, так величаемый Английский Джентльмен, а

¹ См.: Huber. English Universities. London. 1843. Vol. ii, part 1. P. 321.

развитие и укрепление в них определенных склонностей — нравственных и умственных. Ничто иное не может быть его целью, если он, как подобает апостольскому преемнику, желает с полным правом повторить вслед за св. Павлом: «Non judicavi me scire aliquid me inter vos, nisi Jesum Christum, et hunc crucifixum»¹. Как военачальник желает иметь рослых, ловких и бодрых солдат не из-за какой-то абстрактной приверженности воинским идеалам роста или возраста, но для целей войны, и никто при этом не сомневается в том, что естественно и похвально думать для него не об абстрактных достоинствах, а о живых людях, дышащих воздухом, так и Церковь, основывая Университет, печется о таланте, гении или знании не ради себя, но ради чад своих, помышляя об их духовном благополучии и религиозном влиянии и пользе, желая подготовить их к тому, чтобы лучше исполнять отведенные им в жизни роли, и сделать их более разумными, умелыми, деятельными членами общества.

Но несправедливо утверждать, будто Церковь жертвует наукой и, под предлогом исполнения своей миссии, обращает Университет к целям, ему не свойственным, так как нужно иметь в виду, что помимо Университета есть иные институты, гораздо более пригодные для организации философских изысканий и расширения границ нашего знания. Таковы, например, столь чтимые в Италии и Франции литературные и научные Академии, которые часто связаны с Университетами, играя при них роль комитетов или, как это иногда бывает, конгрегаций и объединений. Так, например, нынешнее Королевское общество возникло при Чарльзе II в Оксфорде, как и уже в наше время — Общество Ашмола и Архитектурное общество. Такова же Британская ассоциация, кочующая организация, которую время от времени можно обнаружить в стенах протестантских Университетов Соединенного Королевства и изъяны которой заложены не в ее преданности одной лишь науке, а в более глубоких недостатках, вдаваться в которые здесь не место. В числе прочих можно упомянуть Общество древностей, Королевскую академию изящных искусств, а также многие другие учреждения. Эти объединения занимаются прежде всего Наукой, а не студентами, и так полагаю не я один, схожего мнения придерживается прославленный кардинал Гер-

¹ «...ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1-е посл. к коринфянам апостола Павла, 2, 2). — *Примеч. ред.*

дил. «Ce n'est pas, — говорит он, — qu'il y ait aucune véritable opposition entre l'esprit des Académies et celui des Universités; ce sont seulement des vues différentes. Les Universités sont établies pour *enseigner* les sciences *aux élèves* qui veulent s'y former; les Académies se proposent *de nouvelles recherches* a faire dans la carrière des sciences. Les Universités d'Italie ont fourni des sujets qui ont fait honneur aux Académies; et celles-ci ont donné aux Universités des Professeurs, qui ont rempli les chaires avec la plus grande distinction»¹.

Сущность вопроса и история философии советуют нам закреплять за Университетами и Академиями различные виды умственного труда. Исследовать и обучать — разные задачи, предполагающие разные таланты; нечасто можно встретить человека, равно одаренного и в первом, и во втором. Тот, кто каждый день делится своими знаниями со всяким пришедшим, вряд ли будет иметь время и силы, чтобы открывать нечто новое. Здравомыслящие люди давно связали воедино поиски истины и уединенность, покой. Величайшие умы так сосредотачивались на своем предмете, что не могли позволить себе отвлечься от него; они были рассеяны, имели своеобразные привычки и в той или иной мере избегали лекционных залов и учебных заведений. Пифагор, светоч великой Греции, провел какое-то время в пещере. Фалес, слава Ионии, жил уединенно, отказываясь от приглашений царей. Платон удалился из Афин в рощи Академии. Аристотель двадцать лет пробыл при нем в учениках. Монах Бэкон жил в башне над Исидой. Ньютон столь глубоко погружался в размышления, что едва не терял рассудок. Величайшие открытия в области химии и электричества совершены не в Университетах. Обсерватории чаще всего располагаются не внутри Университетов, а за их пределами, но, даже находясь в их стенах, они могут не иметь с ними духовной связи. Порсон не давал уроков, Элмсли провел добрую часть жизни в деревне. Я не отрицаю, есть убедительные примеры и противоположного рода, быть может, Сократ и, несомненно, лорд Бэкон, но я все же полагаю, что в целом следует признать: если преподавание немислимо без общения с внешним миром, то

¹ «Не то чтобы имелось какое-либо противоположение духа Академий и Университетов, различия здесь кажущиеся. Университеты основаны для того, чтобы *обучать* наукам *своих учащихся*, которые желают образования; Академии предлагают проводить *новые научные исследования* тем, кто посвятил себя научной карьере. В Италии Университеты создали предметы, которые делают честь Академиям, а те дали Университетам преподавателей, которыми пополнились кафедры к своей немалой славе». Opere, t. iii, p. 353.

естественной обителью размышления и эксперимента является уединение.

Если вернуться теперь к вопросу, от которого я, как может показаться, отвлекся, то, думаю, в целом я выбрал верный путь: вне зависимости от того, должен или нет католический Университет ставить перед собой цель делать своих студентов Джентльменами, все равно он обязан делать их кем-то, а не просто защищать интересы науки и развивать ее. Если это можно считать доказанным, а я полагаю, что можно, то остается только решить, удалось ли мне нарисовать правдоподобный образ того, *какую пользу* для говорящих на английском языке католиков желал принести святейший престол, посоветовав ирландской иерархии основать Университет; за изучение данного вопроса я теперь и принимаюсь.

Естественно было бы спросить у тех, кого этот вопрос интересует, возможно ли дать более совершенное, нежели предложенное мною в настоящем труде, толкование рекомендации папского престола. Я несколько не считаю поспешным утверждать, что если протестанты обладают множеством преимуществ при получении образования в Школах, Колледжах и Университетах Соединенного Королевства, первые лица нашей Церкви стремятся к тому, чтобы католикам были предоставлены те же возможности, каковы бы они ни были. Мне вполне понятно, отчего они считают пагубным для интересов Религии не распространять ту воспитательную работу, которая проводится с протестантами, и на собственную молодежь. Поскольку они хотят, чтобы их школы для бедных и средних слоев находились по меньшей мере в равном положении с протестантскими школами, они намерены добиваться того же в отношении высшего образования, которое доступно сравнительно немногим. Протестантская молодежь, располагающая большим количеством свободного времени, продолжает свое образование до двадцати одного или двадцати двух лет, тем самым занимая себя в ту важнейшую пору жизни, которая особо благодатна для умственного развития. Мне понятно, почему наши Прелаты столь обеспокоены последствиями подобного положения дел, ведь молодой человек, заканчивающий свое образование в семнадцать лет, далеко отстает (*cæteris paribus*¹) от того, кто завершает его в двадцать один год.

Представители всех слоев католической общины находятся под впечатлением от этого очевидного факта. Как следствие, ка-

¹ При прочих равных (лат.). — *Примеч. ред.*

толики, которые жаждут сравняться с протестантами по широте и утонченности интеллекта, вынуждены поступать в протестантские Университеты, дабы получить отсутствующее у себя. Полагая (в соответствии с предписаниями Конгрегации пропаганды веры), что протестантское воспитание является для нашей молодежи нецелесообразным, мы усматриваем в этом дополнительную причину того, почему все те блага, которые предоставляют протестантские общины посредством проповеди протестантизма, должны быть доступны католикам в католических учреждениях.

Что же это за блага? Повторю еще раз, они сводятся к двум словам: культура интеллекта. Обездоленные, приниженные и вытолкнутые на обочину жизни католики Британских островов веками не имели доступа к тому образованию, без которого не может обойтись светская персона, государственный деятель, землевладелец или состоятельный Джендльмен. Их лишили не только права на защиту со стороны закона, на исполнение своего долга, на исконные виды деятельности, но и сделали недоступным развитие тех социальных и умственных способностей, которые требуются, чтобы прекратить притеснение и воспользоваться открывшейся возможностью. Пришла пора избавиться от этой нравственной ущербности. Нам недостает не манер и душевных качеств Джендльмена — их можно приобрести множеством иных способов: посредством хороших знакомств, благодаря заграничным путешествиям, в силу врожденного благородства и достоинства католического склада ума, — а энергичности, стойкости, разносторонности и гибкости интеллекта, власти над своими способностями, мгновенного схватывания сути происходящего, то есть всего того, что иногда даровано от природы, но обыкновенно приобретается лишь усердием и многолетними упражнениями.

Именно в этом заключается действительное воспитание духа, и я не отрицаю, что оно формирует также качества, отличающие Джендльмена. Мы не должны стыдиться последнего, так как поэт давно сказал: «*Ingenuas didicisse fideliter artes Emollit mores*»¹. Либеральное образование, несомненно, проявляется в учтивости, благопристойности, изысканности слога и манер, что само по себе прекрасно и приятно окружающим, но оно дает и много сверх того. Образование дисциплинирует ум, ибо ум подобен в этом телу. Мальчики вырастают из своей формы и силы, они должны научить-

¹ «Добросовестное изучение свободных искусств смягчает нравы» (Овидий). — *Примеч. ред.*

ся координировать движения конечностей, а их телосложение должно стать пропорциональным. Ошибочно принимая животную подвижность за телесную мощь и безрассудно полагаясь на крепость своего здоровья, не ведая о том, каков предел их выносливости и как управлять собой, они теряют чувство меры, начинают бросаться в крайности и губят свое здоровье. Это накладывает отпечаток на весь их нрав; первоначально их интеллект не опирается ни на какие принципы, у них нет четких убеждений, нет представлений о последствиях. Поэтому, бывая болтливы, они говорят сбивчиво и не могут удержаться от легкомысленных или, как принято выражаться, «мальчишеских» поступков. Их ослепляют видности, за которыми они не различают самих явлений.

Хорошо, что нельзя остаться мальчиком навсегда, но нет ничего более распространенного, чем взрослые люди, рассуждающие на политические, нравственные и религиозные темы в той бесцеремонной, самонадеянной манере, которую обозначают словом «надуманная». Стоит их услышать человеку понимающему, как ему на ум тут же приходит: «Да они не знают, о чем говорят». Подобные люди могут, сами того не замечая, спокойно высказать друг за другом прямо противоположные суждения. Те из них, чьи недостатки в интеллектуальном воспитании менее заметны, все силы тратят на свои самые неблагоприятные капризы или, как их еще называют, хобби, лишая себя возможности завоевать признание своими бесспорными достоинствами. Другие не замечают того, что находится перед их глазами, не видят сути и не сознают сложности трудных предметов. Иные же безнадежно упрямы и предвзяты и могут, согласившись с чужим мнением, в следующий миг вернуться к старым убеждениям, не утруждая себя объяснениями. Бывают еще столь нетерпеливые и неуступчивые, что для благого дела нет худшего бедствия, чем когда они берутся за него. Из приведенных мной примеров нетрудно увидеть, что, изображая интеллектуальные несовершенства, я веду речь не о католиках, а человеческом роде в целом; я говорю о том зле, которое обступает нас в железнодорожном вагоне, в кафе или на отдыхе, в случайной компании, о зле, которому, впрочем, католики подвержены не меньше прочих людей.

Когда ум правильно выучен, организован и обладает целостной картиной или образом вещей, он будет проявлять свои свойства с большим или меньшим успехом в зависимости от конкретных качеств и способностей индивида. У большинства людей он дает о себе знать в добронравии, трезвости мысли, разумности,

прямодушии, самообладании и стойкости взглядов, характеризующих человека. У некоторых он выразится в умении вести дела, в даре убеждать окружающих, в сообразительности. В других он разбудит талант к философствованию либо позволит их уму выдвигаться на первые позиции в той или иной области умственной деятельности. Но у всех он предстанет в виде способности сравнительно непринужденно вникать в любую мысль и легко овладевать любой наукой или профессией. Всем этим он станет и все это совершит в той или иной мере, даже если ум будет воспитан по образцу, верному лишь отчасти, ибо в том, что касается эффективности, даже неверные взгляды оказывают больше влияния и вызывают больше уважения, чем отсутствие взглядов. Люди, которые воображают себе то, чего нет, всегда подвижнее и точнее тех, кто ничего не видит, а потому убежденный безбожник, фанатик, еретик способен на многое, тогда как наследственный христианин, никогда не разумевший истин, исповедуемых им, ни к чему не способен. Но если непоколебимость взглядов придает такое могущество даже заблуждению, то отчего бы не ожидать, что она сообщит достоинство, силу и влияние Истине!

Некоторые, впрочем, могут возразить мне, что я, столь многословно рассуждая о воспитании интеллекта и последующем формировании им образа мира, занимаюсь ложным философствованием, которое проявляется в том, что, за неимением лучшего слова, я назову «обзорностью». Можно сказать, что обучение, построенное на изложенной мной теории Университетского Образования, не даст молодежи глубокого, всестороннего воспитания и ограничится, в лучшем случае, формированием у них блестящих общих взглядов на все подряд.

При надлежащем обосновании этот довод мог бы стать самым серьезным возражением на идеи, отстаиваемые в данном труде, а потому потребовал бы моего самого пристального внимания, когда бы у меня не было причин полагать, что я смогу сразу устранить его — будь для этого место — при помощи простого разъяснения того, что я именую *способом* обучения. Однако настоящие Беседы посвящены рассмотрению *целей* и *принципов* Образования. Поэтому вполне достаточно будет сказать, что, по моему глубокому убеждению, первым шагом в воспитании интеллекта является прочное запечатление в уме мальчика идей науки, метода, порядка, принципа и системы, а также правила и исключения, красоты и гармонии. Обыкновенно этого можно добиться, если начать обучение с Грамматики, и ради совершенствования такого

рода способностей его нужно упражнять самым тщательным, детальным и подробным образом. Именно эти навыки ложатся в основу его умственной дисциплины, когда после школы он приступает к учебе в Университете. Вторая наука — Математика; она должна идти вслед за Грамматикой, но служить той же цели, а именно: созданию у него представления о развитии и системе, берущих начало из единого центра и разворачивающихся вокруг него. Следом идут Хронология и География, которые столь нужны ему при ознакомлении с Историей, иначе являющейся не более чем коллекцией занимательных рассказов. Кроме того, важную роль играет искусство Метрического Сочинения, которое позволяет понимать Поэзию, тем самым подвигая его на практическое применение своих способностей и оберегая от пассивного заимствования образов и идей, которые покидают ум столь же легко, как и проникают в него. Пускай он усвоит привычку прилагать метод, исходить из прочных оснований, обосновывать каждый свой шаг, проводить различие между известным и неизвестным, и я считаю, что постепенно он приобщится к величайшим и истиннейшим философским системам и не будет испытывать ничего, кроме презрения и отвращения, к тем наскоро состряпанным теориям, напыщенным софизмам и эффектным парадоксам, которые неудержимо влекут к себе неподготовленные и незрелые умы.

Подобные бессистемные построения представляют одно из величайших зол нашего времени, и по-настоящему одаренные люди без промедления с ними расправляются. Сегодня умным человеком называют всякого, у кого есть «мнение» по любому философскому вопросу, на любую злободневную тему. Едва ли не позором считается не иметь готового суждения по любому поводу, начиная со второго пришествия и заканчивая холерой или месмеризмом. В значительной мере виновницей такого положения дел является периодическая литература, пользующаяся теперь огромным спросом. Чтобы публика не скучала, нужно ежеквартально, ежемесячно, еженедельно, ежедневно представлять новую теорию из области религии, международной политики, внутренней политики, экономики, финансов, торговли, сельского хозяйства, эмиграции и колоний. Рабовладение, золотодобыча, немецкая философия, Французская империя, Веллингтон, Пил, Ирландия — все это изо дня в день муссируется так называемыми оригинальными мыслителями. Подобно тому, как приглашенный к знаменитости гость должен на вечернем банкете рассказать веселую историю или

что-нибудь спеть, как выступающий с трибуны оратор приводит красноречивые факты, так и журналиста всегда подстегивает суровая необходимость как можно короче излагать доходчивые мнения, поверхностные идеи, а также простые истины, чтобы они поспевали к завтраку. Сама форма периодической литературы, разделенной на законченные мелкие фрагменты и обязанной быть точной до минуты, навязывает привычку к импровизированному философствованию. «Почти все пустышки, — говорит Босуэлл Джонсон, — были написаны так, как того требовала пресса, то есть сначала автор отправлял часть очерка и, пока она печаталась, сочинял остальное». Немногие имеют дарование Джонсона, который, дабы укрепить мощь и расширить возможности интеллекта, при надлежащей готовности последнего, сочетал редкое здравомыслие и добросовестное служение истине, что охраняло его от ветрености и крайностей в писательстве. Таких, как Джонсон, сегодня мало, зато много тех, к умственным способностям которых ежесекундно предъявляются требования, удовлетворить которые способен только такой плодотворный талант, как у него! Существует спрос на безрассудную вычурность мышления и броскую убедительность аргументации, которые у него вызвали бы только презрение, даже если бы он и смог их продемонстрировать; иными словами, существует спрос на необдуманные теории и поверхностную философию, а не на их отсутствие. Это своего рода повторение вопроса Ареопагита «*Quid novi?*»¹, и на него следует иметь ответ. Нужно отыскать тех, кто способен, наподобие афинского софиста, заниматься, где понадобится, *de omni scibili*.

Grammaticus, Rhetor, Geometres, Pictor, Aliptes,
Augur, Schœnobates, Medicus, Magus, omnia novit².

Рассуждая о подобных писателях, я всецело им сочувствую, так как на их трудах лежит печать жесточайшего рабства. Мне самому не доводилось ни попадать в такие обстоятельства, ни оказываться под натиском искушений, с ними связанных, но большинство из тех, кто занимался сочинительством, знакомы с мукой, которую временами вызывает у них необходимость писать — мукой подчас столь острой и своеобразной, что она напоминает

¹ «Что я знаю?» (лат.). — *Примеч. ред.*

² Грамматик, ритор, геометр, художник, алипт, авгур, канатоходец, врач, маг — все он умеет (лат.) (Ювенал). — *Примеч. ред.*

телесную боль. Боль эта свидетельствует об износе души, и если сочинения, создаваемые в сравнительном покое, приводят к такой умственной усталости и истощению, то насколько тяжело должно быть тем людям, интеллект которых каждый день в парадном убранстве выставляется всем напоказ, причем это убранство следует постоянно обновлять и разнообразить и взять его можно только из себя, как шелковичный червь ткет кокон из собственной нити! Но при всем искреннем сочувствии, которое мы можем испытывать к обладателям этой дорогого обходящейся роскоши, и впечатлении огромного интеллектуального могущества, которое может производить на нас обсуждаемая литература, мы не способны закрыть глаза на ее очевидное зло.

Наконец, просится еще одно замечание, последнее из тех, что, на мой взгляд, необходимо сделать. Роль, которую в прежние времена исполняли Университеты, теперь перешла к так называемому литературному миру, который я описал выше. Нельзя смириться с тем, что осуществляемое им воспитание, чего никто не может отрицать, столь бессистемно, столь претенциозно, столь переменчиво. То, что огромная часть пишущих безымянна, лишь увеличивает серьезность наносимого вреда, потому как безответственная власть всегда есть великое зло, но даже если авторы известны, они не могут дать никакого иного доказательства философской истинности собственных принципов, кроме своей мимолетной славы и удачного совпадения с нравами эпохи, платящей им признанием. Протестанты могут поступать по собственному усмотрению, как им заблагорассудится, мы же должны заботиться о том, чтобы наши законодатели и судьи нравственного долга исполняли более важные функции. Католические прелаты должны пещся по меньшей мере о том, как должно учить своих прихожан мудрости, оберегать их от невоздержанности и капризов отдельных индивидов, приводить их в институты, которые выдержали испытание временем, получили благословение веков и возглавляются людьми, не скрывающими своих имен, так как опора их — в единении с делом своих предшественников и друг друга.

Ноября 21 числа 1852 г.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ,

рассматриваемое в девяти Беседах

БЕСЕДА I ВВОДНОЕ СЛОВО

1

Обращаясь, Джентльмены, к размышлению о том вопросе, который возбудил столь большой интерес и вызвал столько дискуссий сегодня, вопросе об Университетском Образовании, полагаю, что требуется пояснить мысль, пришедшую после стольких затрат разума и стольких экскурсов в историю и опыт жизни, о том, что здесь еще осталось место для работы пытливого исследователя либо полемиста. Если, несмотря на это, мне предстоит все же решиться продолжить эту дискуссию, и без того растянувшуюся, то лишь потому, что предмет Либерального Образования и принципов, на которых оно должно вестись, занимает прочное место в моей душе, мне довелось провести большую часть жизни в таком месте, которое было занято столкновениями людей, как своих, так и со стороны, и мероприятиями, экспериментальными и теоретическими, которые к этому имели отношение. Почти 50 лет прошло, как Университет Англии, в котором я долго состоял членом, постепенно поднимался после столетия бездействия из состояния, когда он не давал образования молодежи, отдавшей себя его поддержанию, до осознания собственных обязанностей, которые содержатся в призвании и в положении его, это дает нам выдающийся пример разнородного и свободного коллектива мужей, который приступил к труду по перестройке себя не под давлением общественного мнения, но по причине правильности и уместности этого дела. Изначальные шаги в этом направлении, начавшиеся при немалых, как в подобных случаях бывает, препятствиях, подвергались критике, завистливой и ревнивой, с первых же шагов доходившей до несправедливости. Полемика лишь означала отчетливую озабоченность взглядами, на которых держались предпринятые реформы, переместив ее по форме в сферу философии. Процесс благотворных изменений, а также того, что было следствием усилий конкретных личностей и педагогического состава,

набирал популярность, был подхвачен и стал осуществляться рядом коллективов, из которых состоял Университет. Такова была первая стадия полемики. Ушли годы, и против этого поднялись политические противники, установившаяся система обучения подверглась второй атаке; но, поскольку борьба проходила в сфере не политических действий, а трактатов и выступлений, случилось, как было и раньше в ходе отражения угрожающих опасностей, всего лишь только то, что дало возможность полнее сформировать и точнее обрисовать те принципы, которые воплощает собой Университет.

В первом случае указанной борьбы обвинение, которое выдвигали против деятельности Университета, состояло в отрыве ее от требований и насущных вопросов жизни, к которым должна вестись подготовка, или против *бесполезности*; а во втором случае борьба касалась проблемы взаимосвязи подготовки и конкретной формы убеждения, то есть *религиозной направленности*.

Прожив столь долго в положении более очевидца, чем действующего лица, в среде этих интеллектуальных баталий, я в состоянии рассказать об Образовании в Университете, пусть и не с позиций авторитета как такового, но с определенной ценностью для всякого католика, которому это знакомо, но меньше, чем проблема того заслуживает. Притом, что эти доводы в данный период весьма существенны для того великого дела, в котором мы все столь заинтересованы, мне это дает особое удовлетворение; ведь, хотя моей участью долгие годы было принимать видное и нередко заранее предопределенное участие в теологической дискуссии, тем не менее, естественный склад моей души ведет мысли в тех направлениях, которые мною будут здесь раскрыты, будучи важными как предмет католичества, допуская обращение с ними с позиций католичества, в то же время являются защищенными от исключительной ранимости и опасностей, связанных со спорами, относящимися к сущности Святого Откровения.

2

По ряду причин начну повествование с упоминания об уроках, преподанных мне в истекшие годы. Первый из них таков: мне не безразлично, Джентльмены, если кто-то из вас считает, что в моих мнениях я воспользовался конъюнктурой. Ничего подобного ко мне лично не имеет отношения, пусть даже я бы пришел к мнению об истинности всего самовнушением из-за длительного

изучения этих вопросов; и, конечно, сила моих свидетельств оказалась бы подорванной, а сами доводы стали бы, как могу я заключить, лишены той нравственной убедительности, которая сопровождает любые испытанные и прочные убеждения. Это бы меня превратило в адвоката, но не в добросердечного и сознательного сторонника и очевидца тех доктрин, которые я должен отстаивать; и хотя можно сказать, что тем самым проявляется вера, которую я вкладываю в практическое мышление Церкви, и внутренняя согласованность моя с мышлением, ею авторитетно санкционированным, и преданность, с которой я предаю себя в распоряжение ее, это бы бросило тень подозрения на всю действительность суждений и выводов, которая оказывается базированной вовсе не на независимом изучении и не на прошлом опыте. А в таком случае вполне обоснованным стало бы весьма веское возражение со стороны оппонентов, что я явился просто удачным исполнителем дела по чрезвычайному поводу, а никак, в конечном итоге, не был возможным более уместный и искусный довод, который при этом не мой и который оказался бы мной позабыт, едва я его подыскал. Но это не так. Воззрения, на которые я опирался, возникли вместе с системой моего мышления, они часть самого меня. Душа моя прошла сквозь многочисленные изменения; не было в ней отступлений и колебаний мнения, и хотя это не доказательство верности моих принципов, оно оставляет печать на убежденности, и выступает обоснованием честности и рвения. Те принципы, которые я намерен изложить под эгидой католической Церкви, мной исповедовались на том начальном периоде жизни, когда религия еще была более для меня вопросом чувства и переживания, чем веры. Они лишь еще глубже завладели мной при знакомстве с памятниками христианской древности и приблизились к католицизму по чувствам и мотивам; моя уверенность в этих принципах с годами увеличилась, ибо я воспитан был в ее рамках.

И тут я подхожу ко второй и более важной причине для того, чтобы опереться, в данном случае, на те выводы, к которым пришли по предмету Либерального Образования протестанты, а именно: те принципы, на которых я провожу исследование, постичь невозможно, как мной уже сказано, они — следствие опыта жизни. Они не просто происходят из Теологии, они не требуют сверхъестественной разборчивости; нет особой связи у них с Откровением, они проистекают почти прямо из сущности конкретности; они диктуются даже благоразумностью и умом людей,

пусть даже и без святого постижения, и они признаны здравым смыслом, даже если нет личной заинтересованности для ускорения этого; а потому они, хотя истинны и справедливы, а также сами по себе добродетельны, как таковые ничего не несут тем, кто их имеет, для религиозной веры. Их могут придерживаться протестанты, равно как католики, и увы, есть основания полагать, что в некоторых моменты и в некоторых местах они окажутся более пристально изученными, глубже понятыми и тверже постигнутыми именно протестантами, а не нами.

Более чем естественно полагать, что в силу этих обстоятельств философия образования основана на истинах естественного порядка. Где жарко светит солнце, а климат юга теплый, там местные жители не имеют понятия о мерах защиты от холода и сырости. Бывают и у них моменты пронизывающие и студёные, бывают и у них холод и проливной дождь, но лишь иногда, день или неделю, это неудобство они переносят как умеют, но у них не выработано искусства отражать его, потому что оно того не стоит, наука обогрева и вентиляции есть достояние северных мест. Именно так католики относятся к протестантам в вопросах образования; протестанты полагаются главным образом на ресурсы людей, а поэтому стараются максимально их раскрыть, их главный ресурс есть единственный у них имеющийся; «знание» есть их «сила» и больше ничего, а заботит их лишь грубая душа. У нас обстоит все иначе: «*funes ceciderunt mihi in praeclaris*»¹. У нас хорошее наследие. Это всегда склоняет нас к действию, что не означает полагаться на молитву сверх меры, а также на Благословение Господа, ибо это неосуществимо, но иногда мы забываем, что лучше всего служим Ему, и Он более всего нам дает, когда, как говорится в предании, мы плечом помогаем колесу выйти из бездорожья, то есть когда имеющиеся ресурсы нами используются до предела, когда мы максимально изыскиваем все ресурсы вне самой природы, положившись на веру и надежду. Но иногда нас искушает пустить все на самотек, будто со временем само все образуется, а мы тем временем, перебиваясь едва, оказываемся в стесненных обстоятельствах и из них выходим в целом с успехом, но с мелкими потерями, которых можно было избежать, а также с массой несовершенств и ущербности в запланированном нами, с борьбой в мнениях впоследствии. Будь это реальным состоянием дел, то, вне сомнения,

¹ «Межи мои прошли по прекрасным местам» (лат.) (Псалтирь, Псалом 15, 6). — *Примеч. ред.*

не было бы оснований прибегать к пониманию и проникновению в то, что составляет опыт некатоликов, если быть вынужденным обратиться к предмету Либерального Образования.

И нет в этой позиции ничего ущемляющего достоинство католичества. Ведь всегда Церковь призывала себе на службу и опиралась на доказательства и авторитеты, внешние по отношению к ней, в тех вопросах, где имелись средства для поиска заключений: а по этому принципу получается, что *Cuique in arte sua credendum*¹. Даже сами неверующие и язычники использовались ею при доказательстве истины, в рамках их показаний. Она прибегает к помощи со стороны ученых, критиков и историков, с которыми соприкасается ее деятельность. Она оформляла свои теологические учения в формулировках Аристотеля; Аквил, Симмах, Феодотион, Ориген, Евсевий и Аполлинарий, каждый из которых, кто больше, а кто меньше, является гетеродоксом, все они дали материалы для примитивной экзегетики. Своим учителем св. Киприан называл Тертуллиана; св. Августин ссылался на Тикония; Боссюэ в современный период воздавал должное трудам англиканина Булла; бенедиктинцы — издатели отцов — прекрасно знакомы с трудами Фелла, Ашера, Пирсона и Бевериджа. Папа Бенедикт XIV по случаю цитирует труды протестантов, а французское собрание христианских апологетов содержит в себе труды Локка, Бернета, Тиллотсона и Палея. И если я выступлю в роли человека, заимствующего взгляды определенных протестантских школ, я сделаю это прежде всего потому, что и прежде католическая Церковь в обилии ее святого просвещения всегда пользовалась любой истиной или находкой, что обнаруживались в их учениях или делах, а в некоторых случаях и в отдельные времена ее дети обогащались или же получали пользу от таких идей, которые в ней не содержались.

3

Позвольте сейчас упомянуть о третьей причине обращения к трудам протестантских организаций в их связи с Либеральным Образованием. Это поможет поближе показать то, как я подхожу к данному предмету. Обратите внимание, Джентльмены, что у меня нет намерения во всем, что мной говорится, вовлекать Церковь в дискуссию, как вообще всякую власть; вопрос этот я рас-

¹ Должно доверять каждому в его науке (лат.). — *Примеч. ред.*

сматриваю только на основе разума и опыта людей. Я исследую все абстрагированно и определяю правильное и истинное вообще. В данный момент мне нечего сказать об истории. Я взвешиваю все по мере создания, не соотнося с прошлым, нахожусь здесь, занят исполнением долга сейчас, я стараюсь всеми доступными средствами далее продвигать те доктрины и воззрения, которые, истинные сами по себе и известные мне, таковыми признаны также у католиков как таковых, а делаю я это совершенно отдельно от рассмотрения тех вопросов, которые до и вне меня были определены. Я здесь, чтобы провести в жизнь и защитить некоторый великий принцип, но не просто реализовать и защитить его, ибо тогда нечего быть здесь. Мое острое восприятие и сердечное принятие этого принципа стало, полагаю, той причиной, по которой я оказался избранным для этой миссии, а также явилось следствием его принятия. Представляется, что данный принцип важен, а я это всегда ощущал. И я выступаю за него на основании его же достоинств, авторитетности, что приводит меня сюда, служа возможностью аргументации, но не основанием самой аргументации.

И есть четвертая причина для обращения к истории протестантских организаций в связи с обсуждением предмета и сущности Университетского Образования. Это послужит напоминанием вам, Джентльмены, о том, что меня занимают вопросы не только исключительной важности, но и практически неотложные. Было бы дурно с моей стороны заниматься таким предметом, по которому спорные вопросы возникали между лицами, находящимися много выше меня по авторитету и званию, по своему положению в обществе, ведь все это мне во многом следует изучить, если это является связанным со святыми истинами либо определениями основных обязательных законов поступков. Было бы претензией так действовать с моей стороны, и потому я так не действую. Даже такой вопрос, как союз светских наук с Теологией, которая есть их религиозная часть, при всей простоте своего абстрактного решения в согласии с определенными отличиями в обстоятельствах, решался в разные времена не одинаково. Необходимость не есть закон, а актуальность есть часто одна из форм необходимости. Для разумных людей не является принципом, каковы бы ни были их взгляды, всегда делать то, что абстрактно есть самое наилучшее. Если напрямую не препятствует тому долг, нам приходится по обязанности делать такое, ибо это самое лучшее в имеющихся условиях, против чего мы ропщем и что нам претит, хотя

мы и исполняем это. Мы наблюдаем, как старания ведут к падению результатов, как надо принять, что есть, или же потерять все, и что, так поступая, мы смиряемся с тем, что нами бы делалось совершенно иначе, будь у нас такая возможность. Потому такая система, в которой Теология и науки преподаются раздельно, может в определенный отрезок времени стать наименьшим злом, она может установиться на долгое время, ее станет опасным изменять, она может стать по убеждению укоренившейся, может оказаться в процессе совершенствования, недостатки ее могут компенсироваться благодаря личностям, которыми она проводится в жизнь.

Поэтому всегда оказывалось, что на ранних этапах Церковь позволяла своим детям посещать языческие школы для усвоения светских достижений, в чем, вне сомнений, не было зла, во всяком случае не больше, чем в смешанном образовании нашего времени. Самые истовые отцы советовали христианской молодежи прибегать к языческим учителям. Святейшие из епископов и авторитетнейшие из докторов в молодости были направлены родителями в языческие лектории¹. И, не считая прочих примеров, в данное время и в этой же самой стране, что касается, по крайней мере, беднейших классов общества, чьи мирские достижения будут ограниченными всегда, для ирландских епископов показалось наилучшим в тех условиях потерпеть введение в стране системы смешанного образования, называемой национальной. Такое положение дел, однако, уходит; что касается Университетского Образования, то высшие власти теперь решили принять план, который абстрактно выступает наилучшим, а в данное время и в данной стране служит также самым неотложным.

4

Мне предоставляется здесь возможность сказать окончательно вслед за этим официальным признанием о том, что есть высшая точка зрения на признание предмета этих Бесед, о которой я и хочу всех поставить в известность. Власть церковная, но не аргументация, является высшим законом и правильным наставлением для католиков в вопросах религии. У нее есть право вмешиваться — а иногда, в случае конфликтов сторон и мнений, — она это право призвана осуществлять. В нашем случае это было недавно осуще-

¹ См. последнюю книгу аббата М. Лалана.

ствлено: она настояла на системе чистого Университета для католической молодежи, запретив всяческие компромиссы и уступки. Конечно, решение ее должно было получить сердечный прием и повиновение, но даже более, потому что данное решение идет не просто от епископов ирландских, но от высшего авторитета на земле, от престола св. Петра.

Далее, такое решение не только означает, что мы ему должны покоряться, но и предъявляет требования к вере каждого. Оно не только действует как запрет на всякого рода шаги, но и самим фактом существования служит запретом всякой аргументации, с ним не согласующейся. Оно несет залог и предзнаменование своей актуальности. Представив, что среди присутствующих, кто меня слышит, могут оказаться некоторые, готовые сказать, что признают в данных принципах образования, на стороне которых я намерен выступить, все мыслимые изъяны, за исключением того, что принципы эти практичны. Можно представить, что многие готовы признать: принципы правильные, а также очевидные, противиться им, хотя бы на бумаге, невозможно, но при этом они будут говорить, что, в конечном счете, эти принципы — просто мечтания людей, живущих далеко от событий, не способных рассмотреть то, как трудно поддержать на достигнутой высоте католичество, тем более в лоне изумительного нашего девятнадцатого столетия. Правильные в демонстрации, эти принципы, однако, работать не будут. Увы, это только мое допущение, но в данном случае может случиться, что только посредственное является самым лучшим на практике, потому что реально самое лучшее недостижимо.

А это, как многие говорят, и есть положение дел в наше время. Припоминаю в подробностях бесконечные препятствия, большие и малые, огромные и лишь слегка огорчительные, которые наносят вред попыткам достойно осуществить некий принцип — сам по себе истинный и церковный. В защиту этого прибегают к умным и глубоким мыслителям, далеким от враждебности к католичеству или к ирландской иерархии, и нет никакой надежды, и даже появляется неверие в то, что образование возможно осуществить в данное время на теологической основе для молодежи различных религий, отделив их одна от другой в условиях нашей страны. И чем больше думаешь о состоянии политики, позициях партий, чувствах классов, а также прошлом опыте, тем прозрачнее представляется цель Университета, у которого основополагающим принципом выступает католичество. Увы, даже если по-

пытки этого шага случайно увенчаются успехом, то не утратятся ли все блага из-за порожденных при этом недостатков? Как велики жертвы и в скольких окажутся они направлениях, в которых явятся осуществленными и развернутыми далее эти шаги? А сколько ран, явных и скрытых, будет нанесено политическим деятелям! А если провалится все это, вероятность чего высока, то двойным обманом станет вследствие этого признание тех пороков, которые не удалось преодолеть. Это — глубокие наши душевные сомнения, и, пропорционально силе, с которой они нас посещают, появляется озабоченность и тревога за то, что то же должно быть и у тех, кого любишь, кого почитаешь, кто по той или иной причине откажется пройти через них.

5

Это и не только говорят мне некоторые добрые католики. Сами они могут высказаться лучше меня, то есть более откровенно и остро, сильнее в доводах и подробнее в деталях, а я откровенно и немедленно признаю, что буду впредь настаивать на этой высоко теологической позиции в отношении Университета без попыток давать прямые ответы на доводы о практической реализуемости принципов. Я не утверждаю, что ответ невозможен, напротив, по моему твердому убеждению, по мере пристального анализа возражений они улетучатся. Но как бы то ни было, мне не подобает входить в споры с теми, кто разбирается в этих проблемах лучше меня. Ведь что мне известно о положении дел в Ирландии, чтобы предлагать собственные мысли, из них правильным может быть лишь то, что случайно совпадает с истиной, если выступать на фоне тех, кто родился в этой стране и говорит на ее языке от рождения? Нет, Джентльмены, вы судьи в вопросе о трудностях, которые нас угнетают, а они, вне сомнений, больше, чем я способен представить или предугадать. Позвольте ради интересов доказательства мне гипотетически представить, что все вы против начатого дела нашего, а даже намного больше. Ваши доказательства сущностной неосуществимости дела явятся для меня столь же рациональными, как мои собственные о теологической его необходимости. Так с чего же мне так спешить и опрометчиво поступать, срываясь в пучину забот, которые далеко не мои только? Зачем заниматься не своим делом? Зачем так упорно и безоглядно устремляться к тому, что станет для меня, быть может, незрелым

актом и обернется разочарованием, будто бы я не был уверен в тех или иных испытаниях, и без всякой попытки их пережить?

Размышления такого уровня приходят на ум даже самым смелым и способным, за исключением одной мысли. В гущу наших трудностей у меня есть лишь одна опорная основа, одна надежда, но, как мне кажется, она достаточна для того, чтобы быть полезной взамен всех иных доводов, чтобы закалить меня при любой критике, чтобы получить поддержку при сомнениях, которая всегда дает ориентацию при решении вопроса о соотношении реального, осуществимого и назревшего. Это решение святейшего престола: св. Петр сказал, что ему угодно то, что нам не представляется таковым. Он сказал и наложил требование, чтобы мы ему доверились. А он не отшельник и не уединенный ученик, не исповедник культа ушедших, не глас пророков. Он тысячу восемьсот лет прожил в мире, предвидел всякие судьбы, столкнулся с многими противниками и подготовился ко всем неожиданностям. И если когда-либо была сила видеть сквозь время, которая себя ограничивала только фактами и могла убедиться в своих прогнозах, чьи слова оказались фактами, а указания пророчествами, то в истории веков именно Петр восседает из поколения в поколение на престоле апостольском как наместник Христа, как доктор Церкви Его.

6

Джентльмены, это не риторические слова, а история. Все, кто участвует в делах апостольских, побеждают. Петр в давние времена дал свои гарантии в залог доверия, о котором Он возглашает. Он с самого начала видел весь огромный мир, который был в его ответственности, и, согласно требованиям дня и вдохновению Бога своего, занимался то одним предметом, то другим, но совершал все своевременно, никогда не тщетно. Он занялся вначале веком развития и изящества, как наш, и, несмотря на преследователя, богатого в запасе жестокости, вскоре собрал достаточно материала, сделав это из всех классов общества (например, раба, солдата, высокородных дам, софистов), чтобы сформировать народ, к чести своего Господина. Дикие орды налетели с севера вихрями, но Петр встретил их и отрезвил самым взором своим и дал им отпор в самом разгаре их восхождения. Они ринулись в стороны и наводнили всю землю, но только стали сами культурнее под его влиянием, дав ему детей даже в десятикрат больше, чем старшие наро-

ды, ими покоренные. Необузданные короли восстали, хитроумные — подобно римлянам, страстные — подобно гуннам, но соперник оказался достойным, он их поколебал и стал жить дальше. На Востоке и Западе земли распахнули ворота, толпы полились за наживой, но он с ними пошел в лице своих миссионеров в Китай, в Мексику, ведомый рвением и благотворительностью туда, куда завела этих людей страсть предпринимательства, алчность или претензии. Разве до сих пор ему изменял успех? Разве во времена отцов наших проигрывал он в своей борьбе с Иосифом Германским и его союзниками, с Наполеоном — имя более великое — и с покорными ему королями, так неужели, пусть и в иной совсем битве, он должен проиграть? Какая седина на голове Иуды, чья молодость, подобно орлиной, обновляется, чьи ноги подобны оленьим и под всем вечное служение?

В первые века Церкви вся практичность мысли Святой Церкви была просто вопросом Веры, но каждая эпоха, как оказалось, веру подтвердила прямой наглядностью, поэтому стыдно нам всем, если мы, имея накопленные за восемнадцать столетий доказательства, столь огрубели зрением и не в состоянии увидеть те победы, которые Святые наши всегда предвидели. И менее всего мы, католики островов, которые до сих пор столь едины были во возвращении и распространении Знания под эгидой папского престола, способны оказаться людьми, не поверившими его уму и предсказывающими его поражение, теперь он нас отправляет на такое же дело. Я не смогу забыть, как, когда кельты и саксы в равной мере оказались дикарями, святейший престол дал тем и другим первую веру, а затем и цивилизацию, а затем связал их воедино обязательством совместной миссии обращения и просвещения язычников континента. Невозможно забыть, что именно из Рима славный св. Патрик был направлен в Ирландию и проделал столь великий труд, что сам не справился следовать ему, ту святость, учение и ревность и благотворительность, которые тому воспоследовали по его смерти, ничем иным не были, кроме заданного им первоначального импульса. Невозможно забыть, как вскоре под благотворным дыханием наместника Христова страна языческих предрассудков обратилась в воплощенное чудо и убежище всех людей — истинное чудо в силу своих знаний, священных и мирских, а также убежище религии, литературы и науки, изгнанных с континента вторгшимися варварами. Я вспоминаю о гостеприимстве, которое бесплатно оказывалось в ней странникам, тома книг, щедро отданные иностранным студентам, а также

молитвы, благословения, святые торжества и торжественное пение, все, из чего складывается святость получающего и дающего.

Нельзя забыть, как моя собственная Англия оказалась под покровительством того недреманного ока: как Григорием прислан был нам Августин, как он испытывал слабость от всплесков нашей ярости, как он, если бы не Папа, отказался бы от мероприятия как неисполнимого похода, как его принуждали «в слабости и страхе, и большом содрогании», покуда он не добился победы Христа на островах. И вновь, как и после смерти Августина, дело его стало замедляться, другой Папа, столь же неуклонный, прислал из Рима трех святых, чтобы возвысить и развить те народы, которые сумел обратить Августин. Три святых мужа, присланных в Англию, принадлежали разным нациям: Теодор был азиатским греком из Тарсы, африканцем был Адриан, только Беннетт был саксом — ибо Петр в экуменических трудах не различает наций. Они прибыли подготовленными в теологии и в науке, со своими святынями, картинами, рукописями Святых Отцов и греческих классиков; Теодор и Адриан основали школы, светские и монастырские по всей Англии, а Беннетт повез на север большое собрание для библиотеки, которое он насобирал в зарубежных странах, и, руководствуясь планами и декоративными чертежами из Франции, воздвиг из камня церковь под покровительством св. Петра по романской традиции, что, как рассказывает историк¹, «удалось ему лучше всего». Мне приходит на ум, что, как св. Вильфрид, св. Иоанн Беверлийский, св. Беда и другие святые мужи продолжили добрые труды на протяжении последующих поколений, и как в последующие времена эти два острова, Англия и Ирландия, в темные и страшные времена пребывали двумя светочами христианства, и не имели никаких претензий друг к другу, думая не о себе, и посылая миссии дружбы друг к другу, и соперничая в любви.

7

О, памятное время, когда св. Айдан и ирландские монахи возвышались до Линдисфарна и Мелроуза и учили молодежь саксов, и когда св. Кутберт и св. Ита расплачивались за их благотворительные труды! О благословенны дни мира и доверия, когда кельт Мейлдуф вошел с юга в Мальмсбери, место, унаследовавшее его

¹ Кресси.

имя, и там основал школу, знаменитую тем, что она взрастила великого св. Альдгельма! О бесценная печать и завет единства евангелического, когда, как рассказывает нам Альдгельм, англичане отправлялись в Ирландию, «бесчисленные, как пчелы»; когда сакс св. Эгберт и св. Виллиброд, проповедники язычников Фризов, совершили свое первое путешествие в Ирландию, чтобы подготовиться в работе, и когда из Ирландии в Германию отправились два благородных Эвальда, тоже саксы, добывать корону либо мученичество! Такой период, богатый на благородство, мир, любовь, добрые дела, может длиться лишь недолго; но даже и когда померк их свет, острова, которые побратались, самой судьбой должны были стать вместе и всерьез. Время для этого наступило тогда, когда примыкающая страна континента направила миссию, которая поработала столь долго и успешно, что ее превратили в почетную должность, и после двухсот лет союза она вылилась в совместный акт. Алкуин был учеником как английской, так и ирландской школы; когда каролингская империя стала возрождать науку и письменность в его родной Франции, то Алкуин, представитель и саксов и кельтов, оказался вождем тех, кто далее обеспечивал потребности великого Императора. Здесь оказалось основание Школы Парижа, из которой в ходе столетий вырос знаменитый Университет, слава средних веков.

Прошлое никогда не возвращается, ход событий, старых по сути, новый лишь внешне и по моде. Англия и Ирландия не такие, какими однажды были, а Рим все там же, и св. Петр неизменен: его рвение, его миссия, его щедроты — прежние. Он с древности указал двум островам на совместные труды по учению, а теперь дает нам нечто подобное миссии, нам должно стать снова вместе, ревностно и любовно ее выполняя.

БЕСЕДА II

ТЕОЛОГИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ОТРАСЛЮ ЗНАНИЯ

В начале первой Беседы, Джентльмены, я обратил ваше внимание на два вопроса, представляющие особую важность и интерес в данное время: первый касался того, возможно ли исключить Теологию из круга наук, охватываемых идеей Университетского Преподавания; второй — согласуется ли с этой идеей превращение полезных искусств и наук в непосредственную и главную заботу в ущерб таким либеральным искусствам и упражнениям ума, которые считались до сих пор основным ее содержанием. Таковы вопросы, составляющие предмет данной Беседы. Начну рассмотрение их с первого вопроса.

1

Как известно, недавно стало модным строить так называемые Университеты без обеспечения их вообще какими-либо кафедрами Теологии. Такого рода учреждения существуют и здесь, и в Англии. Такая практика, хотя она не без правдоподобных обоснований и не без остроумия защищалась рядом авторов ушедшего поколения, представляется мне интеллектуальным абсурдом, а причины данного моего мнения уходят корнями, хотя и не всюду плавно, в форму такого силлогизма: Университет, я должен положить это в основу, по смыслу названия своего исповедует преподавание универсального знания. Теология, безусловно, является областью знаний: как же возможно проповедовать все области знания, но в то же время исключать из числа предметов преподавания один, который, самое меньшее столь же важен и столь же велик, как любой из них? Я не усматриваю возможности того, что хотя бы одна из этих посылок могла быть отвергнута.

Что касается широты преподавания в Университете, то, несомненно, всякое ограничение несовместимо со званием Университета. Каковы первоначальные причины для выбора этого назва-

ния, остается неизвестным¹. Я лишь ссылаюсь на его популярный общепринятый смысл, когда утверждаю, что Университет должен обучать универсальному знанию. То, что существует реальная нужда в таком универсальном преподавании в высшей школе интеллекта, я постепенно продемонстрирую шаг за шагом; здесь достаточно указать на то, что универсальность рассматривается многими авторами как самая характерная черта Университетов в отличие от других учреждений образования. Так, Джонсон в своем «Словаре» определяет его как «школу, где преподаются все искусства и ремесла», а Мосгейм, выступая как историк, говорит о том, что до основания Парижского университета, например, в Падуе, или Саламанке, или Кельне «преподавался не весь цикл известных наук», но что парижская школа, которая «в разных отношениях превосходила все прочие, не говоря о количестве учащихся или преподавателей, стала первой по охвату всех наук и искусств, а тем самым первой стала Университетом»².

Если же рассмотреть значение слова, как производное от приглашения, выдвигаемого Университетом для своих студентов, то результат такой же, так как если исключен хотя бы один предмет, а тем более область знаний, то исключаются и изучающие его студенты, и которые бы желали его изучать.

Следовательно, в таком храме учения, который назвал себя Университетом, логически разве последовательно исключить Теологию из круга изучаемых предметов? И поэтому разве удивительно, что католики, даже с позиций разума, если не трогать веру и религиозный долг, должны испытывать неудовлетворенность существующими учреждениями, которые себя понимают как Университеты, а сами отказываются преподавать в них Теологию; и что в итоге они должны желать заполучить центры учения, которые не только более христианские, но по строению своему еще более философские, более широкие и фундаментальные в познании?

Вне сомнений, это значит предполагать, что Теология *есть* наука, к тому же важная, потому я облеку мои доводы в более точную форму. Мною утверждается, что если в Университете, так себя называющем, находится центр знаний, который по сути своей дает знание именно универсальное, а в каком-то Университете Религия исключена из предметов, то возможно одно из двух: либо Религия как область бесплодна для действительного знания, либо

¹ В римском праве это означает «Корпорация». См.: Keuffel, *De Scholis*.

² Hist., vol. ii, p. 529. London, 1841.

в таком Университете упустили одну специальную и важную область знания. Я считаю, что сторонник такого типа учреждения либо должен открыто признать *это*, либо он должен признать *то*; он должен признать, что мало или ничего не знает о Высшем Существо, либо же, что центр учения этот не соответствует своему наименованию. Этот тезис я кладу в основу, и на нем настаиваю как на предмете данной Беседы. Повторяю, подобный компромисс между религиозными сторонами, состоящий в учреждении такого Университета, который не исповедует религии вовсе, означает, что стороны эти пораздельно сами полагают, — но в действительности не то, что их религиозные убеждения являются пустячными мелочами с моральной и практической позиций, — нет, конечно, — но именно нечто равнозначное, то, что они знанием не являются. Верили ли они в сердце своем, что их личные взгляды на религию, какие бы они ни были, могли быть абсолютно и объективно истинными, но немыслимо и предположить, что они так ослеплены ими, что даже согласились к полному изъятию их из Учреждения, которое обязано по существу своего назначения — как по названию, так и по содержанию — преподавать обязательно все разновидности знания.

2

Я полагаю, что это не словесный вопрос. Допускаю, что, если мужи собрались по общему для всех предмету, то они обязаны сберечь все преимущества совместного действия, в значительной мере принести в жертву свои частные мнения и желания, отказаться от мелких разногласий между собой. Нельзя отыскать двоих таких людей, даже очень близких, сколь угодно согласных в суждениях и вкусах, как бы ни стремящихся к единению души и сердца, но отринуть от себя они все-таки должны многое из того, что нравится и хочется, ради блага другого, если они хотят счастливо уживаться. Компромисс в широком смысле слова есть первый принцип соединения, а всякий, кто настаивает на полном осуществлении собственных прав, а также мнений без терпимости к такому у соседа и всего остального у него, тот довольно скоро окажется со всеми своими правами сам по себе, и разделять их окажется некому. Но правда и то, что, с другой стороны, существует также очевидный предел этим компромиссам, какими бы нужными они ни были, и это мы находим в мудрости, согласно которой уступать при спорах следует, поддаваясь лишь в малом, а ника-

кие жертвы в основном предмете комбинации недопустимы даже при уступках, которые делаются взаимно. Всякая жертва, которая приводит к компромиссу в самом предмете, есть подрыв основы комбинации, и никто, кто принципиален, не станет в ней участвовать.

Так, например, если мужи разных церковных званий объединяются для распространения так называемых евангелических брошюр, то само собой разумеется, что, в то время как предметом их союза, по признанию всех сторон, является духовное благо их соседей, никакие религиозные увещания, каков бы ни был их характер, не могут воспрепятствовать тому благу, которое верно указано в лютеранской доктрине оправдания. Если же они пришли к согласию напечатать и распространить протестантскую Библию, то это потому, что они все как один придерживаются принципа, что, сколь бы ни были серьезными различия их религиозных чувств, они отступают перед значением одного великого принципа, — что Библия, вся Библия и только Библия есть религия протестантов. И напротив, если какой-либо комитет такой ассоциации вложил в свои экземпляры Библии, которую они продают, брошюры, а брошюры эти советуют афанасьевский Символ Веры или хвалят благо добрых трудов, то всякий участник вправе обратиться с заявлением о проведении процедуры, устраняющей нарушение принципа частного суждения как единственного истинного толкования Писания. Этих примеров достаточно для иллюстрации моей позиции, что коалиции и взаимопонимание по предмету действуют на время существования предмета и теряют всякий смысл, как только этот предмет искажен или подорван.

Если, следовательно, несколько лиц выступают не политиками, не дипломатами, юристами, торговцами или мыслителями, но людьми, заинтересованными только в одном — распространении универсального знания, то мы многое позволим им принести в жертву — амбиции, репутацию, досуг, удобство, партийные интересы, золото; лишь одно есть, чем пожертвовать нельзя, — само знание. Поскольку знание есть их предмет, то им невозможно настаивать на собственных взглядах в вопросах современной и древней истории, национального развития, равновесия власти; понятно, что и уклониться от сотрудничества с теми, кто исповедует противоположные воззрения, тоже нельзя; но всегда следует оговорить то, что Знание как таковое компромиссу не подлежит; что же касается таких взглядов, от которых отказываться можно, то должно быть очевидным, что это лишь взгляды и не более, пусть и дорогие серд-

цу, важные лично для себя, но всегда это неповторимые, восхитительные, приятные, добродетельные, неукоснительные мнения и отказ от них не затрагивает области знания или науки. Так, в центре знаний никто не может объявлять, к примеру, исключительности мальтузианской теории, приравнивая незнание мальтузианства к невежеству, или же соглашаться на отказ от теории Ньютона, автор которой полагал, что она истинна в том же смысле, в каком истинны факты Солнца и Луны. Если в том учреждении, которое проповедует все знание, преподается его отсутствие, и ничего не преподают о Высшей Сущности, то в таком случае правильным является заключение о том, что каждый из сторонников такого Учреждения, допускающий идею о состоятельности, выступает явным сторонником того, что о Высшей Сущности не известно ничего; то есть ничего в том смысле, что ничего из этих сведений не может пополнить запас общих знаний, существующих в мире. Если же, напротив, оказывается, что нечто значимое все же *является* известным о Высшей Сущности, на основе Разума либо Откровения, то такое учреждение действительно признает преподавание каждой из наук, но самую главную из них упускает. Кратко говоря, как бы сильно ни было данное утверждение и как бы оно меня не обязывало, но, Джентльмены, его надо высказать: такое Учреждение не в состоянии выступать тем, чем оно себя выставляет, если Бог существует. Без громких слов, но в силу самих определений оказывается, что Святое Существо в подобном случае не может сосуществовать с Университетом.

3

Многим, впрочем, вывод этот покажется явно крайним, и даже неприемлемым, а потому вопрос таков: какой ответ дать, Джентльмены? Может быть, такой: можно утверждать, что каждый Университет все виды знания обязательно охватывает в духе данной сферы знаний — гуманитарной, духовной, чувственной, умственной и тому подобно, но при этом ведет свою работу по-своему. Он проводит осмысление, упорядочение и обоснование знания. Предвижу замечание, что приходится полагаться на меня; не ясно, как положиться на что-то осязаемое в данном вопросе. Мне невозможно создать такое определение содержательного процесса в университетском знании, а потому я должен очерчивать внешние контуры его, делая это так, чтобы включалась туда каждая отрасль наук, обыкновенно изучаемая в Университетах, но при исключении нау-

ки о религии. Например, должны ли мы ограничиться таким университетским знанием, которое полагается лишь на чувственные данные? В этом случае оказывается исключенной Этика. Если ограничиться интуитивными процессами, то это значит отбросить Историю, если доказательствами — то исключим Метафизику, если ограничиться абстрактным рассуждением, исключим Физику. Не сущность ли Бога дана нам доказательствами, которые донесли нам история, что были выведены в результате индукции, доведенной до понимания нами через суждения сознания? Это истина в природном порядке, но также и в сверхъестественном. Достаточно об истоках ее, зададимся теперь вопросом: а если она получена, то каково значение ее? Великая это истина или мелкая? Всеобщая ли она? Сказать, что нет иной религиозной идеи, кроме данной, значит получить достаточно для заполнения души, с одной попытки создана целая догматическая система. Слово «Бог» есть сама Теология, нераздельно единая, неисчерпаемо многообразная, от бесконечности до простоты. Допустить Бога — значит ввести в число прочих предметов своего знания факт, охватывающий, замыкающий в себе, впитывающий каждый из мыслимых фактов. Как нам изучать какую-нибудь часть знания любого порядка, но воздержаться от такого, который входит в каждый порядок? Все истинные принципы так функционируют, все явления к этому сходятся, это воистину первое и последнее. В слове и в мысли осуществляется непринужденное разделение знания на человеческое и святое, секулярное и религиозное, и в одном человек обращается к окружающим без помех для остального, но в действительности это невозможно. Если святая Истина отличается по сути от человеческой, то человеческие истины отличаются друг от друга по сути тоже. Если знания Создателя по своему порядку иные, чем знания его созданий, то по тем же основаниям Метафизика является наукой иного, чем Физика, порядка, Физика так же отличается от Истории; История от Этики. И так подвергнется расчленению весь круг секулярного знания, если начать с того, чтобы калечить знание святое.

Я рассуждал о Естественной Теологии, но мои доводы будут несомненно сильнее, если перейдем к Откровению. Пусть доктрина воплощения верна: является ли она по сути историческим или метафизическим фактом? Пусть истинно, что существуют ангелы: каким образом это не такое же знание, как торжественное заявление естествоиспытателя, что на кончике иглы могут сосуществовать мириады живых существ? То, что Земля сгорит в огне, если это верно, столь же крупный факт или нет, как то, что некогда

громadne чудовища резвились в глубинах, а пришествие Антихриста не столь же категорическое заявление о главе в истории, как то, что Нерон или Юлиан — императоры Рима? То, что высшее влияние движет волей, есть предмет мысли не более мистический, чем то, что следствием движения воли выступает мышечное движение, что мы допускаем в Метафизике как факт.

Я не усматриваю, почему для философского ума возможно, во-первых, верить в истинность этих фактов, а тут же, во-вторых, соглашаться на пренебрежение ими же, а в-третьих, я, несмотря на это, продолжу отстаивать обучение всему при том, что *de omni scibili*¹. Нет, если человек в глубине души думает, что эти религиозные факты недалеко от истины, что они не истинны в том смысле, в каком обобщенный факт и закон падения камня на землю является истинным, то я понимаю, что он исключает Религию из своего Университета, хотя убежден в иных причинах исключения. В таком случае все многообразие религиозных мнений, за которым он скрывает свое поведение, есть не только его же апологетика по поводу своего публичного отречения от религии, но и причина того, что он лично в нее не верит. Он не считает, что что-либо познано, что-либо возможно познать наверняка, будь то происхождение мира или конец человечества.

4

Это, мне представляется, и есть то заключение, к которому подходят умы, ясные, логичные и последовательные; и, увы, вдобавок к внешнему впечатлению существует и фактическая подверженность направлениям в протестантизме, рассматриваемом в его первоначальной концепции, а также и в так называемом евангелическом движении на островах наших в последнем столетии. Религиозный мир, как он оформлен вообще, стоит на позиции, что религия состоит не в знании, но в чувстве или переживании. Старинное католическое понятие, которое еще не исчезло из господствующей церкви, заключается в том, что Вера есть акт интеллекта, предметом его выступает Истина, а следствием — Знание. Поэтому, если заглянуть в англиканский молитвенник, то там имеется определение *credenda*, а также *agenda*, но по мере распространения лютеранского воззрения стало модным говорить, что Вера — не принятие доктрины откровения, не акт ума, но чувство, эмоция, пристрастие, желание; а коль скоро появился

¹ Обо всем, доступном познанию (лат.). — *Примеч. ред.*

этот взгляд на Веру, то и связь Веры с Истиной и Знанием все более стала забытой либо отрицаемой. Время спустя утвердилась повсеместно идентичность этой духовности сердца и добродетели Веры. Некоторых набожность данного рода никак не приводила в восторг, а других восхищала, но одобряли они это или нет, обе стороны сходились на главном: что именно это составляет существо Религии и ничего другого, что Религия основана не на доводах, а на вкусах и чувствах, что нет объективного, что в Доктрине все выступает субъективным. По-моему, даже те, кто видели дальше той аффектации, в которую религиозное учение, как мной сказано, себя погрузило, я все равно остаюсь при мысли, что для них Религия состоит из всего, кроме упражнения ума, а именно — из любви, воображения, внутренних внушений, утешений, в улаживающих чувствованиях, внезапных изменениях и в возвышенных фантазиях. Они научились верить сами и сочли верным, что Религия — ничего большего, кроме *обеспечения* удовлетворения этих потребностей человеческой природы, не составляет, не выступает внешним фактом, а также творением Бога. Существовал, казалось, спрос на Религию и существовало поэтому предложение; людям нельзя было без Религии, как невозможно без хлеба; поэтому предложение должно быть, хорошее или плохое, как в случае предметов первой необходимости, то есть даже плохой продукт лучше, чем никакого. Следовательно, Религия являлась полезной, обожаемой, прекрасной, санкцией строя, основанием правительства, уздой своеволия и самоуправства, где право не в состоянии ничего поделаться, но в конце концов, а на чем оставалось основанным это? Впрочем, задавать этот вопрос было неудобно, а отвечать неосмотрительно, но если уж высказывать истину, пусть неохотно, то вся суть в том, что Религия основывалась на традиции, на предубежденности, на праве, на образовании, на навьке, на лояльности, на феодализме, на просвещенной прогрессивности, на многих и многих основаниях, но никогда не на разуме; разум не был ни гарантией, ни средством ее, а наука с ней имела мало связи, подобно модам сезона или состоянию погоды.

Так, Джендльмены, теория или философия, которая началась с изменений в религии в шестнадцатом столетии, привели к заключениям, от которых авторы этих изменений сами отреклись бы, которые затем были подхвачены теми многочисленными и влиятельными кругами, известными под названием либеральных или веротерпимых; как это очевидно всюду, где они господствуют, неразумно и требовать кафедры для Религии в Университете, ибо требовать таковую по причине утонченных чувств, для чувства

чести, патриотизма, благодарности, материнской любви или доброй дружбы — такое предложение было бы совершенно бессмысленным.

5

Теперь, ради иллюстрации того, что мной говорилось, обращаюсь в первую очередь к государственному деятелю, но не просто политику, не просто торговцу местами или голосами, а к философу, оратору, одному из тех, чья профессия, чье призвание всегда были в воспитании справедливого, благородного и щедрого. Не забыть знаменитую речь известного человека, которого я имею в виду, который оказался в своей области первым и (что очень подходит моей цели) внес значительный вклад, не менее любого из живущих, в осуществление признания на этих островах в нашей стране принципа разделения светского и религиозного знания. Этот блестящий мыслитель, который в годы, когда он как сторонник данного принципа, выступал с речью или лекцией по торжественному общественному поводу, и в связи с отношением общего знания к знанию религиозному, говорил следующим образом:

«Как люди мы более не страшимся того, что нас ведут вперед вслепую в невежестве, а потому пусть не поддаются порочному принципу судить о себе подобных людях и с ними обращаться не по существенным достоинствам поступков их, а на основании случайных и невольных совпадений их мнений. Одна великая истина распространилась во все уголки мира — человек не должен вменять в ответственность человеку вину за убеждение, над которым сам он не властен. Поэтому отныне нас ничто не заставит восхвалить либо обвинить кого бы ни было за то, что изменить был он не в состоянии более, чем цвет своей кожи или высоту своего роста»¹. Можно видеть, Джентльмены, что если данный философ примется за решение вопроса, то религиозные идеи явятся столь же далекими от реальности и отражающими что-либо за исключением себя самих, они столь поистине особенные, идиосинкратичные, причудливая случайность у каждой личности, как рост патагонца или черты негра.

Но не риторика ли это в связи с волнующим моментом? Нет же, ничего подобного, Джентльмены, ибо никак не стал бы я просто так приводить эти слова, высказанные давно. То, что м-р Бругэм изложил как принцип в 1825 г., откликается эхом со всех сторон теперь

¹ Речь м-ра Бругэма, произнесенная в Глазго.

с нарастающей твердостью и успехом в 1852 г. Я открываю протоколы Комитета Совета по образованию за 1848—1850 гг., представленные обеим палатам Парламента по распоряжению Ее Величества, и нахожу мнение одного из инспекторов школ Ее Величества на странице 467 второго тома, где он разделяет «тематику, обычно охватываемую в лучших классах начальной школы» на четыре раздела: знание *знаков*, как при чтении и письме; *фактов*, как в географии и астрономии; *отношений и закономерностей*, как в математике; и, в заключение, *чувств*, как в поэзии и музыке. И вот, при первом взгляде на это разбиение я задался вопросом для себя, прежде чем принять собственное право автора решать, а под который из заголовков подпадет Религия и подпадает ли она вообще под какой-либо из них? Отстранился или нет он от этого вопроса ввиду его такой тонкости и священности, что даже нельзя его ставить в общем ряду? Или же он отчетливо о нем задумался, когда производил данное разделение? Во всяком случае, я смог бы найти ему место и под первым, и вторым, и третьим заголовками рубрик — ведь сообщает она о самостоятельном бытии; раскрывает все о Творце, но и со знаками это тоже связано, потому что учит, как надо должным образом обращаться к Нему. И только один заголовок был в этом разбиении, куда никак не подходили эти проблемы, а именно — чувства, потому что, я думаю, музыка и поэзия, которые выступают примерами автора для чувств, мало что общего имеют с истиной, которая представляет собой главный предмет Религии. Судите о моем удивлении сами, Джентльмены, когда я обнаружил, что четвертая рубрика как раз и была тем разделом, который выбрал автор доклада в качестве особого места для религиозных тем. Он говорит так: «Охватывает раздел *чувства* чтение в возвышенном смысле — поэзию, музыку, а также и нравственное, и религиозное Образование». Я далек от разбора данного автора как личности, потому что у меня нет желания задеть этого Джентльмена, так ревностно исполняющего собственные обязанности, болея за них, но, рассматривая его как представителя очень распространенной школы мысли, я спрашиваю себя, можем ли мы дать ясней доказательство признания более чистосердечного, чем это, что с позиций его школы Религия не есть Знание, и ничего у нее нет общего со Знанием, и она исключается из Университетского Образования не просто потому, что исключения невозможно избежать из-за политических или социальных препятствий, но потому, что она вообще без предмета, так как рассматривается как вкусовщина, сантименты, мнения и ничего больше?

Данный автор и сам приходит к такому выводу, утверждая: «Согласно предложенной классификации, *существенная идея* всего религиозного образования состоит в непосредственной культивации *чувств*». Что в таком случае мы думаем, к чему стремимся тем самым, когда даем религиозное образование, которое является, оказывается, не передачей вообще какого-либо знания, а лишь удовлетворением желаний некоего Незримого, которое в наших душах возникает, невзирая на самих нас, ради того, чтобы дать душе средства самоуправления, внедрить в нее прекрасные идеи, которые выставлены святыми и мудрецами, чтобы яркими красками небесной набожности ее украсить, чтобы научить ее поэзии обожания, музыке стройной любви, роскошеству добродетели. Что же до интеллекта, то его тренировка неизбежна по случаю, когда бы ни происходили нравственные впечатления, просто из-за строения души людей, но итоги этой тренировки различные в выводах, получаемых из наших впечатлений, согласно особенностям индивида.

Нечто в этом роде выступает мыслью данного автора, но нам не требуется входить в детали более тонких проблем для того, чтобы получить отчетливое видение его общей установки и, если ее принять, а мы можем ее принять, что вполне в духе философии нашего времени, как принято теми, кого не отнести ни к сознательным неверующим, ни к открытым критикам; я считаю, что тут прекрасно видно объяснение того, как это происходит, что современная философия устанавливает универсальную систему знания, дает учение о мире растений и минералов, о пресмыкающихся существах, зверях, газах, о коре земли, изменениях атмосферы, о солнце, луне и звездах, о людях и их деяниях, об истории мира, об ощущении, о памяти, о страстях, о долге, о причине и следствии, обо всех мыслимых вещах, за исключением одного — Бога, который все эти предметы создал. Считаю, что причина проста потому, что знание отдельного существа рассматривается при этом как безграничное, но невозможное и безнадежное когда дело касается сущности — свойств и характеристик Творца.

6

На это мне, впрочем, могут возразить, что такая картина является крайностью, потому что рассматриваемая школа все-таки уделяет значительное внимание доказательствам Творения, Бытия и атрибутов Творца. Мне могут напомнить, например, о словах одного из выступавших по важному памяtnому случаю. При

закладке первого камня в основание Лондонского университета, должен это признать, ученое лицо, назначенное руководить протестантской епархией Дарэма, в каком-то качестве служит и по сей день, открывало церемонию молитвой. Как сообщает об этом официальная хроника, он воззвал к Богу, когда «все собравшиеся стояли с открытыми душами в торжественном молчании». «Ты, — сказал он от имени собравшихся, — ты сотворил этот огромный миропорядок столь изумительно, столь тщательно настроил его механизм и столь прекрасно задумал плоды его, что само созерцание и изучение трудов твоих в то же время упражняет ум в научном поиске и ведет его к открытию *Божественной Истины*». Здесь видно четкое признание того, что такой предмет, как Истина в области Религии, существует, а также, будь это единственным средством, которое есть у нас для установления чувств властного органа, от имени которого данное лицо выступало, такое заявление оказывается вполне удовлетворительным. Я признаю это, а также признаю наличие правильных указаний о Творце и его важных атрибутах в сочинениях одаренного деятеля, процитированного мной выше, чей многогранный и гибкий талант нигде не проявил себя столь достойно, как в продвижении научных и литературных знаний. Он также, конечно, в своем трактате «Беседа о предметах, достоинствах и радостях научного знания», после широких демонстраций того, что он назвал «приносящими радость плодами», увенчивает перечень упоминанием «*высшего из всех вознаграждений за научное мышление*», о котором он дает следующее толкование: «Благодаря им мы и стали такими, дойдя до понимания бесконечной мудрости и доброты, запечатленных Создателем во всех творениях Его. Ни шагу не может совершить ни одно из Его созданий, — продолжает он, — не предоставляя нам возможности видеть следы величия его деяний, а мастерство при этом, всюду, где оно наблюдаемо, так дано в огромном числе примеров всяческого способствования счастью живых существ, особенно самих нас, что нельзя сомневаться — если бы нам весь план Провидения был известен, то всякая его часть оказалась бы в гармонии с планом Абсолютного Благоденствия. Но вне зависимости от этого утешительнейшего заключения выступает поистине невыразимым то наслаждение, которое вызывает сама возможность наблюдать собственными глазами восхитительные труды Великого Архитектора Природы, рассматривая безграничную силу и тонкое искусство, проявляемые в каждой самой малой и в крупнейшей части Его системы. Нескончаемое наслаж-

дение, извлекаемое при этом наблюдении, столь многолико, что никогда не утоляется. Но в некотором отношении оно непохоже на низменные удовольствия чувств: оно возвышает и совершенствует нашу натуру, тогда как те ранят сердце, огрубляют знания, портят чувства; оно учит нас смотреть на все земные предметы как на незначительные и недостойные внимания, кроме процесса познания и возделывания добродетели, то есть — строгого исполнения нашего долга в отношении общества; оно обеспечивает достоинство и значение наслаждений жизни, чего ни легкомысленные, ни низменные натуры не в состоянии понять».

Таковы слова этого выдающегося сторонника смешанного образования. Если логический вывод является средством поиска истины, чем вне сомнений он является, то, конечно, это может значить для меня, что существует возможность вывести Святое Создание и Его атрибуты из феноменов природы, что отчетливо заключено в самом основании истины доктрины Религии.

7

Хотелось бы, Джентльмены, придать этим суждениям их полное значение, которое связано с весомостью самих вопросов и также с учетом тех видных личностей, которые связаны с ними, но до того, как удастся углубиться в данный вопрос, надо поставить перед собой прямой вопрос. От сторонников Университетов без Теологического преподавания можно слышать, что гуманитарные науки ведут к убеждению в Высшем Существо, не отрицая этого факта, увы, как католик я полностью в этом убежден, однако чувствую своим долгом задать вопрос: а что же именно под этим заявлением *они* подразумевают, когда совершают его, что именно понимают они, говорящие это, под словом «Бог». Пусть не сочтут меня агрессивным, но я позволю себе усомниться в том, что в этом споре обе стороны имеют в виду одно и то же. У всех католиков, как и у коренных протестантов, а также у магометан и теистов, это слово содержит саму Теологию. Опасаясь, что встречу с тем, что мне придется особо заниматься этим в следующей Беседе, позвольте сказать, что, согласно учению монотеизма, Бог есть Индивидуальное, Свободное, Совершенное, Неизменчивое Существо, умное, живое, личностное и сущее, всемогущее, всевидящее, всепомнящее, между которым и Его творениями пролегает бесконечный водораздел, у которого нет первоисточника, он самодостаточен в Себе, он создал и поддерживает Вселенную, он будет судь-

ей каждому из нас, согласно тому закону праведного и порочного, которые Он вписал в сердца наши. Он тот, кто суверенный над нами, действует среди нас, находится вне предначертанных зависимостей, у Него только в руках все те сущности, которым предписано назначение в каждом случае. Он — мера всякого деяния, а потому имеет отношение Его собственное ко всякой из наук, раскрываемых Книгой Знаний; Он с восхитительной, неистощимой энергией воплотил Себя в истории сотворения, в ходе жизни мира, происхождения общества, судеб народов, работы ума человека, чем Себя неизбежно превратил в содержание всякой науки в гораздо более широких и высоких масштабах, чем это возможно охватить каким-либо светским образованием.

Такова доктрина, которую подразумевает в душе католика вера в Бога: если она значит что-то одно, то она значит все это и не может не означать этого всего и гораздо большего; и хотя за последние три столетия не происходило ничего такого с доводами религии, что бы ниспровергло эту догматическую истину, все же даже и при этом не может не возникать у меня определенного затруднения в вере, что такая таинственная, такая вневременная доктрина себя зарекомендовала как сама собой разумеющаяся для современных просвещенных мужей, отдавших ей все свое внимание. И напротив, в том состоянии, в котором пребывает наше общество, где авторитет, предписание, традиция, нравственный инстинкт, привычки, а также духовные влияния ничего не стоят, где терпеливость мышления, глубина и устойчивость воззрений рассматриваются с пренебрежением, как мелкие и схоластические, где свободные дискуссии и ошибочное мышление высоко ценимы как прирожденное право всякого индивида, меня обязаны извинить за то, что углубляюсь в этот век в отношении данной доктрины, за некоторую долю скепсиса, которую она проливает на всякое общепринятое, но недостаточно изучавшееся утверждение о чем бы ни было. Я не могу принять это на словах, а должен получить доказательства тому, что дух времени означен Высшим Существом как смысл, понимаемый католиками. Увы, моей душе стало бы легче, если бы появилась какая-то основа для уверенности, что все стороны, оказавшиеся под влиянием этого духа, обладают истинным пониманием Бога, и даже не столько этим, сколько идеями о том, что является истинным пониманием.

Нет ничего легче, чем пользоваться словом и ничего под ним не подразумевать. Язычники говорят: «Бог изъясняет волю», а выразить хотят: «Судьба»; «Бог даст», а имеют в виду: «Случай»;

«Бог действует», а имеют в виду: «Инстинкт» или «Ощущение»; или: «Бог вездесущ» — «Душа Природы». Всомогущий бесконечно отличается от принципа, или центрального положения о действии, или от некоего качества, или от обобщения явлений. Если, следовательно, этим словом обозначается лишь некоторое Существо, которое управляет порядком мира, которое в нем действует исключительно в виде общего Провидения, которое на нас влияет, но сугубо тем, что мы именуем законами Природы, которое чаще воздерживается от всякого действия, нежели действует свободно от всяких законов, то такого Бога постичь сумеет каждый, каждому нетрудно его выдержать. Если, как я утверждаю, в меру революционизирования Общества, случится революционизирование Небес, если сменится священное царствование на какую-то форму конституционной монархии, где трону останется достаточно почести церемоний, но у него не станет возможности издать даже простого приказа иначе, как в правовых формах и прецедентах и только на основании распоряжения министра, то тогда вера в Бога есть не более, чем лишь подтверждение существующих сил и явлений, которые отрицать способен лишь идиот. Если Высшее Существо является могущественным и искусным, подобно тому, как телескоп проявляет свое увеличение или микроскоп демонстрирует свое устройство, если Его нравственное право должно подтверждаться в животных формах, либо воля Его должна выражать себя в совокупности мелких суетных забот людей, если Его Сущность лишь настолько возвышенна и глубока, широка и долга, то я должен признать, что нет такой науки о Боге, что Теология просто название, а протестовать от имени ее есть лишь лицемерие. В таком случае Он есть просто совпадение с законами Вселенной, Он есть не более, чем функция, либо соотносительное понятие, либо субъективная рефлексия, либо душевное впечатление по поводу каждого из явлений материального либо нравственного мира, каким он нас устраивает. Следовательно, набожное есть то, что выступает мышлением о Нем, а церемониал экспериментирования или мышления проходит так, что набожность эта есть не более, чем поэзия мысли или украшение языка, и на философию либо науку даже бесконечно малого воздействия не оказывает, выступая чем-то вроде паразитического сопровождения.

В этом случае я понимаю, почему Теологии на требуется особенного учения, ибо нет материала для возможных ошибок; она бессильна против научного предвидения, так как выступает лишь одной из его разновидностей; ясна и абсурдность в осуждении ере-

си, потому что ересь не есть область фактов и экспериментов. Я в этом случае понимаю, как получается, что религиозный смысл есть лишь «сантимент» и переживание его выступает «праздничным блюдом», как переживание прекрасного и возвышенного. Понимаю, каким образом размышления о Вселенной «ведут к познанию *священной Истины*», священная Истина не есть нечто отдельное от Природы, но именно Природа светит святым светом на все прочее. Я понимаю ревность, выражаемую Физической Теологией, так как это изучение есть лишь образ воззрения Физической Природы, некоторый взгляд на Природу, личный и частный, который имеется у одного человека, а у другого может не иметься, что одаренным удастся само по себе, а другим дано как предмет восхищений и творчества, к которому надо бы получше приспособиться, когда упоминается *философия* или *романтика* истории, либо *поэзия* детства, либо выразительное, смешное, сентиментальное или какое-либо иное абстрактное качество, гений либо каприз индивида, а часто мода момента или единодушие мира, именно теологию Природы распознают в любом множестве предметов, оказавшихся материалом размышления.

8

Подобного рода мысли представляются мне далекими от монотеизма; не вменяю их в вину тому или иному лицу из тех, кто вводит такие идеи в общее употребление, но встречая рассуждения о «награде» за современность в развитии науки от нашего «Создателя Природы», о том, как упомянутая награда «придает достоинство и значение радости жизни», а также о том, что учение всех нас знаниям и обязанностям нашим перед обществом суть лишь единственные земные предметы, достойные внимания нашего — все это, Джентльмены, должен признать, меня пугает; а обращение д-ра Молтби к Богу — недостаточная мера, чтобы меня успокоить. Мне не видно особого различия между признанием того, что Бога нет, и выводом о невозможности знать с определенностью о Нем; и когда я обнаруживаю, что Религиозное Образование рассматривают как просто воспитание чувств, Религиозную Веру — как некий колорит или расположение души, то я очень неохотно, но со всей силой вынужден вспоминать об одной неприятной странице Метафизики, а именно, — о той связи между Богом и Природой, которую имеют в виду такие философы, как Юм. Этот проницательный теоретик, хотя не слишком возвышенно

мыслящий, приводит в своем исследовании, касающемся человеческого мышления, Эпикура — наставника по атеизму, чьи разглагольствования перед афинянами вели фактически не к защите, а подрыву этой позиции. Его предмет состоит в демонстрации того, что, коль скоро атеистический взгляд есть не более, чем опровержение теории, а также точное отражение явлений и фактов, опасным он не может являться, если явления и факты сами не опасны. Философия выступает совершенно паралогически, утверждает он устами Эпикура, когда она приводит доводы от Природы в пользу чего-то, находящегося за пределами Природы, большего самой Природы, потому что Бог, познаваемый сугубо посредством наблюдаемого мира, представлен как знание наше о Нем, которое абсолютно соизмеримо с нашим знанием мира, — то и другое неотличимы, являясь только способами рассмотрения Его. Отсюда следует, если мы допускаем, а не допускать этого невозможно, что эти явления Природы и мира обретают дальнейшую характеристику в форме, например, гипотезы о втором Существо, незримом, но нематериальном, которое параллельно Природе и которое принято называть Богом — это всего лишь вопрос выбора слов. «При условии, — как это он говорит, — что боги являются авторами существующего порядка во Вселенной, надо заключить, что они обладают в точности той мерой власти, ума и блага, которые выражены в их творении, но ничего сверх этого доказать невозможно, если только мы не прибегнем к помощи лести и преувеличений ради сокрытия ими недостаточности наших доводов и рассуждений. Поскольку те или иные следы каких бы ни было свойств проявляются в настоящее время, постольку у нас есть возможность заключить о том, что эти свойства существуют. Всякое предположение о дальнейших свойствах есть просто гипотеза; не намного гипотетичней оказывается также предположение о том, что в более отдаленные времена были или будут более масштабные проявления этих свойств и у них окажется иная, в чем-то более совершенная организация этих особых достоинств».

Вот пример типичного схоласта, без колебаний отвергающего всякую науку и философию о Высшем Существо лишь на основании того, что все известное о Нем есть либо материальное явление, либо из области нравственности, которое так или иначе оказывается лежащим в области данной либо иной естественной науки. Согласно ему, следовательно, будет закономерным просто опустить Теологию из курса Университетского Образования: но в какой мере это совместимо со взглядами всякого другого мысли-

теля, который видит мир иначе? Меня радует то, что есть один автор, неоднократно мной упоминавшийся, который возражает Юму одним лишь заявлением о том, что все явления материального мира недостаточны сами по себе, чтобы полностью показать духовные свойства, делает вывод о необходимости в дополнительном процессе, чтобы завершить и уравновесить их значение. Но разве этот дополняющий процесс не есть наука? И если так, что мешает признать ее существование? Если Бог есть большее, чем Природа, Теология выступает в ряду наук; однако, если, с другой стороны, в этом у кого-либо нет уверенности, то тогда такой человек от Юма и Эпикура ничем не отличается!

9

Вот я и закончил тем, чем начал: религиозная доктрина является знанием. Это — важная истина, в которую редко углубляются сейчас, и которую я попрошу всех, кто сегодня удостоил меня своим присутствием, вынести отсюда с собой. Я не прибегаю к острым доводам, но излагаю весомые принципы. Религиозная доктрина является знанием в том же полном смысле, в каком знанием является доктрина Ньютона. Преподавание в Университете без Теологии оказывается вообще нефилософским. Теология имеет право находиться среди прочих дисциплин точно так же, как, например, Астрономия.

В следующей моей Беседе предметом ставится задача продемонстрировать, что изъятие Теологии из перечня остальных наук не только не оправдано, но и всем остальным наукам наносит ущерб.

БЕСЕДА III

ОТНОШЕНИЕ ТЕОЛОГИИ К ПРОЧИМ ОТРАСЛЯМ ЗНАНИЯ

1

Люди великого ума, которые долго, сосредоточенно и глубоко отдавались познанию или изучению какой-то одной области светского знания, чья духовная жизнь вся собрана и сокрыта в избранной сфере увлечений и которые не слышат и не видят ничего вокруг, что не связано с этим непосредственно, — когда такие мужи оказываются приведенными к осознанию жизни, бурлящей вокруг, шум которой нельзя не услышать, то они мало приучены относить к категории религии все, что им самим представлялось подчас неинтересным и от чего они отмахивались всегда с чувством нетерпения, все это они считают тиранической помехой, а тех, кто воплощает эти запросы — изуверами или же фанатиками. Они склонны твердить, что у них только одно желание — чтобы их оставили в покое, со своей стороны они никогда не намеревались никого задеть или же помешать кому-либо, они следуют исключительно собственной дорогой, они никогда не говорили слова против чьей бы то ни было религии и не намерены делать этого. На том основании, что такие люди сами о Боге не произносят ни слова, не следует заключать, будто они отвергают существование Его. Просто им эта тема представляется далекой. Они говорят только, что помимо Высшего Существа в мире имеются и другие, и лишь с ними они и имеют дело. В конечном счете, Творение не есть Создатель, а предметы светские не суть религиозные. Теология и гуманитарная наука — две разные области, а не одна единая, у них свои предметы, они связаны и оказываются в родстве друг с другом, но не тождественны. Мысля о земном, мы не мыслим о небесном, а мысля о небесном, не мыслим о земном. Различающиеся предметы должны различно и рассматриваться. Подобно разделению труда, разделение мышления служит единственным средством успешной практики. «Мы пойдем своим пу-

тем, а вы идите вашим, — говорят они. — Мы ведь не претендуем почитать вас в Теологии, а вы не претендуйте нас учить Науке».

С таким ощущением они пытаются достичь компромисса между своими оппонентами, которые считают, что Теология должна свободно входить в учреждения науки, и между самими собой, во все ее исключаящими таким образом: пусть она насовсем остается за порогом общественных школ, но пусть она окажется допущенной в школах частных, если там окажется достаточно лиц, которые этого пожелали. Такие лица, считают они, имеют право все делать по-своему, а систему всеобщего образования, доступную и полезную всем, они не должны трогать вмешательством своего личного мнения.

Я собираюсь дать философский ответ на эту точку зрения, а именно на преподавание светских знаний в Университетском лектории, при преподавании всего остального религиозного знания лишь в рамках церковного прихода, катехизиса и обители; а поступая таким образом, Джентльмены, я рассчитываю на ваше понимание и прощение, ибо нет иного пути в этом предмете, когда всегда рядом опасность пойти долгим и подробным способом мышления ценой крайне высокой нагрузки на слушателя. И потому я, очень контрастно обозначив ситуацию, приступаю к проблеме.

2

Истина есть предмет знания всех видов, и если мы задаемся вопросом, что означает истина, я полагаю правильным ответ, что истина есть факты и их связи, которые выступают друг пред другом наподобие тому, как субъекты и предикаты выступают в логике. Все, что существует, как оно мыслимо в психике человека, составляет единую систему или сложный факт, а это разрешается в виде неопределенного числа частных фактов, которые, будучи частями одного целого, обладают неисчислимыми связями разных видов, одного со всеми прочими. Знание есть обладание этими фактами, будь то факты как таковые либо в их взаимных соотношениях, или взаимосвязях. И если они все вместе образуют единый целостный предмет для размышления, то нет ни природных, ни реальных ограничений между частями, одно перетекает в другое; все они, рассматриваемые в уме, сочетаются воедино и обладают соотносительным характером по отношению друг к другу: от внутренних таинств Святой Сущности вплоть до ощущений на-

ших и сознания, от высших предназначений Всевышнего до того, что можно назвать преходящей случайностью, от самого славного серафима вплоть до ненавистнейшего и ядовитейшего из пресмыкающихся.

И не удивительно теперь, что при всех своих возможностях разум человека не охватывает моментальным взором все величие этого огромного факта и не постигает его сразу и целиком. Подобно близорукому читателю, человек неотрывно следит взором и медленно бредет по огромным пространствам, которым еще предстоит быть изученными им. И кроме того, поскольку мы встречаемся с громадными сооружениями из многих частей и аспектов, душа делает обход их, замечая поначалу то одно, то другое, чтобы успеть во всем и увидеть все стороны путем прогрессивного движения к овладению целым. Потому подчас кружными путями и постепенно ей удается возвыситься до покорения знаний о той Вселенной, в которой она родилась.

Эти частные аспекты или абстракции, посредством которых рассматривает душа свой предмет, называются науками и охватывают соответственно более и менее крупные разделы всего поля знаний, иногда — широко и поверхностно, а иногда с мельчайшей точностью по некоторым разделам, иногда с вниманием к одному и тому же участку, иногда с рассмотрением того, что изучается в других науках, чтобы подчас широко развиться в какую-то одну сторону. Оптика как предметом занимается всем видимым миром в той мере, в какой только имеется видимое; духовная философия намного более узкая, но более богатая область. Астрономия как навигация и астрономия как небесная механика во всех случаях имеет один и тот же предмет, но по-разному его видит и понимает. Геология, наконец, и сравнительная анатомия имеют отчасти общий предмет, а отчасти их предметы различаются. Теперь эти воззрения или науки, будучи абстракциями, имеют больше общего со связями предметов, чем сами предметы. Они раскрывают нам, какова сущность предметов преимущественно так, что открывают их связи либо приписывают предикаты предметам, а потому никогда нам не раскрывают всего того, что возможно рассказать о том или ином предмете, даже когда что-то сообщают, не передают они нам и образа предмета, как это делают органы чувств. Они придают организацию и классификацию фактам, они сводят разные явления к общему закону, они прослеживают следствия до их причины. Таким образом они служат передаче знаний наших из хранилищ памяти в более надежные и управляемые

пределы философии, придавая самому знанию широту и глубину, ибо в той мере, в какой науки служат формой знания, они в состоянии усиливать интеллект и давать ему еще большие возможности, а в той мере, в какой они служат инструментом, это знание легче передается окружающим. Оттого они, в конечном итоге, развиваются по принципу разделения труда, при этом разделение труда есть абстракция, а не буквальное разделение целого на части; как мастер по изготовлению упряжи или эполет не имеет представления о науке тактики или стратегии, так и не всякая из наук в равной степени или же не полностью обеспечивает душу знанием сущности предметов или не доставляет душе сведений о тех внешних предметах, на которые человек взирает. Следовательно, науки по важности различны, и, в соответствии с их важностью, различны и по влиятельности не только на массу знания, в которой они все сходятся, но и друг на друга.

Поскольку науки служат итогом психических процессов относительно одного и того же предметного содержания, рассматриваемого в разных аспектах, а также служат истинными результатами, но в то же время они разделены и являются частными, отсюда, с одной стороны, следует, что каждой из них из-за неполноты своей требуется внешняя поддержка, а с другой стороны, выясняется, что оказать ее друг другу они способны, однако при этом они выступают вне зависимости одна от другой, а кроме того — и вне своей связи с предметным содержанием. Взятые вместе они оказываются приближением к отражению или к субъективному представлению об объективной истине настолько, насколько это достижимо для человеческой души, которая продвигается к точному охвату предмета прямо пропорционально количеству наук, которыми она овладела, а если некоторые из наук отсутствуют, тогда происходит лишь ущербное понимание важности тех наук, которых не хватает, и важности той области, в которой они применяются.

3

Возьмем, в качестве примера, предметом мысли самого человека; в таком случае мы немедленно сможем усмотреть его в целом ряду отношений, а в соответствии с этими отношениями и связями выявляются науки, имеющие его своим предметным содержанием, и в меру нашего знания этих наук мы располагаем о нем истинным знанием. Человека возможно рассматривать в отношении составляющих его организма, либо его духовных составляющих, либо как

хозяина или семьянина, либо по тому, в каком обществе он проживает, либо по Творцу, который создал его, в соответствии со всем этим мы становимся на позицию либо физиологов, либо нравственных философов, либо экономистов, либо политиков, либо теологов. И когда мы мыслим о нем во всех этих связях в совокупности либо как о предмете всех тех наук, которые мной были названы, тогда можно утверждать, что нам удалось добиться мышления о человеке как о предмете или внешнем факте, подобном тому, как воспринимает взгляд, когда мы видим внешнюю форму человека. С другой стороны, если бы мы выступали только как физиологи либо политики, либо исследователи нравов, то наша идея о человеке становилась бы более или менее нереальной, целое в сущности человека не могло бы быть воспринято нами, не хватало бы, либо больше либо меньше, соответственно тому, насколько имеет значение пропущенное, будь то отношение к Богу или к королю, к своим детям либо к собственным составляющим частям. И даже если есть лишь одно отношение, о котором ничего нам не известно, кроме того, что оно существует, то тогда наше знание о нем, сознательное и осознаваемое нами, выступает неполным и частичным, но в меру значимости этого отношения.

Сказанное особенно верно о науках вообще, хотя обычно считается, что верно это относительно только чистой математики, впрочем к ней это особенно применимо, а именно, что она не может считаться лишь простым отображением предметов такими, какими они являются. Привычной говорить, и это верно, что заключения чистой математики используются, корректируются и подгоняются комбинированно, но и выводы астрономии, химии, динамики и прочих наук тоже редактируются и дополняются взаимно. Эти ряды выводов не являются целостным и содержательным предметом, но служат взглядом, а для того, чтобы установить насколько простирается всякий из них, насколько каждый соответствует предмету, к которому он относится, от нас требуется сравнивать его с точкой зрения на этот предмет, которая дается каждой из прочих наук. Ведь если опираться только на абстрактную теорию сил, то придется приписать траектории тела намного большую дальность полета, чем это осуществимо в действительности по причине сопротивления воздуха. Если в научном анализе учтено сопротивление воздуха, то тогда окажется, что налицо у нас новая наука, помогающая установить и в какой-то мере дополняющая при существенной пользе для установления фактов имевшую науку о траектории метательных снарядов. С другой сто-

роны, после такого исследования, наука о траекториях как таковая, рассматриваемая применительно к силам, ею учитываемым, более не является завершенной сама по себе. И подобным же образом сказанное касается целого цикла наук, каждая из которых вносит поправки в прочие ради более точного установления фактов, а поэтому отдельная наука в отрыве от другой не может превращаться в догму на базе своих абстрактных принципов. Например, философия Ньютона требует допущения определенных метафизических постулатов, коль скоро она претендует на большее, чем просто некая теория или гипотеза, которая, например, утверждает, что произошедшее вчера наступит и завтра, что существует такой предмет, как вещество, что органам чувств мы обязаны доверять, что существует логика индуктивного вывода и так далее. И вот пусть Ньютону воздают должное все ученые, занимающиеся метафизикой, согласно всем его требованиям, но если так, то может статься, что их работа не находится в столь же четком соответствии с подходом кого-то другого, кто требует еще чего-то, а тогда его взгляды на науку, самые логичные, окажутся безнадежно заброшенными на полках, несмотря на их законченность, и никогда они не будут допущены в сферу фактов.

Таким образом, если я не стану признавать ничего, кроме положений теории гравитации, чтобы объяснять движение тел, а также полностью погружусь в эту теорию и применю ее для измерений движения всех тел на земле и в пространстве, то тогда многие из полученных выводов окажутся верными, а многие существенные факты окажутся отброшены, будут выявлены многие из существующих связей и подвергнуты поправкам распространенные ошибки, я тогда должен с презрением отвергнуть множество старых понятий, посмеявшись над ними, например, о том, что легкие тела взлетают и тяжелые падают вниз, но в таком случае заодно с той же убежденностью мной будет отвергнуто явление капиллярного притяжения. В этом случае налицо ошибка, возникшая из-за того, что произошло расширение области одной из наук без учета иных наук. Точно так же, если заняться исследованием того, как одно тело извне воздействует на другое, то вполне возможно ошибочно пренебречь химическим сродством тел и соединениями, отбросив саму мысль об этом как бессмыслицу. Допустим, я лишь химик, тогда я должен отвергнуть влияния со стороны психики на здоровье организма и так далее, соответственно тому, какую из наук либо ряда наук я исповедую, но при полном игнорировании всех прочих; при таком подходе нетрудно превратиться в фанатика и шарлатана, пренебрегающего всеми принци-

пами и известными фактами, которые лежат вне его сферы интересов, думающего, будто всего можно добиться без учета влияний прочих областей. Так, донныне на место медицины часто ставилась химия, а политическая экономия, умственное просвещение и даже изучение Священного Писания провозглашались панацеей в борьбе против пороков, зла и нищеты.

4

Подводя итог сказанному, Джентльмены, я утверждаю, что все Знание есть одно целое, потому что предметное содержание у него единое, ибо Вселенная вглубь и вширь настолько объединена связями, что одну часть от других отделить невозможно, как невозможно отделить один процесс от других, хотя возможность мысленной абстракции всюду составляет исключение; обращаясь к роли Творца, хотя, несомненно, Он в Бытии Его бесконечно отделен от него, от Знания, в Теологии имеются собственные разделы, к которым знание людей не имеет касательства, но Он, тем не менее, столь тесно с ней связан и приютил ее у Себя на груди Его присутствием в ней, Его провидением в ней, Его печатью на ней, воздействиями Его на нее, что в ряде главных аспектов невозможно истинно или целиком мыслить о ней без мысли о Нем. Далее, науки суть следствия той мысленной абстракции, о которой я упомянул, и выступают логическим продуктом того или иного аспекта целостного предметного содержания знания. Поскольку принадлежат к одному и тому же кругу предметов, они по отдельности несовершенны в своем отношении к самим предметам, оставаясь совершенными по отношению к собственной идее и в связи со своими предназначениями, в обоих аспектах они одновременно и нуждаются, и подчинены друг другу. И далее, само понимание отношений одной науки к прочим и использование каждой для каждой, а также локализация и ограничение, и приспособление, и правильная оценка всех их друг другом — это относится, как мне представляется, к отдельной особой науке, в некотором роде науке наук, а это, как лично я себе представляю, и является философией в истинном смысле этого слова, будучи занятием для философского склада ума, как я называю это в данных Беседах. Это я должен сказать о знании и философском знании вообще, а теперь перейду к вопросу о частной науке, который побудил меня к данному выводу.

Считаю, что систематическое пренебрежение хотя бы одной наукой из всего перечня приносит вред точности и полноте наше-

го знания, в целом пропорционально значению этой науки. Ни самую Теологию, хотя она и дана свыше прежде прочих, пусть ее истины и заданы раз и навсегда, хотя они, несомненно, больше связаны с самим Создателем, нежели с математикой, ни даже самую Теологию в меру того, как она соотносима с нами или является наукой Религии, нельзя выключить из ряда тех законов, которым подчинено всякое действие ума, а именно из ряда закономерных несовершенств, неизбежно сопровождающих все то абстрактное, чем детерминируется все конкретное. Речь идет не только о Естественной Религии, ибо даже учение католической церкви в некоторых своих аспектах, а именно в религиозном учении, оказывается под различными влияниями со стороны наук. Не настаивая на введении аристотелевой философии в свою фразеологию, свои объяснения догматов оно черпает из церковных событий или деяний, ее толкования пророчеств находятся непосредственно под влиянием исторических проблем, ее комментирование Писания испытывает действие со стороны астрономии и геологии, а причинные заключения ее находятся под воздействием пережитого опыта, политического, социального и психологического, которым его наполнили разные периоды времени и разные края.

Что Теология дает, то она вправе забирать, а точнее, принимать себе по долгу служения Истине. Если не позволять себе обманываться приятными грезами, необходимо признать факты такими, какими они являются, воздавая должное, следовательно, Теологии как реальной науке, из коих невозможно ее исключить и оставаться при этом достойным звания философа. Мною ничего до сих пор не утверждалось, кроме превосходящего значения и достоинства Религиозной Истины; я при этом утверждаю лишь, что если бы существовала вообще Религиозная Истина, то невозможно на нее закрывать глаза, не нанеся урона Истине во всех видах ее: истине физики, метафизики, истории, нравов — потому что все это связано со всей Истиной. И тем самым я даю ответ на то возражение, которым начал данную Беседу. Я предположил, что современный философ поставил передо мной такой вопрос: «Почему вам представляется невозможным идти вашим путем, а нам предоставить идти по нашему пути?» От имени Религии на это я даю ответ: «Если Ньютон способен обойтись без метафизиков, то тогда и вы могли бы обойтись без нас». На первый взгляд только и всего-то, но теперь я выступлю за Теологию несколько глубже, рассмотрев ее в одном ряду с отраслями знания, которые сравнимы с нею намного более адекватно.

5

Посмотрим теперь, как и к каким именно параллелям приводит презрительное отношение к такой преходящей науке, а она, если Бог есть, и оказывается преходящей. Великий философ древности при перечислении причин вещей, имеющих место в мире, когда приводил те, которые причислял к физическим и материальным, добавил, что «существует душа и все, что вызвано человеком»¹. Конечно, нелепо пытаться представить здесь связи между следствиями, какими видел их он, и соответствующими им источниками, случись ему самому направить внимание исключительно на какой-то один класс или тип первичных законов и приписать им то, что происходит повсюду. Было бы недостойно уровня гения столь любознательного, столь пронизательного, столь плодотворного и аналитичного, как Аристотель, все представить так, будто происходящее на земле полностью объяснимо материальными науками, без обращения к гипотезам моральных начал. Невозможно допустить, что при исследовании физических следствий он мог пренебречь столь влиятельным существом, как человек, либо позабыть о том, что не только грубая сила и действие стихий, но также знание есть сила. А отсюда и следует вывод: ведь в той мере, в какой нравственные и духовные действующие начала являются компонентом иного, если не сказать высшего, нежели уровень физического порядка, в той и предполагаемое отбрасывание является не простым недосмотром в мелочных вопросах, но философской ошибкой, пороком классификации.

Однако мы не живем в эпоху, когда развитие науки и литературы испытывает влияние со стороны того, что уже сделано либо могло быть сделано этим столь почитаемым авторитетом, а поэтому мы предположим, что в Англии или Ирландии в середине девятнадцатого столетия соберутся, вопреки Аристотелю, вместе именитые мужи для того, чтобы предпринять действия в некотором направлении, которое с учетом имеющихся обстоятельств им представляется настоятельно важным. Предположим, что в настоящее время преобладает некоторая затруднительность в формулировании при обсуждении всех вопросов науки вследствие крайней чувствительности со стороны широких кругов общества, церковных деятелей и светских фигур по предмету необходимости, ответственности, уровня нравственности и природы добродетели. Противоположность взглядов столь велика, что единственным способом избежать ссор

¹ Аристотель. Никомахова этика, iii, 3.

при выступлениях за то или иное решение данного вопроса является, по мнению лиц, о которых я думаю, замалчивание вовсе предмета антропологии. Естественно, это и делается. Потому и человек в общем направлении образования оказывается не таким, каков он есть; науки морального цикла и духовные науки не представлено профессиональными кафедрами, а освещение их отдано на личное усмотрение, то есть — брошено на произвол. Представить себе этот запрет я в состоянии лишь абстрактно, но есть в этой ситуации одна вещь, которую не могу себе вообразить, а именно: чтобы все стороны, причастные к этому опустошающему акту изгнания, после этого выдвинули бы на основании самого этого изгнания предложение опубликовать какую-то энциклопедию или создать национальный Университет.

Следовательно, Джентльмены, ради иллюстрации того, что я перед вами описываю, необходимо вообразить, что же оказывается невозможным. Допустим, что перед нами проект для организации системы научного преподавания, в котором представительство человека в материальном мире невозможно признать прямо, но и открыто отрицать его нельзя. Физические и механические причины оказываются единственно дозволенными для изучения, а воля по-падает в число запретных предметов. При этом публикуется проспект, в нем перечислены науки, скажем, астрономия, оптика, гидростатика, гальванизм, пневматика, статика, динамика, чистая математика, геология, ботаника, физиология, анатомия и так далее; и при этом ни слова нет о душе и ее способностях, кроме слов в оправдание исключения этого предмета. Объяснение состоит в том, что заинтересованные стороны долгое время и глубоко размышляли над этим предметом, а затем против желания дошли до заключения о том, что включать философию души в перечень университетских лекций непрактично. Их печаль по этому поводу облегчается мыслью о том, что культура внутренних чувств и совершенство манер создаются наилучшим образом в кругу семьи, хорошим обществом, в следовании священным узам и обязанностям гражданина, практикой бескорыстной преданности и просвещенного патриотизма. Со всей этой апологетикой, какая она ни есть, они и переступают через всякий учет души человека и через ее способности и механизмы, когда «в торжественной тишине» строят свои схемы Университетского Образования.

Пусть даже будет утвержден устав Университета, назначены профессора, которые приступят к чтению лекций, будут сдаваться экзамены, присуждаться степени, но все же возникает главный во-

прос о том, насколько надежными и совершенными окажутся знания, какая философская широта будет характеризовать знания, сформированные в данной интеллектуальной атмосфере, которая лишена важнейших составляющих элементов просвещенности? Что скажут в других странах и в будущем о трудах самых глубоких и превосходных философов, которые участвовали в столь претенциозном и невероятном событии? Вот перед ними профессора, которые читают тяжеловесные лекции по медицине, истории или политической экономии, которым, освобожденным от обязанности признавать это, предоставлена разнузданная свобода поглумиться над влиянием одной души на другую душу, души на материю, над требованиями взаимной справедливости и благотворительности. Поначалу здравый смысл и общественное мнение ставят границы столь нетерпимым прихотям, однако по прошествии времени это упущение, которое поначалу было вопросом конъюнктурным, становится предметом рационального мышления; наконец находится какой-то профессор, который тверже своих собратьев, и сам начинает выступать со всем уважением местных чувств и порядочных манер в качестве сторонника отрицания целиком всей психологии, утверждать, что влияние души на весь осязаемый мир является предрассудком, а все следствия, наступающие в мире, можно объяснять действием только физических причин. До сих пор воля и интеллект считались реальными силами; мышцы действуют, и действие их не может быть описано никакой научной формулой, камень вылетает из руки, и его поступательная сила, идущая от мышц, заключена в воле; но вот разразилась целая революция или появилась новая теория в философии, и наш профессор после речей о высочайшем восхищении интеллектком человека проводит границу свободе действия не далее сферы спекулятивной мысли и отрицает роль движущего принципа или активного звена, имеющего свое специфическое воплощение в материальном мире. Всякую работу, любое внешне выраженное действие человека он приписывает внутренней силе или душе физической Вселенной. Он делает наблюдение о том, что духовные влияния так таинственны и непостижимы, так неопределенны в их законах, так туманны в своей работе, настолько закрыты от опыта, что искушенный человек никогда не станет о них ничего утверждать. Они — из иной сферы причин, которые он предоставляет исследовать тем, к чьей профессии они относятся, а сам ограничивается изучением только осязаемого и определенного. Деяния человека, методы людей, произведения деятельности — все подпадает под схоластичные определения «гений» и «искусство» и

метафизические понятия «долг», «право», «героизм», своей же задачей такой человек считает осмысление этого всего в понятиях местонахождения внутри вечной системы физической причины и следствия. И он пространно демонстрирует, как вся ткань материальной цивилизации возникла из созидательных сил физических стихий и физических законов. Он поет дифирамбы тому, как дворцы, замки, храмы, биржи, дамбы и мосты никогда не стали бы возможны в их впечатляющих масштабах, видимых нам, без законов тяготения и притяжения одной части к другой части. Чем величественней опора, тем скорее она повалится, не будь центра тяжести именно в фундаменте, а наиболее изумительные творения — купол Паллады, или сэра Кристофера — не устоят вовсе, если не будет спасительного принципа арки. Он уделяет внимание и сложному механизму каждодневной жизни в современном хозяйстве семьи: одежде, мебели, гостеприимному столу; да что стало бы со всем этим, вопрошает он, если бы не законы физической природы? Эти законы — причины наших ковров, мебели, путешествий и социальной жизни. Крепость стежков заключена в природной прочности, пропорциональной твердости материала, взятого, чтобы соединить в одно целое отдельные куски ткани; диваны и стулья невозможно было бы перевернуть даже при необходимости; а размягчение волокна живой материи оказывается свойством калорий, которые при этом в водной среде действуют одним способом, другим же — через масло, и ничего большего так называемые *тайны кухни* и не содержат, — но я опасаясь надоесть, если продолжу иллюстрации дальше.

6

Теперь, Джентльмены, прошу вас понять, как это все должно быть применено. Я не имею в виду совпадение принципов Теологии и Психологии или возможность полагать, что мы вправе вести доказательство от произведений человека к творениям Бога, как сделал это Палей, против чего возразил Юм. Я не занимаюсь сейчас доказательством существования или атрибутов Бога посредством аргументов от Его замысла. Я вообще ничего не доказываю касательно Высшего Существа. Напротив, исхожу из того, что принимаю Его существование и при этом утверждаю следующее: при существующем человеке никакой профессор Университета, изгнавший идею воли из физических лекций и не принявший волю за очевидную данность, не в состоянии избежать одностороннего, в корне

ложного воззрения на обсуждаемые им предметы, а собственные его определения, принципы и законы ложны, а также ложны все абстрактные утверждения, коль скоро он сам считает ключом ко всему происходящему на земле собственное исследование и исключил из него антропологию, все это он совершает ошибочно. И не то, чтобы неверна оказалась наука его, но дело в его знании, которое нереально. Он делает заключения о фактах на основании теоретизирования. Многообразный физический мир, бурлящий вокруг, является физическим, но и чем-то большим, чем физическая сущность, а потому при полном соответствии фактической системы научному анализу, созданному относительно частного аспекта, подобный воображаемый мной профессор совершает измену потребности в философской глубине и проявляет невежество в том, чем должно быть университетское преподавание. Он более не преподаватель либерального знания, а ограниченный фанатик. До той поры, пока исповедуемые им доктрины суть выводы, получаемые из гипотез или частных истин, они неопровержимы; но совсем иное дело, если ими пользоваться при получении следствий в виде фактов, которые даны как конкретные результаты. Полагая, к примеру, что некая простая физическая причина породила движение в руке, всякий, конечно, может спорить о том, каковы внешние влияния, понуждающие ее при изменении положения перемещаться туда и сюда, наподобие пугала в саду; утверждать, что сама движущая причина является физической — это есть допущение в случае, когда вопрос касается проблемы фактов, а не логических заключений из тех или иных принятых посылок. И точно так же, если, например, народ помолился — и в итоге поменялся ветер, прекратился ливень, засияло солнце, удалось счастливо убрать и сохранить урожай, а никто уже и не надеялся на это, то профессор наш, если пожелает, может свериться с барометром, порассуждать об атмосфере, описать происшедшее в форме уравнений, совершенных, хотя и абсолютно неверных; но, однако, если он будет настаивать на том, чтобы развивать и глубже основывать данное явление на фундаменте физической причинности при исключении духовной, и утверждать, будто данный случай фактически относится к его области науки потому, что прочие такие же случаи тоже, на это я скажу ему: *Ne sutor ultra crepidam*¹; ведь он допустил, чтобы частное ремесло узурпировало его и неправомерно распространилось во Вселенной. Это составляет суть моих аргументов. Если данное создание дает начало бесконеч-

¹ Пусть башмачник не судит дальше башмака (лат.). — *Примеч. ред.*

ным последовательностям физических причин и следствий, то сам Создатель — много большее; а если мы отказываемся в ряду идей учитывать душу и отрицаем ее, то тем, что мы отказались от Промысла Святости, мы фактически совершили отказ от Бога. Далее, само предположение того, что людям возможно желать и поступать вопреки физике, есть замалчивание величайшей истины, и оно оборачивается огромным искажением для целой энциклопедии знаний; а посылка о существовании возможности того, что Бог в этом мире, им же созданном, обладает способностью к воле и к поступкам, выступает отрицанием всего этого, и, следовательно, толкает весь цикл всеобщих знаний в существенное и даже еще большее смятение.

Много хуже бывает для идеи Бога, если Бог есть, потому что она бесконечно выше, чем идея человека, если есть человек. Достаточно вычеркнуть участие человека, то возможно ли не исказить всю систему знания, которая строится на предположении об опосредующей активности человека, каковой она должна быть, а система эта немислима ведь без идеи о Боге? Доселе я уделял внимание демонстрации того, что все науки представлены как одно целое, что все они связаны с одним и тем же целостным предметным содержанием, что, взятая отдельно от остальных, любая из них есть в большей или меньшей степени абстракция, абсолютно истинная в качестве гипотезы, но недостоверная в конкретности, в системе связей большего масштаба, чем непосредственные факты, с принципами, которые шире непосредственного воздействия, когда совершенно необходимы опора и гарантия со стороны родственных наук, и не только заимствование, но и отдача; а из всего этого вытекает, что ничто нельзя отбрасывать без ущерба для результатов, если нам требуется получить по возможности самое точное знание предметов как таковых, а также то, что такое отбрасывание оказывается более или менее важным в зависимости от области, им охватываемой, и от глубины его проникновения, и от уровня принадлежности, ибо утрата в этом является также потерей того влияния, которое заявляет о себе в виде исправления и завершения всего прочего. Таково общее положение, а теперь обратимся к Теологии в частности: каковы, говоря по существу, ее претензии, насколько она важна, какое оказывает влияние на прочие области знания, — полагая, что Бог существует, что мне не подобает доказывать? Безразмерна она и велика или же очень мала? Окажется незаметным ее исключение или же этим будет подорвана вся система знания? Изучением этого мы теперь и займемся.

7

Что есть Теология? Сначала укажу на то, чем она не является. Обращаю ваше внимание прежде всего (хотя, конечно, я говорю о данном предмете как католик) на то, что я себя ставлю как защитника Теологии, строго говоря, без предварительного допущения об истинности католичества. Католичество до этого момента формально не числилось среди применяемых мной аргументов по причинам, которые будут постепенно раскрыты, но, конечно, я выражаю мысли только на языке католика. Кроме того, я, вопреки распространенной современной моде, не отождествляю Естественную Теологию с Физической Теологией — упомянутая Физическая Теология является бессодержательнейшей областью, считающейся наукой, а в действительности не являющейся ею вовсе, потому что обыкновенно она есть всего лишь ряд набожных и полемичных замечаний о физическом мире, рассматриваемом с религиозной точки зрения, но, напротив, слово «естественный» охватывает собственно человека, и общество, и все, что с этим связано, как это показал нам великий протестантский писатель д-р Батлер. Далее, под Теологией я не имею в виду ни в коем случае какую-либо полемику, как, например, то, что называют «доказательства Религии» или «христианские доказательства», потому что, хотя это и составляет дополнительную к Теологии науку, все это Теологией как таковой не является, если только не считать синонимичными армию и сословие политиков. Далее, я не имею в виду под Теологией туманный предмет «христианство», или «наше общее христианство», или «христианство как закон страны», так как вряд ли кто-то может сказать что же это такое. Я отказываюсь это рассматривать лишь потому, что оно не имеет формы определенного суждения. И наконец, под Теологией я не разумею знания Писания, ибо пусть и не всякий, у кого есть религиозность, способен читать Писание, но у любого это чувство от чтения возвышается, а также добавляется немало знания истории, но все же историческое чтение и религиозное чувство — это не науки. Под Теологией я ничего из перечисленного не подразумеваю, а просто имею в виду, что это наука о Боге или истины, известные нам о Боге и приведенные в систему; подобно тому, как существует наука о звездах, называемая астрономией, или о земной коре, называемая геологией.

Например, я считаю главным, что в организме человека функционирует жизненный принцип и оказывает на него и через него влияние посредством воли, и таким образом за видимостью на-

блюдаемой Вселенной оказывается незримое, умное Существо, вызывающее действия, происходящие так и тогда, как и когда Он изъявляет волю. Далее, я полагаю, что это незримое Действующее лицо, агент, не есть никоим образом душа мира по аналогии с природой человека, но это, напротив, есть абсолютно отличающееся от мира, являющееся этого мира Творцом, Держателем, Вершителем и Суверенным Господином. И здесь мы незамедлительно входим в круг доктрин, которые воплощены в идее Бога. Я понимаю, следовательно, Высшее Существо как просто самодостаточное и единственное Существо, которое является таковым, — Он без начала или Вечный, а также единственно Вечный; а следовательно, Он прожил всю вечность Сам, и потому Он полностью самодостаточный, исполненный Себя в Его святости, и всеосвященный, и вечно святой. Далее я понимаю Существо, которое с наличием данных прерогатив обладает еще Высшим Благом, а вернее, Высшим Благом является или имеет все из атрибутов Блага в беспредельной силе; это вся мудрость, вся истина, вся справедливость, вся любовь, вся святость, вся красота, которые всеильны, вездесущи, всеведущи; в этом есть невыразимая абсолютная совершенность, а также такое, что нам не дано знать, и что мы не способны вообразить о Нем, настолько это более изумительно, нежели то, что нами делается и достигается нами. Я считаю, что это Единый, кто властен над волей Своей и Своими деяниями, но всегда при этом в согласии с вечными законами правильного и порочного, которые Он воплотил Собой. Я разумею, что Он сотворил все вещи из ничего и хранит их во всякое время, может уничтожить всякий предмет с той легкостью, с какой его создал, а также, следовательно, и то, что Он отделен от вещей пропастью и невыразим во всех свойствах Его. Далее, печать Его лежит на всех предметах с момента создания их, запечатленная самой их сущностью, а также предначертаны механизмы, назначение и срок действия всего, дольше либо короче, и местоположение. Понимаю также, что Он всюду присутствует Его творениями, каждым отдельно, и Его самым точным и исполненным любви Провидением сопровождается каждый сотворенный предмет Его, в котором Он проявляется согласно потребности всякого из них, а в существах разумных воплощен нравственный закон, и им дана власть повиноваться при возложенной на них обязанности поклоняться и служить, всегда Он своим всезнающим оком видит всех навсквозь и проверяет, заставляя нести ответственность и предстать в Судный день.

Так учит о Боге Теология, доктрина, которая, как предполагает сама идея, характеризуется как некое таинство, она во всей своей полноте оказывается за рамками любой из систем, а в своих частных аспектах она просто оказывается внешней по отношению к природе, а в составляющих своих она даже с собой стоит в непримиримом противоречии, и воображение не в состоянии охватить то, что предопределено разумом. Эта доктрина учит, что Бог бесконечен, но обладает личностью; является всесвятым, но действующим; абсолютно отдельно данным от существующего, но входящим как часть в сотворение всего в каждом моменте времени; выше всех вещей, но в основании их. Она учит о Существо, которое, хотя оно и высшее, непрестанно занято трудом по созиданию, сохранению, руководству, воздаянию, сотворяя Себя господином и слугой всего; которое, хоть и пребывает в бесконечности, простирается до заинтересованности, до сочувствия в делах пространства и времени. Именно Его все существа: от самых благородных до низменнейших, зримых и незримых. Ему принадлежат сущность и функция, следствия той системы физической природы, в который мы появились и пребываем. Его властью мы наделены всеми способностями и талантами интеллектуального содержания нашей деятельности, а также способностью свободно действовать и творить самостоятельно. Законы Вселенной, принципы истинности, связь вещей друг с другом, свойства их и качества, строй и гармония как целого — все это существует благодаря Ему, а если зло и не от Него, а оно наверняка не от Него, то оно имеет причиной отсутствие собственной субстанции, зло выступает всегда лишь как нехватка, избыток, извращение или порок того, что субстанцией обладает. Все, что мы видим, слышим, все небесные далекие звезды, а также суша и море со всеми составляющими их стихиями и законами, которым они повинуются, — это Его. Первичные атомы вещества, свойства их, их взаимодействия, расположение и комбинации, электричество, магнетизм, гравитация, свет и всяческие тончайшие принципы или функции изобретательности людей, открывающих сейчас новое и готовых делать открытия в будущем — все это творение Его рук. От Него исходит всякое преобразование лика земли. Самое незначительное и невзрачное насекомое создано Им, и это благо, а также вечно кишачие клубы микроорганизмов, мириады микробов, незримых невооруженному взору, неугомная растительность, покрывающая поверхность земли красочным одеянием, от благородного высокого кедра до приземистого батата, — это все Его. Его же се-

мейства зверей и стаи птиц, их изящные формы, их дикие движения и страстные крики.

И точно так же в мире интеллектуальной, нравственной, политической жизни. Человек, мотивы его и творения, его языки, его распространение и его расселение — это все Его. Земледелие, медицина, искусства и ремесла жизни являются Его дарами. Общество, правосудие, правительство даны Его санкцией. Торжество земного правления выступает подобием и дано с благословения Царя Вечности. Мир и цивилизация, торговля и предпринимательство, если справедливые, то и войны, и завоевание, если оно по необходимости гуманно, — с Его участием и Его благословением на всем этом. Направление событий, преобразование империй, возвышение и падение государств, периоды и эпохи, откаты истории в прошлое — это все не прихотливая игра случая и греха, которого тоже предостаточно, но Его великие предназначения и последствия дел человеческих по Его установкам. В мире нравственности все составляющие и нормы, продуктивные принципы, конструктивные силы, пусть также и провалы — все это Его. Он «просвещает каждого человека, кто нарождается в этом мире». Именно Его диктат дает рамки моральному чувству и раскаянию в виде угрызений совести. Ему надо приписывать богатейшую наделенность умом, сияние гениальности, воображение поэта, цепкость политического деятеля, мудрость (как Писание это называет), которой зиждется и украшен Храм, а теперь это отражено в форме поговорок и сравнений. Старинные пословицы народов, великие прозрения философии, сиятельные постулаты права, унаследованные от традиции правила истины, справедливости и веры, пусть с наростами всякой порчи или с добавками гордыни, но во всем мире они проникнуты духом Его и Его долготерпящим присутствием. Даже противостояние Ему или глубочайшая распространенная социальная обделенность в самой глубине — все равно, будь то героический взрыв природной добродетели или же сердечная тоска по несостоявшемуся и предчувствующий образ спасения, — это все можно приписать только Ему. Предвосхищение и невольные воспоминания Его славы следуют за ходом переживаний у самодостаточного мудреца и у языческого идолопоклонника; Его письма на стенах индийского храма и портиках Греции. Он дает о Себе знаки, и всегда почти рядом в соответствии с Его усмотрением и в Им установленное время в проблемах неверия, предрассудка и суеверия, и главенствующим участием Он вносит изменения в деяния. Он нисходит, не давая санкций, до алтарей и

святилищ и указывает Сам, если надо, взамен Его чудес. Его голос возвышается среди заклятий Валаама и поднимает дух Самуила в колдовской пещере, он является пророком в мессиянстве речей Сибиллы, он понуждает Пифона признать его правителей и рукой заблудшего проводит крещение. Он рядом с язычником драматургом при осуждении несправедливости и тирании, при прорицаниях о святости мести за преступления. Даже в неприятельных народных сказаниях есть Его свет, и Его можно различить в эпической оде, как и в бурном море, и в фантастических снах. Все благотворное, все прекрасное, все доброе, будь это мелкое или великое, совершенное или частное, естественное или сверхъестественное, нравственное или материальное — все исходит от Него.

8

Будь это наброском, во всей фрагментарности его доктрин, свойственных Теологии, а особенно доктрины частного Провидения, которая выступает частью ее, вполне соответствующей уровню современной гуманитарной науки, мне никак не удастся понять, как, если это верно, она смогла бы не суметь, если является знанием, оказать свое сильное влияние на философию, литературу, а также вообще на все творимое и изобретаемое интеллектом. Мне невозможно понять, как говорится, саму возможность выбирать между истинностью и ложностью. Вот перед нами профессия, и она предоставляет нашему знанию высшие истины, к которым только способен дух человека, ею охвачено невероятное многообразие предметов, самых далеких и разных. Есть ли хоть одна наука, чей путь с этой сферой не пересекался бы? Бывают ли несомненные заключения философской науки, если они не прошли сквозь то испытание, которое ставит перед ними Теология? Разве она не проливает свет на саму историю? Или не влияет на принципы этики? Или никак не связана с физикой, метафизикой и политической наукой? Возможно ли выпустить ее из круга знания, чтобы не искалечить при этом этого круга, или, с другой стороны, разве Теология не наука?

Тем более неотвратимой выступает данная дилемма потому, что Теология так точна и последовательна в своем интеллектуальном строении. Если я говорю о теизме или монотеизме, то не скидываю в кучу несоразмерные доктрины, не сливаю воедино веру, мнения, убеждения, какие бы они ни были, в один конгломерат,

лишенный формы, применяя неопределенные слова и придавая этой мешанине достоинство названием «Теология». Я веду речь о единой идее и разворачиваю ее в подлинных пропорциях, реализую это вразумительной методикой, показываю все необходимые следствия, которые могут быть в ином месте и в другое время поняты лучше, которых придерживаются неодинаково здесь и там, но которые всюду и всегда, где бы то ни было, представляют собой не случайное соединение разных сущностей, а одно единое.

9

И здесь я подвожу вплотную к самому важному моменту в аргументации в ее пользу. Теология, как я ее охарактеризовал, не случайное совпадение порождений отдельно взятых умов, чем и являются отдельные системы, например, пророческого толкования. Это и не внезапное порождение какого-либо кризиса, подобно доктринам лютеран или уэслианцев. И это не блестящий взлет восходящей философии, как в случае Декарта или Платона. Это и не преходящая мода сезона, как случается иногда с медицинскими способами лечения. Это то, что с незапамятных времен получило свое место, как царство в мире интеллекта; это учение восприняли души весьма различные и даже враждебные друг другу религиозные системы. Она в первую очередь претендует на нас, привлекая своей величественностью, и могла бы стать отвергнутой из-за того, что ее требования лишь внешне величественны и тем самым — фальшивы. Что касается стран, в которых мы находимся, она прочно заняла свое место в языке, встречается на каждом шагу в литературе, это есть тайное допущение у всех наших писателей; оно слишком аксиоматичное, чтобы исповедовать его открыто, но даже самим себе это допущение возможно сделать явным лишь при условии совершенно протivoестественного осознания самих себя. С нее начинается каждый, кто занимается философией, и применяет ее без нужды это обосновывать. Бэкон, Хукер, Тайлор, Кедворт, Локк, Ньютон, Кларк, Беркли и Батлер — среди англичан можно найти еще немало имен, — все они внедряют и комментируют ее. Самые противоположные по своим взглядам и натуре мужи, например Эддисор и Джонсон, Шекспир и Милтон, лорд Герберт и Бакстер — все поддерживают ее. И это — не просто только англиканская или протестантская концепция, ведь она прослеживается из глубины времен и на всем Континенте. Существовал ли мир когда-нибудь без нее? Разве стали системы на-

подобие атеизма и пантеизма науками, доминирующими в литературах народов, достигнувшими законченности и совершенства, как это произошло с монотеизмом? Мы встречаем ее в Древней Греции, и в Риме, а также в Иудее и на Востоке. Мы встречаем ее в народном творчестве, в литературной традиции, в философии, в поэзии в виде позитивного и устоявшегося учения, совсем не различающегося во внешнем проявлении, будь то в условиях протестантской Англии или раскольнической России, или в условиях магометанских народов, или католической церкви. Если был когда бы то ни было предмет мышления, который завоевал по праву место среди принятых для изучения в Университете, который возможно отринуть разве только по ложному обвинению в шарлатанстве, либо астрологии или алхимии, если вообще есть где-либо такая наука, которая, бывая то предметом пренебрежения, то — предметом праздного любопытства, всегда при этом либо полностью принимается, либо полностью порицается, и более того, которую невозможно опустить при осуществлении всестороннего образования, не совершив при этом явного отказа от ее истины, то это — древняя, далеко идущая философия.

10

Джентльмены, можно привести к заключению эту несколько затянувшуюся дискуссию. Не много понадобится слов, чтобы подытожить то, на чем я настаиваю. Я утверждаю, что если разные области знаний, которые составляют содержание обучения в Университете, так зависят друг от друга, что ни одним невозможно пренебречь без ущерба совершенству всех прочих, и если одной из областей знания является Теология, широко признаваемая, философски построенная, имеющая известнейшее значение, огромнейшую влияние, то к какому выводу нам возможно прийти на основании этих двух посылок? Удалить Теологию из школ — значит нанести ущерб полноте знания и лишиться действительности основу доверия ко всему, чему на самом деле в них учат.

Но я ставил акцент на Естественной Теологии лишь потому, что хотел увлечь за собой всех некатоликов, будучи уверен в том, что никто в действительности не может приступить к владению и распространению доктрины умного Творца в полноте ее, не забежав при этом много дальше, чем сам мечтал вначале. Поэтому повторяю: если это наука, пусть даже насколько разум людей постигает ее, то она способна столь много осветить и столь разнооб-

разно включена во множество предметов преподающего универсальное знание, что как же сможет католик представить себе, чтобы было возможным возвращать философию и науку с правильным вниманием к их конечной цели, то есть — Истине, в предположении, что система выявленных фактов и принципов, которая известна как истинная, составляет католическую Веру и простирается далеко за рамки природы, чтобы она была пропущена среди предметов его учения?

Одним словом, Религиозная Истина есть не только часть, но условие общего знания. Вымарать ее будет означать, не боюсь преувеличения, разрушение всей сети Университетского преподавания. Это, как говорили в Греции, означает изъятие весны из года, это может напоминать подражание тем нелепым трагикам, которые представляли драму без главной ее части.

БЕСЕДА IV
ОТНОШЕНИЕ ПРОЧИХ ОТРАСЛЕЙ
ЗНАНИЯ К ТЕОЛОГИИ

1

Вряд ли вообще в мире есть что-либо более распространенное в качестве элементарного признака того, что существует подлинная противоположность естественнонаучного знания и откровения, чем рассмотрение сопротивления, оказываемого со стороны религиозных людей, особенно католиков, отделению мирского образования от Религии. Для громадного числа сторонников такого отделения не имеет ни малейшего значения реальное наличие данной противоположности; для множества людей является истиной лишь то, что люди религиозные не возревают и не встревожатся по поводу Науки, если только инстинктивно не ощутят, пусть даже не осознавая того, что знание есть их естественный враг и что развитие его, если не будет остановлено, уничтожит все почитаемое и ценимое ими. Все это в обществе иногда представляется как дурное предзнаменование с нашей стороны, подобно отказу учить на основе одной лишь Библии; с чего бы это страшиться священной книги, говорят люди, если она не направлена против вас? И на том же основании, с чего страшиться светского образования, если оно не направлено против вас? Разве есть причины препятствовать распространению книг, содержащих религиозные взгляды, противоположные вашим собственным? Почему надо запрещать свободное чтение детьми и учениками стихов и прочей легкой литературы, опасаясь встревожить их психику? Зачем надо обязывать знать об одних и замалчивать о других лицах, если известно, что друзья твои, как и противники, в той же мере и на стороне других? Истина отличается смелостью и лишена подозрительности; нехватка уверенности в себе есть признак ложности.

Таким образом, в той мере, в которой данное возражение относится к любой противоположности мирской науки и духовной, что в настоящий момент выступает предметом моего внимания, я дос-

таточно ответил на этот вопрос в предшествовавшей Беседе. Там мной сказано, что для того, чтобы вообще обладать истиной, нам потребуется истина вся целиком, не одна отдельная наука, но совокупность их, и даже все взятые вместе науки не составляют истину целиком; что Откровение как Истина в огромной мере входит в сферу науки, философии, а также литературы, поэтому полагать, будто вся Истина находится в науке, неправильно потому, что так создается слава науке ценой нанесения огромного ущерба ей. Не скажу, что упущение из поля внимания той или иной науки нанесет одинаковый ущерб; чистая математика не пострадает вовсе; химия пострадает меньше политики, политика меньше истории, этики или метафизики; однако я считаю неопровержимым, что знание духовное далеко не малозначимая область знаний, а различные области науки близко связаны друг с другом, образуя единое целое, границы которого трудно очертить. Подобно тому, как буква и дух Слова Божия составляют целое, а сам текст как таковой есть лишь часть целого, так, в свою очередь, и Откровение можно расценивать как одну из составных частей знаний человеческих, рассматриваемых как целое, а отбросить его — значит отбросить одну из таких составных частей. Вера Откровения отдает другим наукам факты, которые эти науки, будучи предоставлены сами себе, никогда не добудут, а также обесценивает те факты, которые, если их не обесценить, они вообразили бы себе. Так, спасение народа на ковчеге Ноя является историческим фактом, который наука История никогда не смогла бы получить сама, без Откровения; а в области физиологии и нравственной философии и прогресс, и возможность совершенствования человечества являются грезой, потому что Откровение этому противоречит, что бы ни утверждалось, пусть и правдоподобно, учеными. И дело не в том, что католики боятся научного знания, но в том, что они гордятся духовным знанием, дело еще и в том, по их убеждению, что пренебрежение любым знанием, духовным или мирским, оказывается всегда не знанием, а невежеством.

2

Итак, на прошлой неделе я предвидел данное возражение: я перехожу теперь к дальнейшему рассмотрению отношения мирского знания к духовному. По моему наблюдению, если какая-либо из наук выходит прочь из круга остальных знаний, то невозможно держать свободным ее место, такая наука оказывается забытой, прочие науки смыкают ряды, они выходят за собственные рамки и

вторгаются за свои правомочные пределы. Например, я убежден, случись Этике оказаться запрещенной, то место ее вскоре исчезнет по договоренности о разделе, если можно так выразиться, между правом, политической экономией и физиологией; а что произошло бы с областью экспериментальной науки, если передать ее место Обществу древностей, либо с историей в случае сдачи ее метафизикам? Точно то же произошло бы с сущностью Теологии, если бы она оказалась жертвой десятка других различных наук, если бы лишить ее права существования, и если бы к тому же в такой ситуации эти науки вышли бы за свои рамки и за пределы своих правомочий. Они бы обязательно приступили к неверному преподаванию того, что преподавать вообще не является их задачей. Даже враги католичества не станут этого отрицать никогда, ибо, будучи теологами, никогда к такой узурпации, как сами назвали бы это, они не окажутся слепыми; те, которые обвиняют нас в желании, согласно языку Писания, заставить Солнце двигаться вокруг Земли, не являются людьми, которые станут отрицать то, что наука, превысившая свои пределы, совершает ошибку.

Я не только не считаю нужным отрицать этот факт, но, наоборот, утверждаю со всей ответственностью о том, что разрабатываемая самостоятельно всякая мирская наука может стать опасной для Религии; это раскрывается на основе широкого принципа, согласно которому любая из наук, даже весьма всеобъемлющая, обречена впасть в заблуждение при всякой попытке превратиться в исключительную силу, объясняющую все сущее на земле и небе, а вызвано это лишь тем, что она вторгается в сферы, ей не принадлежащие, и принимается за решение задач, для работы с которыми не располагает средствами. Из этого, в свою очередь, вытекают определенные заключения.

3

Одним из первых действий человеческого разума является схватывание и присвоение того, с чем встречаются чувства, в чем и заключено главное различие между использованием их у цивилизованного человека и у дикаря. Дикари глазуют на зрелища и внимание их приковано к звукам, то, что они видят и слышат, сводится только к зрелищу и звуку. Интеллект же у цивилизованного человека, напротив, тоже действует как зрение и слух, и воспринимает еще что-то в том, что человек видит и слышит. То, что дают ему чувства, ум охватывает и соединяет, охватывая и оформляя не обя-

зательно видимое и слышимое в составных частях предметов. Он различает, что прекрасно, а что не является таковым в линии, в цвете и высоте звука. Он придает им смысл и вкладывает в них мысли. Он соединяет последовательность нот в выразительное целое и называет это мелодией, в нем особо обострена чувствительность к кривым и углам, свету и теням, оттенкам и цветам. Он устанавливает различие между исключением и правилом, между случаем и закономерностью. Он определяет статус общего правила явлениям, качественных особенностей — предметам, связывает действия с принципами, а следствия с причинами. Словом, он философствует, потому что, мне представляется, что наука и философия в их элементарной мысли ничем другим не являются, кроме этой способности *рассмотрения* предметов, о которых сообщается психике чувствами, размещения их в системе, а также — объединения и придания им целостной формы.

Метод этот настолько естественен, что осуществляется произвольно, и если мы не можем его осуществить, то возникает переживание нетерпения, и вследствие этого у человека не всегда хватает способности дождаться его непосредственной реализации, а поэтому нередко человек соглашается даже с неудовлетворительными или нелепыми взглядами и толкованиями того, с чем сталкивается, но не может обойтись вовсе без них. Люди связывают разные сущности, материальные и моральные, которые оказываются в сознании, с причинами, о которых им известно, либо которые являются таковыми по воображению, лишь бы только это не оказалось ни к чему не привязанным, а из-за активности нашего ума мы переживаем страдание и суетливость, если этот метод не удается реализовать. В этом именно заключено объяснение всегда готовым поговоркам, суждениям, поверхностным обобщениям, которые в изобилии встречаются во всем мире. Не из самоволия и не от злого умысла, но по причине раздражения из-за напряженной неопределенности душа оказывается готовой к высказываниям, когда достаточных данных для высказываний нет. Кто только не создает своего взгляда на ту или иную, например, общественную фигуру или общественное событие, и подчас настолько поверхностного, что доходит до описания либо внешности, либо обстоятельств? Но тех, у кого имеется какое-то право создавать собственное мнение, мало. Отсюда и недоразумения при характеристиках, ложные впечатления от слова и дела, которые скорее правило, чем исключение в мире вообще, там же оказывается источник всяких крайностей у лиц необузданных, но с та-

лантом, и узость скрываемого невежества, потому что, хотя и трудно добиваться правильного взгляда на вещи, активный ум все равно формирует свой взгляд. Людям невозможно без взгляда, а когда нет возможности добиться истины, они удовлетворяются иллюзией.

4

Теперь посмотрим, как сказывается нетерпеливость в вопросах исследования и размышлений. То, что происходит с невежественными или подверженными страсти, наступает и с теми, кто ограничен по профессии, скован кабинетной наукой или еще каким-либо осложнением. Мужья, посвятившие жизнь возделыванию одной научной области или освоению одного метода мышления, не имеют права, хотя притязаний у них часто избыток, делать обобщения на основании своих собственных занятий, то есть имеют не больше прав, чем у школьника или пахаря судить о премьер-министре. Но по всякому предмету у них всегда есть что сказать; обычай, мода и общественность требуют от них: если до этого доходит, то выносить свое суждение каждый обязан согласно своему реальному знанию. И можно было бы подумать, что в таком положении человек становится в своих суждениях очень сдержан, но это вовсе не так: зачастую как раз пропорционально ограниченности знаний пускает корни не осторожное недоверие, а наоборот, беспредельное убеждение в правильности своих личных умозаключений и готовность им следовать. И это происходит с упорством фанатизма, им презируемого, но при том без типичного для фанатиков оправдания того, что уж своя-то доктрина верна потому, что дана свыше. Следовательно, такой человек становится приверженцем единственной идеи, которая означает единственную науку, единственный взгляд, отчасти верный, но лишь один среди многих, и отчасти ложный, то есть это всего лишь то, что может содержаться в единичной частности и не более того. Следовательно, это тот случай, когда принципы полезности, сочетания, прогресса или благотворительности, либо наук материальных — сравнительной анатомии, френологии, электростатики, — вознесенные до уровня главенствующих идей и ключевых концепций если не всего знания, то значительных идей, что в настоящее время можно постичь, реально оказываются низведенными до заблуждений и шарлатанства из-за того, что их значимость раздута, вышла за рамки разумного понимания, а потому еще, что фактически происходит злоупотребление из-за чрезмерности философствования на основе нехватки научности.

Злоупотребление, о котором я рассказываю, изложил лорд Бэкон как одно из препятствий на пути к науке, сказав, что «люди подвержены самонадеянности, люди незаметно придают мыслям, мнениям и доктринам те смыслы, которые порождали у них наибольшее восхищение, либо — формы тех или иных наук, в применении которых им довелось более всего практиковаться; и это придает всему остальному некий оттенок чего-то неправильного и неуместного... Именно так алхимики из скудных экспериментов в пламени печи выработали целую философию, а Гилберт, наш соотечественник, построил философию всего лишь на основе наблюдений над магнитным железняком. Так и Цицерон, который привел несколько мыслей о природе души, заявил, что если музыкант считает, что душа сводится к гармонии, то это верно и о самом искусстве. Но мудро и осмотрительно об этих суждениях говорил Аристотель: «тот, кто мыслит о небольшом количестве идей, легко принимает всякое решение».

5

Довольно сказано по поводу объяснения тех неудобств, которые неизбежно выступают, по моему мнению, следствием отказа от признания теологической истины в курсе универсального знания, — это не только утрата самой Теологии, но и извращение прочих наук. Что неправомерно искажается, то и воспринимается окружающими неправомерно. У них своя область, а когда они ее покидают, то пытаются заниматься тем, что сделать реально не способны; еще более зловецким оказывается то, что они учат знанию, верному на своем месте, а тем самым знание это, выдрванное оттуда, либо извращено, либо раздуто, но обязательно оказывается ложным. А поскольку далеко не всякий обладает способностью отделить ложь от истины, всему свету навязывается то, что ложно, под видом истины. И здесь мы сталкиваемся не только с врагами, но и с теми, которые, не будучи сторонниками, в то же время и врагами Религии не являются, а в сознательном свершении того, что они делают, их никак не обвинишь, поэтому чтобы довести мысль эту до полной ясности, приведу к ней иллюстрацию.

Обратимся к таким изящным искусствам, как живопись, скульптура, архитектура, к которым можно причислить и также музыку. Они служат высшими инстанциями Прекрасного и Возвышенного, выступая, что очевидно, особыми помощниками и подмастерьями на службе у Религии. Но столь же верно, что они склонны о

своем месте забывать и, если их не сдерживает твердая рука, то из слуг они становятся хозяевами. Тут заложено такое преимущество, с точки зрения церковного учения, что главенствует у них более рудиментарное состояние, старинное, в архитектурном стиле, в готической скульптуре и живописи, в том, что называют григорианской музыкой — все эти области просто зачаточные, прирожденной жизненной силы и активности в них столько, что нет опасности выхода за рамки занимаемого ими места и навязывания Религии своих законов. Но дело меняется радикальным образом, если гений, вдохновившись их природной мощью, придал им то, что я назову здесь интеллектуальной властью. Если только живопись, к примеру, реализуется во всей полноте как искусство изображения, то всякая зависимость этого искусства от Церкви исчезает. У живописи есть самоцель, и она сама по себе: Природа — ее царство, даже если она становится устремленной к идеально прекрасному, но это все равно есть природное прекрасное. Она не в состоянии изображать красоту ангелов и святых, которую никто не видел воочию. Поначалу путем контуров и знаков искусство живописи дает набросок Незримому, а нехватка мастерства превращается в инструмент почитания и скромности, но по прошествии времени это искусство в качестве такового обрело полную силу, а Религию оно, скорее, превратило в подсобное средство для себя, нежели осталось ей служить. В бесчисленных галереях и палатах персонажи для преклонения и священные сюжеты едва заметны в потоке мирских и, прямо скажем, не всегда пристойных форм, созданных Искусством самостоятельно; привнесенными оказались и колорит, и персонажи не из самой лучшей среды. Не удовлетворившись нейтральной почвой развития чего-то своего собственного, искусство соблазнилось на возвышенное в священных сюжетах ради своих претензий и тщетных задач. Без лишних слов вдобавок к сказанному каждый понимает, что в таких условиях Религии потребовалось усилие, чтобы над нею не возоблудало мирское начало. Достаточно выпустить из внимания суровое учение католичества в школах живописи подобно тому, как пренебрегают им теперь в философских учениях, и вся иерархия Церкви, Отшельника и Девы-Мученицы, Исповедника и Врачевателя, Ангелов Небесных, Богоматери, Распятия, Вечной Троицы окажется немедленно подмененной на какую-то языческую мифологию в облике священных наименований, в виде творения высшего гения с мощной и ошеломляющей, всепоглощающей красотой, где, впрочем, близко нет ничего от службы во имя Веры, но и ничего нет, с другой стороны, что прямо либо косвенно способствовало бы осуждению сути и сил тьмы.

6

Искусство живописи, однако, является особенным, музыка и архитектура более идеальны, а их соответствующие архетипы, если не сверхъестественные, то, как минимум, отличаются абстракцией и возвышенностью; но то, что наблюдается в связи с живописью, является применительно к изумительным достижениям музыковедения за это столетие. Вне сомнений то, что высшего гения привлечь к служению делу Религии здесь гораздо проще, чем в случае живописи, наука очерчивает ту область своей деятельности, вполне невинной, куда Религия не вторгается и не имеет в этом нужды; с другой стороны здесь также — в музыке, как в живописи, — Религия должна не дремать и быть бдительной, потому что, если дремлют ее слуги, то всегда есть лазейка для сильных чар. Музыка, хоть здесь и не место подробней говорить об этом, обладает собственным предметом; подобно математической науке она выражает те идеи, которые величественней и глубже любых, черпаемых из мира осязаемых сущностей, идеи, центр которых воистину в Нем, кого прославляет католичество, кто являет престол всего прекрасного, стройного и совершеннейшего, но идеи в конечном счете не являются главным, к чему непосредственно и фундаментально привлекает наш взор Откровение. И если великий мастер в этой загадочной науке (коль скоро мне позволено говорить о вопросах, которые лежат вне моей сферы) предается собственному таланту, доверяется своему вдохновению и погружается в такие мысли, которые ему навеваются самой стихией, принадлежат к более высшему, сущностному кругу, он, очевидно, пренебрежет всем прочим. По мере роста своей творческой силы мастер порывает пути с миром, жертвует интонациями голоса, даже самыми нежными, ради духовых инструментов, и окажется погруженным в самый мощный полнокровный поток звуков, извлечь которые из механических устройств ему позволило само искусство; он тогда подобен гиганту — настолько далеко простираются все его средства и возможности, берущие начало в сокровенных глубинах свежести красоты и величия, с каждым шагом его они сливаются во все более захватывающие и восхитительные сочетания; это является прекрасным и закономерным в меру его способности держаться собственного направления, но если его привлекает, а это весьма вероятно, возвышенное, столь близкое его собственной душе, заключенное в католической доктрине и ритуале, если займется он священными темами, если решит всеми средст-

вами своего искусства воздать уважение Мессе, невозможно получить более божественного, совершенного предназначения, Религия всегда милостиво примет то, что он дает от всего сердца, но нет уверенности в том, что обстоятельства не побудят его далее к использованию Религии вместо служения ей, если только Религия не является сама по себе упрочившейся и способной напомнить ему о том, что высшему из предметов он окажет честь именно в роли ученика и должен смиренно следовать мыслям, ему данным, и при этом должен стремиться к славе не собственного дара, но Божьего.

7

Относительно архитектуры — приведу замечание, верное и о Фенелоне, и одновременно о Беркли, людях весьма разных, отчего смысл его еще значительней: готический стиль не столь прост, если несет красоту церковным строениям. Я это понимаю наподобие суждения, сделанного мной по поводу совершенствования живописи и музыки. Лично для меня стиль этот, называемый готическим, независимо от истоков его, наделен глубинной и властной красотой, которой больше никакой стиль из известных нам не обладает, и Церковь позаботится о том, чтобы он не был превзойден вплоть до достижения Града Небесного. Нет архитектуры, встречающейся в священных постройках, которая более является развитием идеи, потому что готический стиль столь же гармоничен и интеллектуален, сколь благороден. Но не следует обольщаться этим фактом, важно проявить бдительность, чтобы по неосторожности святой дар не стал самоцелью, но остался духовным средством. Вне сомнений, существует возможность того, что, как *Возрождение* пережило свое время три столетия тому назад и это выразилось, вопреки Церкви, в излишествах в литературе и искусстве, так и подъем почти забытого искусства архитектуры в странах наших — во Франции и в Германии — может так или иначе пойти по порочному пути, если упустить контроль над ситуацией. Я не имею в виду Ирландию, но для английских католиков это, по меньшей мере, станет серьезным злом, если разовьется в форму символического выражения и оправдания устарелого церемониала или пережиточного национализма. Мы живем не в эпоху богатства и верности, помпезности и прислужничества, старинных институтов, паломничеств и покаяний, монашества и отшельничества в пустыне, не в эпоху возмещения страстными про-

явлениями любви массовой нехватки просвещенности или интуитивного ощущения формы и сущности того, что не прочтешь в книгах. Устав и правила изменились в свете требований времени, и потому старинные уклады дисциплины духа в наше время стали элементарной ересью.

8

Мной говорилось о том, что изящные искусства могут вредить Религии тем, что диктуют законы тогда, когда нужно повинаться. Высказанное ближе к аналогии, чем к строгому определению предмета, но весьма точно. Если же самые строгие и верные дети Церкви должны от себя отречься, и они совершают такое самоотречение, когда посвящают себя высшему предназначению наук, которое столь же возвышенно и свято, как все, созидаемое падшим человеком, и если мы обращаемся к наукам иного характера, предмет которых осязаем и материален, а принципы принадлежат к области Разумного, а не Воображаемого, то мы найдем и таких учеников, которые без охоты относятся к католической вере и выполняют роль ее противников, хотя чаще без всякого желанья и без намерения. Много среди них таких мужей, кто, предаваясь единственному предмету мышления и преобразуя его принципы в единственное мерило вещей, превращаются во врагов Религии Откровения еще до того, как ее познали, и только по прошествии времени они осознают состояние собственной души. Они, если пишут собственные лекции, во время пребывания в этом бессознательном или полубессознательном неверии, распространяют повсюду неверные принципы под обличьем и знаменем христианства; и только потому, что сделали науку — будь то политическая экономия, геология или астрономия — в ущерб Теологии, центра всех истин; всякую науку или часть ее они видят ведущей происхождение из специальной дисциплины, проверяя и определяя суть всего нового на принципах этой дисциплины. Другие же, хотя и признают антихристианскую суть своих взглядов, обладают развитым чувством меры и вкусом, чтобы выплескивать ее на весь мир. Они не хотят шокировать окружающих и предавать гласности свою веру, которая им не выгодна. Им известна прочность предрассудка и тяжелая цена новшеств, им хочется тихо пройти сквозь всю жизнь, они не хотят полемики, им дурно от одной мысли быть замешанными в религиозный спор. Но при том у них иногда предоставляется возможность публиковать что-то по предметам литературы или науки; они желали бы всю

жизнь не обидеть никого, но в конечном итоге, к своему раздражению, им приходится открыть, что хотя они менее всего того ожидали, а также прилагали все силы, чтобы избежать этого, своими публикациями они служили партийному фанатизму и враждебности. Легко понять причину этого, случившегося со многими. Прежде чем человек понял свою позицию, вокруг него производится масса шума, а он столь слабо представляет себе, так сказать, *характер* местности, что все его старания оправдать свою позицию только ухудшают дело. Иначе говоря, узкое изучение предмета приводит человека, хочет он того или нет, к противодействию основам Религии, принципы которой никогда не служили ему ориентиром, и которые, каков бы ни был их эффект для него, уберегли его хотя бы от вмешательств в убеждения окружающих, если были бы хоть раз авторитетно преподнесены ранее.

9

Примеры такого рода не столь уж редки. Люди в возрасте вспомнят о затруднительном положении, в которое попал в Лондоне один видный специалист, ставший еще известней после того, как напечатал книгу, в которой так подавался предмет сравнительной анатомии, что отсюда следовало отрицание нематериальности души. Я сейчас выступаю не в защиту и не с осуждением того, о чем судить не имею возможностей, все известное мне побуждает думать об этом специалисте с уважением и интересом, уверен, что этот вопрос рассмотрен с высоких позиций и при должном достоинстве; чтобы не входить в порожные споры и примитивную вражду с людьми разного мнения, оставаясь в области медицины, я никогда не поверю в то, что данный человек намеренно возбудил негодование и ранил обычаи религиозной общественности. Что же тогда стало его ошибкой, или погрешностью, кроме того, что он безвинно отдался конкретной области науки, имеющей материальное содержание, и позволил ее предмету вести его на поводу туда, где он не обладал правом являться законодателем, в том числе для духовных существ, что выступает прерогативой науки Теологии?

События, послужившие другим примером, совершились позже. Представитель англиканской церкви высокого сана написал историю евреев, в которой он выказал, на мой взгляд, этакое проявление дурного суждения, внешний взгляд на нее, а потому пришел практически к позиции светской истории. Великим удивлением для членов его общины явились последствия, от которых он

сам поныне страдает. Основываясь на неприятии и презрении к полемическим демонстрациям того автора, я должен заключить, что этот ложный шаг его принудила совершить предательская увлеченность тем, что называется философией истории, которая на своем месте очень хороша, но едва ли применима в случаях, где Всевышний находится над законами общества и природы. Убережь автора от этого было бы возможным, если бы он был католик, но в Учреждении он не познал учения, чтобы прислониться к нему, чтобы оно направило его прочь от порока, к которому он оказался привлечен путем внешнего обмана.

10

Хочу обратиться к примеру из другой науки и скажу подробнее об этом. Политическая экономия, я полагаю, есть наука о богатстве, наука просто полезная и нужная, поскольку нет греха в приумножении денег подобно тому, как нет греха в соискании почестей; это опасная и вводящая в грех наука, как бывает и при искании почестей, а вследствие изучения без контроля со стороны Истинного Откровения она способна привести ученого к нехристианским выводам. Священное Писание ясно говорит о том, что алчность, или любовь к деньгам «есть корень всех зол», и что «разбогатевшие подвергаются искушению», и что «богатым не войти в царство Божие»; после описания образа богатых и процветающих там указывается, что «счастливыми считаются те, у которых имеются все эти вещи; но счастье — у тех, у которых Богом является Всевышний», хотя, с другой стороны, с той же определенностью говорится, что «кто не работает, тот не ест» и «отказавшийся от заботы о себе самом, а особенно о доме своем, отринул веру свою, а это хуже неверия». Эти противоположные требования суммированы в мудрой молитве: «Ниспошли мне не нищету и не богатство, а лишь необходимое мне для жизни». С этой предельно точной картиной христианского воззрения на долг, на труд прежде всего, но на труд ради собственной самостоятельности, а также на ревностное отношение к богатству личному или национальному, Святые Отцы, что закономерно, весьма единогласны. «Иуда, — так сказал св. Златоуст, — был с Ним, который не знал, где приклонить главу Его, но не смог воздержаться; как же Тебе возможно уйти от соблазна такого без тревоги и заботы?» «Насмешка, — говорит св. Иероним, — называть воскурение кому-то фимиама, предназначенного Богу, и так и не признать это,

отдав всю жизнь свою этому служению». «Нет ни капли справедливости в сердце, — говорит св. Лев, — в котором поселилось корыстолюбие». С большой выразительностью то же нам дают поучения праведников и всех святых братьев и сестер, касавшиеся этих проблем, но нет нужды приводить подтверждения из их учений, потому что все тут раскрывает нам Писание.

Теперь обратимся к анализу Писания и мыслей Отцов на фоне политической экономики. Несомненно, что если есть наука о приумножении богатств, в ней должны содержаться законы создания богатства и управления им и ничего иного; что она сама не может объявлять себя наукой подчиненной, и что ее цель не есть высшая цель всего сущего, а также что все выводы ее лишь гипотетические, зависящие от посылок и всегда могущие быть измененными под влиянием вышестоящих учений. Я не виню политэконома ни за что из того, что вытекает из самой идеи науки его с того момента, когда она признана в качестве науки. Свои поиски он, конечно же, должен направлять на свои цели; но тогда следует вспомнить, что он в настоящее время остается представителем абстрактных исследований и занят построением логических выводов из бесспорных посылок. Если задача в богатстве, нужны те или иные методы получения его. Двигаться в этих рамках политической эконом имеет право; но у него нет права определять, как реально создать богатство, или определять способ достижения добродетели, или цену счастья; представляется, что это нарушение границ его науки, независимо от ответа на вопрос: прав он или нет при вынесении своих определений, потому что он занимается некоторой гипотезой.

Рассмотрим параллельный пример — лекарь может сказать человеку, что если тот желает сохранения собственного здоровья, то должен бросить свою работу и переселиться в деревню. Он ясно заявляет «если», и это все, что реально его волнует, он не судья тому, есть ли для данного лица предметы более важные, более неотложные, чем сохранение собственного здоровья, он не входит во все обстоятельства жизни этого человека и его обязательства, не интересуется иждивенцами, от него зависимыми; он не знает ничего о том, что бы тут порекомендовать, и чего нет, а только заявляет: «Я выступаю лишь как врач; если желаете себе добра, бросьте свою профессию, ремесло ваше, ваш офис, что бы то ни было». Как бы ни было сильно его желание, он не смеет сказать большего, если говорит не как друг, а как врач; и было бы дерзостью, если бы он сказал, что телесное здоровье есть высшее благо и никто не в состоянии быть добродетельным, если не в порядке системы организма.

11

Вернемся теперь к тому реальному политическому эконому, каким он стал в современной модной форме. Я рассмотрю его в самом благоприятном свете: пусть это будет Джендльмен высоких личных качеств, религиозные взгляды которого гарантированы нам его избранностью в своей области науки в Университете, который отстоит далее любой иной протестантской общины от низменных и нехристианских принципов в деле зарабатывания денег. Считаю, что если и есть место, где политическая экономия могла бы пребывать в порядке, без блужданий по бездорожью, по садам и лугам, предназначенным иным наукам, то это Оксфордский университет. И если только может быть человек, у которого предостаточно такта, чтобы не зайти за грань дозволенного религиозной атмосферой этого места и воздержаться от высказываний, выходящих за рамки, указываемые Откровением, то мне представляется, что я знаком с такой умеренной и взвешенной личностью, которую так воспринимают все, и о ней я сейчас расскажу. С этой личностью не связано никакого брожения в среде педагогических и религиозных деятелей, что случилось в ряде иных случаев, о которых упоминалось мной ранее. Так что я представляю науку политической экономии в ее самостоятельной и ничем не ограниченной функции, к нашей пользе, с помощью избранного мной материала инаугурационной лекции о ней, прочтенной в упомянутом выше Университете первым ее профессором. Но и при этих благоприятных обстоятельствах вскоре станет видно каждому, что великий юрист в своей хвале избранной им науки допустил крайние отклонения лишь по той причине, что сузил все внимание на ней, пока не позабыл о том, что есть более высокие и божественные предметы мыслей, нежели этот. Всякий прав, кто утверждает, что предметом его науки выступала характеристика науки о богатстве как утверждение ее позиции в *этическом* качестве, а именно, закреплением за ней роли дороги к добродетели и счастью, что бы ни говорили обратного Писание и Святые Отцы.

Начал он с предсказания того, что в течение ближайших лет Политическая Экономия «встанет вровень с главенствующими *нравственными* науками для общественного мнения, как в плане интереса, так и в плане полезности». Затем он с исключительной прозрачностью разъясняет предмет и задачи, рассматриваемые как свойственные науке, которая «учит в чем состоит богатство, какими участниками оно производится и по каким законам оно распре-

деляется, а также те институты и обычаи, которыми можно благоприятствовать производству, регулировать распределение, чтобы обеспечить наибольшее количество богатства каждой личности». После чего он привлекает внимание к интересной проблеме того, «прошла ли уже полностью Англия весь путь роста благосостояния и прогресса, прочно ли остановилась на том, чего достигла, или же стояние на месте вообще невозможно». После этого делается ряд замечаний с возражениями, о которых расскажу ниже его же словами, так как они дают в мое распоряжение нужную иллюстрацию.

Возражение это состоит в том, говорит он, «если снискание богатства выступает одним из смиреннейших занятий человека, которое намного ниже устремленности к добродетели или знаниям, или же — к признанию, а обладание богатством не обязательно связано или, скажем, ведет к счастью, то и наука, единственным предметом которой выступает богатство, не может претендовать на место среди первых или почти первых нравственных наук»¹. Вне сомнений, что для энтузиаста в стане любой науки велико искушение повоевать с возражением, которое направлено против ее достоинства и значения; но в силу самой его формы такое возражение не способно предложить подобающего ответа средствами самой этой науки. Такое возражение лежит вне ее сферы, и положение напоминает о правоте замечания, высказанного лордом Бэконом: «Никакое совершенное открытие нельзя сделать на равнине или плоскости, нет и никакой возможности глубоких и весомых открытий в какой-либо из наук, если стоять на уровне этой науки и не подниматься к науке высшей»². Аргумент против политической экономии как стоящей ниже наук о добродетели или как не приводящей к счастью — это возражение этическое либо идеологическое; вопрос о «ранге» ее относится в любом случае к науке архитектурной или философии, которая сама по себе выступает арбитром всяческой истины, заведует всеми претензиями и размещает все места всех разделов знания, которым в состоянии владеть человек. Я убежден, что если противник той или иной науки утверждает, что данная конкретная наука к счастью не ведет, а сторонник ее в ответ заявляет, что она к счастью ведет, как считает и данный автор, то у всякого возникает очевидный вопрос о том, что именно обо всем этом говорит Религия, Писание? Экономии нельзя позволить выносить заключения в свою пользу, но она должна предстать перед

¹ Introd. Lecture on Pol. Econ., p. 11, 12.

² Advancement in Learning.

высшим Судом. Данное возражение есть обращение к Теологу; но профессор, однако, смотрит на это иначе, он не считает это вопросом философии, но и вопросом для политической экономии это, с другой стороны, не является, и вопросом для науки вообще, но это вопрос для частного заключения, и он сам отвечает на него, а именно:

12

«Мой ответ, — говорит он, — во-первых, в том, что стяжание богатства, то есть старание накопления средств ради будущего существования и наслаждения, выступает для многих людей великим источником *нравственного* совершенствования». Заметьте, Джентльмены, как точно это относится к сказанному мной. Это настолько верно, что влечет к насаждению ложного, потому что сам автор этого утверждения был направлен именно так. Я не сомневаюсь, что попрошайничество обыкновенно не выступает средством нравственного усовершенствования, а также что упорядоченные умения, которые сопутствуют откровенной погоне за выгодой, не только могут повлиять на внешние приличия, но уж по крайней мере способны оградить душу от порочных искушений. Далее, эти умения упорядоченности гарантируют и семье, и домашнему хозяйству правильный уклад, а тем самым выступают источником появления добра, кроме того, это ведет и к просвещению юных поколений, а тем закладывается подъем добродетельности и истинности в новом поколении, которых не имелось раньше, но и не входя в детальные рассуждения, прежде чем допустить их вообще, условно обратимся непосредственно к сути авторского тезиса. Он говорит: «старание *накопления*» — и эти слова необходимо взвесить, а ради чего? — «ради *наслаждения*» и притом «накопления средств ради будущего существования и наслаждения выступает для многих людей *великим* источником», и не просто *одним из* источников, но *великим* источником, — и чего же именно? Социального и политического прогресса? — таким мог бы стать ответ в русле данного направления, но нет, — чего-то такого более индивидуального и личного, то есть «*нравственного совершенствования*». Душа в случае этих «многих людей» совершенствуется в своем нравственном качестве более всего прочего благодаря нагромождению средств наслаждений этого мира в грядущих временах! Мне следует чувствовать себя виноватым, Джентльмены, за преувеличение, но, воистину, оказываешься застигну-

тым врасплох, когда сталкиваешься со столь категорическим противоречием Богу нашему, св. Павлу, св. Златоусту, св. Льву, всем святым.

«Нет такого института, — продолжает он, — который мог бы более благотворно повлиять на нравы низших сословий, то есть на, по меньшей мере, девять десятых всей численности любого народа, чем тот, который должен привести к приросту их силы и их желания накапливать; и нет более вредоносного, чем такой, который ведет к уменьшению мотивов и средств накопления». Итак, нет такого института, который более благотворен, чем тот, которым повышается стремление к *накоплению*! Это значит, что христианство не является таким институтом, потому что оно прямо заявляет: «*Не отдавай душу сокровищам* земным, ибо сокровища твои там, где душа твоя». Нет более обманчивого института, чем могущий уменьшать в человеке *мотивацию к сбережению*, а потому христианство несет в себе эту обманчивость, потому что далее текст гласит: «Вложи все свои сокровища в *царствие небесное, где* не тронет их порча и моль, где не достигнет их вор и не украдет».

Но мало того, чтобы нравственность и благополучие оказывались в зависимости от выгоды и накопления; к этому также причинно причастна практика Религии, и вот каким образом. Богатство находится в зависимости от преследования богатства; просвещение зависит от богатства; знание зависит от просвещения, а Религия зависит от знания; тем самым Религия зависит от преследования богатства. Говоря о нищих и диких народах, он утверждает: «Такие люди должны быть глубоко невежественными. Само стремление к знанию выступает одним из вершинных следствий развитости; для него требуется, чтобы оно было привито душе еще в детстве; и абсурдно даже предполагать, будто бы люди, пребывающие в таком состоянии, могут располагать возможностью либо желанием так много внимания уделять просвещению своих детей. И следующим в цепи следствий оказывается *отсутствие всякой реальной религии*, потому что религия у совершенно невежественных, если вообще есть, едва ли достигает чего-то большего, чем низменного предрассудка»¹. Погоня за выгодой, таким образом, служит основой добродетели, религии, счастья, несмотря на то, что всегда она, это известно всякому христианину, «служит источником всех зол», а вот «нищие, наоборот, благословенны, так как им принадлежит царствие Божье».

¹ Intr. Lect., p. 16.

Что касается аргументации из приведенных мной логических *соритов*, я предвижу то, как на нее возразить. Повторю, что, вне сомнений, «нищенство», как говорит мудрый, нежелательно; безусловно, что те, кто не хотят трудиться, не должны есть; имеется несомненное понимание того, что просто политическая или социальная добродетель ведет к нравственному и религиозному превосходству, но это общее понимание необходимо определить и установить для него смысловые границы. Именно на этом я и готов настаивать до конца. Не отвергаю, а предполагаю, признаю, что у «руководящих идей», как их именуют, и у «общих взглядов» людей ученых имеется причина и основание; и я только утверждаю, что, хотя они говорят истинное, высказывают истину не целиком, высказывают истину лишь узкую, а полагают эту истину широкой, что их выводы следует подвергать сопоставлению с другими истинами, которые признаны таковыми, для того, чтобы проверить, усовершенствовать и исправить их. Они утверждают истину *exceptis excipiendis*; утверждают, что истинно, но нуждается в охране; что есть истина, но доверять целиком и превращать в то, что называют *хобби*, истинно, но не служит мерой всех вещей; истинно, но если это исполняется беспорядочно, без соблюдения меры, разрушительно, вопреки другим наукам, вопреки Теологии, то станет просто огромным пузырем, который обязательно лопнет.

13

Я подхожу к концу этой Беседы, не успев указать и десятой доли тех примеров, которые могли бы стать иллюстрацией ее предмета. А еще хотелось бы остановиться и на том нередком извращении, которое происходит при исследовании древности и истории, принося вред Теологии. Вне сомнений, что свидетельства из прошлого играют важнейшую роль для определения католической доктрины, и также несомненно, что случаются умалчивания либо противоположности, которые в этих документах тоже могут оказаться, и касаются они в точности некоторых положений, которых вдруг оказывается достаточно для обесценивания возможности принятия нами доктрины; но и столь же несомненно, что существующее документальное доказательство католичества и христианства может быть оценено настолько неправильно, что выступит в роли абсолютной меры Откровения, как будто бы ни в одной своей части теологическое учение не является верным в прямом выражении самого текста, как его называют, Писания, и авторитетов от Отцов Свя-

тых до мирских авторов, — в то время как имеется бесчисленное количество фактов из прошлого, отрицать которые невозможно ввиду их неопровержимости, несмотря на то, что история о них умалчивает. Я считаю, что на этом основании следует отвергнуть и всякое происхождение круглых башен на нашей родине на том основании, что в истории не раскрывается этого, или что всякий человек произошел от Адама — ведь человек не способен дать никаких справок о своей генеалогии. Но Гиббон возражает против таинства страстей господних на основании того, что языческие историки об этом ничего не упоминают; точно так же мог бы он выступить против существования и христианства в первом веке, ибо Сенека, Плутарх, Плиний и еврейская Мишна умалчивают об этом. В том же плане протестанты выступают против Пресуществления, ариане против Святости Господа нашего, а именно на основе сохранившихся записей некоторых Отцов, где нет свидетельств об этих доктринах в подтверждение их, да и так же можно было бы утверждать, что христианство не проповедовалось двенадцатью апостолами, ибо наши знания весьма скудны об их деятельности. Доказательства Истории бесценны, но если они занимают место единственного средства получения Религиозной Истины, то выходят за отводимые им рамки. Мы возлагаем на них чрезмерную ответственность, если позволяем себе узурпацию, а также превращаем их в подлинное руководство и оправдание сплошного притока неизъяснимых затруднений и безмерных сомнений.

То же и о прочих науках: так же, как сравнительную анатомию, политическую экономию, философию истории и науку о древностях можно повернуть против Религии, если взять их самих по себе, что уже показывалось, точно так же не окажется в стороне и любая другая из наук. Грамматика, например, на первый взгляд не позволяет такого извращения, а вот Хорн Тук превратил ее в орудие своего скепсиса. Право, которое занято только определенным кругом клиентов, их делами, в оформлении его м-ром Бентамом, написавшим трактат о правовых доказательствах, превратилось в скрытую атаку против чудес Откровения. А физиология точно так же может превратиться в отрицание нравственного зла и ответственности людей, геология может отвергать Моисея, а логика — Святую Троицу¹; и прочие науки, которые переживают подъем, становятся и станут такими же жертвами злоупотребления.

¹ Абеляр о Святой Троице. — *Примеч. ред.*

14

Подводя итог сказанному, ограничусь кратким заключением. Моей задачей не было показывать, что секулярная наука, в каком бы ни было ее разделе, может быть враждебной по отношению к Теологии, но, скорее, это выступает основой возражения, которое лежит в основании тезиса данной Беседы, при этом я, однако, особо подчеркивал причины враждебности, существование которой подтвердить могут все стороны. Именно на этом я останавливался, а не на враждебности как таковой, ибо, если она имеется, то всегда связана с явным отклонением либо неверностью направления науки относительно истинных ее задач, а такое отклонение всегда бывает со всей неизбежностью, если Теология не отстаивает собственные позиции и не противодействует нарушению их. Душа человека не в состоянии удержаться от размышлений и систематизации, а если Теология оттеснена со своей части территории — сопряженные науки, а даже и науки посторонние относительно Теологии, должны ею завладеть. А такое вторжение оказывается узурпацией из-за данного обстоятельства потому, что эти посторонние науки обязательно выдвигают послышки, которые как бы истинны, и воплощают их, что делать не должны по причине недостаточной авторитетности и неспособности опираться на какие бы ни было науки более высокого порядка. Например, со стороны архивистики неправомерно заявлять, что «ничего, чего не встретилось в документах, быть не может», или если философская история станет заявлять о том, что «в иудаизме нет ничего отличного от прочих политических институтов», или если анатом будет заявлять, что «вне мозга нет души», а политический эконом — что «благополучные условия делают людей добродетельными». Все это формулировки — слова не науки, но частного суждения, а частное суждение как раз и заражает любую науку враждебностью к Теологии, враждебностью, совсем не присущей ни одной науке.

И если тогда, Джентльмены, я выступаю против такого способа действий как противного философии, то разве же должен я поступать иначе и не так, как поступает всякий ученый в случае, если решается судьба его науки? Ведь если они воспротивятся, что несомненно, всему святому, которым задана орбита Юпитеру в Пятикнижии, то за что меня упрекать в трусости или антилиберализме по той причине, что я нетерпим к их стараниям в ответ строить Теологию методами астрономии? И если экспериментатор

ры наверняка возвысят свои голоса, что я насадил томизм как философию в учениях астрономии и медицины, то мне-то почему нельзя, коль скоро наука о святом подвергается остракизму, а Лаплас, или Бюффон, или Гумбольдт восседают на своих кафедрах, почему мне не поднимать основательного протеста против их исключительности и не потребовать свободы для Теологии?

15

Уже достаточно сказано в доказательство первого пункта, который я утверждал, а именно — заявки на то, чтобы Теология была представлена среди кафедр Университета. Полагаю, что мне удалось продемонстрировать, что исключительность в действительности присуща не тем, кто данную претензию поддерживает, но тем, кто ее оспаривает. Я привел доводы в пользу этого, исходя, во-первых, из того что, если само призвание Университета — в преподавании всех наук, то на этом основании Теологию нельзя исключать, не изменив этому призванию. Затем мной сказано о взаимосвязанности всех наук, а поэтому тщательно учить всем им невозможно из-за влияния каждой на остальные, если не охвачены они все, а среди них и Теология. Далее, я настаивал на том, что значительное влияние, которое оказывается Теологией, должно осуществляться на широкий круг наук, поправляя и дополняя их, а значит, выступая как подлинная наука, занятая поиском истины, Теология не может быть выпущена из внимания без огромного ущерба, причиняемого тем самым преподаванию прочих наук. И наконец, я доказывал, что, если предположить, что не преподается Теология, предмет ее не просто останется неохваченным, но останется область, которая будет узурпирована другими науками, которые станут учить без должного основания своим собственным выводам в предмете, который требует своих, присущих ему принципов формирования и установок.

Абстрактные заявления всегда неубедительны, и они, как я заметил выше, могут быть проиллюстрированы намного пространней, чем отведено было временем, предоставленным для такой цели. Выражу надежду, что сказанного мной по предмету достаточно, чтобы навеять мысли, которые те, кто заинтересованы в этом, сами должны обнаружить у себя.

БЕСЕДА V

ЗНАНИЕ ЕСТЬ САМОЦЕЛЬ

Всякий Университет можно рассматривать либо в отношении его студентов, либо в отношении учения в нем. И принцип, гласящий, что все Знание есть целое, и отдельные науки суть части единого, который до сего момента мной применялся от лица учения, важен при применении его к самим студентам. Теперь, обращаясь к студентам, я должен рассмотреть образование, которое им дает Университет, а потому, Джентльмены, мне следует перейти ко второму вопросу, предложенному мной для обсуждения, а именно — несет ли с собой и в каком смысле преподавание в Университете, рассмотренное относительно обучаемых, — свойство полезности.

1

Мной говорилось, что все отрасли знания связаны воедино, потому что предметное содержание и знание само по себе тесно связаны, как это надлежит действиям и творениям Создателя. Поэтому науки, в форму которых наше знание облечено, приумножили взаимосвязи друг с другом и свое внутреннее сродство, они допускают и даже требуют сравнения и настройки. Они друг друга дополняют, уравнивают и поправляют. Учет этого, если хорошо обоснован, должен иметь место не только в связи с поиском Истины, что выступает их общей целью, но и в связи с воздействием, которое они оказывают на тех, чье образование состоит в их изучении. Я сказал уже, что неуместное внимание к одной из них есть несправедливость к любой иной, а пренебрежение или раздувание их должно подрывать их собственный же предмет. Это ведет к нарушению границы между науками, вреду их деятельности, уничтожению гармонии, которая их связывает. Такого рода действия при внедрении их в процесс образования приведут к такому же следствию. Науки нет, и появляется совсем иной предмет, едва лишь вместо рассмотрения ее как части целого переходят к тому смыслу, который заключает она в себе отдельно, без охранительного, как я это назову, влияния остальных.

Воспользуюсь иллюстрацией. В сочетании цветов весьма разные эффекты достигаются их подбором и парными противопоставлениями; красный, зеленый, а также белый существенно изменяют оттенки в соответствии с цветовым контрастом, которому они подвергаются. И аналогично этому направленность и смысл знания, преподаваемого учащемуся, изменяется в зависимости от того, в каком составе и окружении оно дается. Если учебник учащегося ограничен до единственного предмета, то это может благоприятствовать продвижению учащегося в чем-то одном, но придаст склонность к сужению сознания. Если же предмет объединен с другими материалами, то именно от предметного содержания этих иных материалов зависит оказываемое на него влияние. Так, например, классика, которая в Англии послужила средством совершенствования вкусов, во Франции оказалась инструментом распространения революционных и деистических доктрин. В метафизике, например, «Аналогия религии» Батлера, которая столько дала для обращения в католичество членов Оксфордского университета, выступила для Питтса и прочих, получивших иную подготовку, толчком к неверности и не более. Далее, епископ Лландафский, Уотсон, в автобиографии говорит о том, что наука математика уводит душу прочь от религиозной веры, а остальные же тем временем в занятиях ею усматривают лучшую из параллелей и тем самым доказательство христианским таинствам. Аналогично тому, я полагаю, и некоторые древние к логике относились иначе, чем Аристотель, а Аристотель не критиковал поэтов на манер Платона, но рассуждение и поэзия подчиняются научным правилам.

Великим делом выступает расширение многообразия наук, которые Университет преподает студентам, что важно для пользы студентов, и, хотя они не могут увлечься каждым из доступных им предметов, само пребывание среди них и в такой среде, которая их содержит, дает студентам преимущества. Это я считаю преимуществом единства места, рассматриваемого как место образования, пребывания всеобщего знания. Это — собрание ученых, ревностно увлеченных своей наукой, которые соперничают, вынужденные по причине близкого общения и во имя интеллектуального мира приспособляться в требованиях и связях своих предметов исследования. Они учатся уважать, советоваться и оказывать друг другу помощь. Так возникает чистая и ясная атмосфера мышления, которой также дышат и студенты, хотя каждый из них в данный момент занят только немногими науками из множества их. Студент черпает из интеллектуальной традиции, независимой от конкретных преподавателей, ведущей его в выборе предметов, а также поз-

воляющей правильно понять те, которые им выбираются. Он схватывает общие очертания знания, принципы, на которых оно строится, масштабы его частей, его света и тени, сильные моменты и незаметные, что невозможно понимать иными путями. Поэтому так оказывается, что его образование называется «либеральное». Приобретается способность души, которая остается на всю жизнь, чертами которой оказываются свобода, справедливость, спокойствие, умеренность и мудрость; или то, что в прошлой Беседе я осмелился назвать философской привычкой. Это то, что я назвал бы особым плодом образования, воспитываемым Университетом, в противоположность другим местам преподавания и способам обучения. Это главное назначение Университета состоит в том, какими он воспитывает студентов.

И теперь вопрос: какая от этого *польза*? Ответ мой на этот вопрос составит основной предмет Бесед.

2

Осторожные и практичные мыслители, я предвижу, спросят меня о том, что выгодного в той философии, от которой я столького жду. Даже предположив, что она позволит нам вооружиться определенной степенью доверия, к каждой науке соответственно, а также получить точную оценку всякой истины, где бы она ни отыскалась соответственно, в чем именно мы оказываемся в выигрыше от этого высшего мировоззрения, которое мной защищалось и отстаивалось? Не идет ли это против принципа разделения труда и специализации? Окажутся ли практические предметы совершеннее или хуже? К чему ведет это? В чем цель этого? Что от этого происходит? Каким образом это выгодно? Что надо ждать от этого? Частные науки служат основанием соответствующих видов искусств, которыми развиваются истины с получением осязаемых и благотворных результатов, что служит предметом достигнутого в знаниях; в чем прикладная сторона данной науки наук? Каков плод такой философии? Что нами предлагается для выполнения, и какие стимулы мы предлагаем, чтобы привлечь католическую общину, если мы решили предпринять основание Университета?

Меня спрашивают: а в чем же цель Университетского Образования и либерального или философского знания, которое я мыслю преподавать; ответ будет таким: уже высказанное достаточно для демонстрации, что в этом имеется очень осязаемая, реальная и достаточная цель, хотя цель не может быть отделена от этого знания.

Знание способно быть самоцелью. Таково построение души человека, что всякого вида знание, если оно таким является, выступает и наградой. Если сказанное истинно для всего знания, то это верно и для той особой философии, которую я сформировал как всеобъемлющее воззрение на истину во всех ее областях, на связи одной науки с другими, на общее их значение, на относительную ценность их. В чем же именно ценность такого приобретения, если ее сравнивать с другими предметами наших интересов, то есть богатство это или власть, почет, покой и благополучие жизни, — я не берусь об этом говорить что-либо; но я буду стоять на том и намереваюсь даже показать, что дело это есть предмет с собственным содержанием и столь безусловное благо, что это выступает компенсацией за огромный объем поисков в нем и за огромные издержки при получении каких бы то ни было результатов.

А теперь, когда я утверждаю о том, что знание есть не просто средство достижения чего-то вне его и не предварительная стадия некоего ремесла, в которое оно естественно переходит, но есть самодостаточная цель, чтобы ею ограничиться и ее преследовать ради нее самой, я ни в коем случае не сочиняю парадоксов, так как утверждаю и нечто само по себе понятное и нечто утверждавшееся философами вообще, интуитивно очевидное каждому. Я утверждаю то, что по крайней мере общественное мнение нашего времени не станет сходу отвергать, что в последние годы очень много говорилось, в полную противоположность Религии, про знания развлекающие, интересные и увлекательные. Я всего лишь утверждаю, что написаны целые тома, чтобы проиллюстрировать это, а именно то, что «широкая подборка свидетельств из философии, литературы, а также искусства всех времен и народов дает много примеров тому, как при самых неблагоприятных условиях оказалось невозможным сокрушить горячее желание к усвоению знаний»¹. Невозможно отрицать того, что знания дают человеку преимущество и приносят нечто гораздо большее, чем первичный смысл полученного знания; удовлетворяется прирожденная наша потребность в усвоении знаний; а поскольку, в отличие от низших видов, сущность человека становится совершенной не сразу, достижение этого совершенства зависит от ряда внешних условий и приспособлений, среди которых знание — важнейшее, оно выступает ценностью по причине самого его действия на нас как формы умений и навыков, даже когда оно активно и непосредственно не проявляется в конкретной задаче деятельности.

¹ Pursuit of Knowledge under Difficulties. Inrod.

3

Потому сам Цицерон, когда приводил наименования основных сторон душевного опыта, ставил поиск знания как самостоятельную ценность, как первую среди них. «Это присуще самой природе человека, — говорил он, — потому что всех нас влечет поиск знания, в котором нам важно достижение превосходства, а злом и также бесчестьем оказывается ошибка, заблуждение, невежество либо незнание». Знание он рассматривает первейшим предметом, привлекающим нас, после простых телесных потребностей. Вслед за влечениями и нуждами животного нашего существования, как можно это назвать, в отношении себя самих, наших семей и соседей наших идет, говорит он нам, «поиск истины. Соответственно, как только удается избавиться от гнета насущных нужд, немедленно появляется желание видеть, слышать и учиться, а знание того, что скрыто или является чудесным, слугит условием счастья».

Данный абзац, взятый мной по причине его частой повторяемости у множества авторов, знаком, и хочется, чтобы вы, Дженльмены, заметили, как отделены в нем поиски знания от тех тончайших предметов, работе над которыми оно способно содействовать, и о которых размышляют люди, интересующиеся назначением Университетского или либерального образования. Не мечтающий непосредственно заниматься процессом образования, думающий об этом главным образом в свете телесного нашего удобства и наслаждения, во имя жизни и личности, здоровья, брачных и семейных уз, общественной связи и гражданской безопасности, великий оратор считает, что именно после удовлетворения наших физических и политических потребностей, когда мы «избавлены от гнета насущных нужд и забот», только тогда у нас свободно появляются «желания видеть, слышать и учиться». Он не затрагивает и в малейшей степени рефлекса или последующего воздействия полученного знания на те материальные блага, ради обеспечения которых нами усваиваются знания; он, наоборот, категорически отрицает всякое влияние знания на общественную жизнь вообще, что странно для всех, живущих после восхождения философии Бэкона, а также он предостерегает нас от подобного возделывания знания, так как этим могут оказаться подорванными наши обязанности в отношении к братьям нашим. «Все эти методы, — говорит он, — занимаются исследованием истины; всякий отрыв от общественной работы на пути поиска ее оказыва-

ется нарушением долга. Ибо хвала добродетели лежит в действии, но часто встречаются перерывы, после которых снова происходит возвращение к поиску, не говоря уж о том, что непрерывная работа души идет достаточно живо, чтобы продолжаться далее в поисках знания даже без всякого принуждения над собой». Сама мысль о благе общества посредством «следования науке и знанию» вообще не входила в мотивы, которые им приписывались для возделывания их.

Такова была основа сопротивления со стороны Катона Старшего насаждению греческой философии среди римлян в период, когда она представлялась новой и перспективной для немалой части римлян. Достойный представитель практичного народа, Катон высоко ценил все, что она с собой приносила, а поиск знания ничего, кроме самого знания, не обещал. Он презирал то утончение и развитие души, которых сам не переживал.

4

Сущности, которые можно отрезать и которые затем отдельно все-таки живут, должны нести в себе начало жизни; поиски, которые выливаются в ничто, но все равно вечно сохраняют свои позиции, которые рассматриваются как достойные восхищения, несмотря на то, что не доказали своей полезности, должны иметь в себе достаточную самоцель, какова бы она ни была. К тому же самому заключению нас приводит учет силы эпитета, которым рассматриваемое знание широко обозначается. Общепринято говорить о «свободном знании», о «свободных искусствах и науках», а также о «свободном образовании» как об особенной черте Университета или Джентльмена. Что же действительно означает это слово? Прежде всего, в грамматическом своем значении оно противоположно слову «рабский», а под «рабским трудом», как учат наши катехизисы, следует понимать физическую работу, механическую эксплуатацию и тому подобное, в чем душа принимает мало участия, и даже никакого. Подобными таким рабским работам являются те ремесла, если они достойны такого наименования, о которых говорил один поэт¹, которые обязаны своим происхождением и приемами методу проб и ошибок, а не умению, как, например, методы и операции у эмпирика. Из данного противополо-

¹ Τέχνη τύχην ἕστερζε καὶ τύχη τέχνην (см.: Аристотель. Никомахова этика, vi). — Примеч. ред.

жения можно почерпнуть некоторое руководство к общему пониманию смысла слова «либеральный», то есть — либеральное образование и либеральные устремления являются упражнением души, рассудка, мысли.

Но для объяснения этого требуется больше примеров. Так, некоторые физические упражнения являются либеральными, а умственные занятия таковыми не являются. Например, в древние времена врачи-практики обычно были рабами, но в то же время по своей сути их деятельность не была умственной, а несмотря на все претензии, — шарлатанством, обманом, из-за чего она тогда и во все времена могла презираться, в сущности оставаясь возвышенной по цели. И так же люди противопоставляют либеральное образование коммерческому или профессиональному, но никак нельзя отрицать, что коммерция и профессии придают самые разнообразные высшие силы душе. Существует огромное многообразие интеллектуальных упражнений, технически именуемые либеральными, а с другой стороны, бывают упражнения тела, которые получают такое же наименование. Такова была палестра, например, в древние времена, таковы Олимпийские игры, в которых вознаграждались сила и ловкость тела и духа. У Ксенофонта можно прочесть об обучении езде верхом и правдивости; у знатных древних персов и то и другое выступало мерилем достижения благородства. Так же и военное дело при всей грубости профессии всегда числилось либеральным занятием, кроме тех случаев, когда вело к героическому, что составляет для нас уже иной предмет.

Теперь же, обобщая эти примеры, нетрудно установить общий закон этого очевидного изменения в применении данного термина, который мы исследуем. Игры мужественные, или игры умения, или же военные искусства, хотя и телесны, являются, как очевидно, и либеральными, а с другой стороны, все просто профессиональное, хотя и очень интеллектуальное, пусть оно и либеральное в сравнении с ремесленной или неквалифицированной работой, не получает названия просто либерального, а торговые занятия не являются либеральными вовсе. Из-за чего эти различия? Потому ли что либерально только лишь то знание, которое выступает таким само по себе, не взирает на последствия, не ждет себе похвалы, отказывается от предписанности, заданности какой-либо целью или же от замкнутости в другое ремесло, чтобы должным образом предстать для нашего осмысления. Самые будничные увлечения имеют такое свойство, если они автономны и

завершены, высшие же это утрачивают, если служат чему-то вне собственных пределов. Конечно, абсурдно пробовать взвесить по ценности и значению трактат о снижении количества переломов при игре в крикет и при охоте на лис, но все же в обоих есть телесное упражнение, которое называется либеральным, а умственное отсутствует. И также во всех ученых занятиях, рассматриваемых как профессии, хотя одна всенародно признана как благотворная, другая — как политически значимая, третья — как духовно возвышенная область дерзаний человека, тем не менее величие их целей — здоровье организма, благополучие и духовное благо — понижается, не возрастает от их претензий на либеральность, и даже более того, — если деятельность строго ограничена требованиями своей цели. Если, например, Теология вместо того, чтобы рассматриваться как отвлеченная профессия, низводится к целям только выступления или же знания катехизиса, то она немедленно утрачивает не свою полезность, не свой духовный характер, не свою достоинность (даже выигрывает от этих названий благодаря таким благотворительным нисхождениям), однако она утрачивает тот особенный атрибут, который я стараюсь проиллюстрировать, подобно тому, как лицо утрачивает красоту из-за слез и поста, либо как рука теряет в красоте строения из-за труда, — ибо Теология, осуществляемая таким путем, — не просто знание, а есть скорее искусство или дело, которое Теологию практически использует. Поэтому получается, что и то, что является сверхъестественным, не обязательно оказывается либеральным по простой причине, а именно — одна идея другой не тождественна. И точно таким же образом бэконовская философия, где физическая наука поставлена на службу человеку, тем самым переводит ее с уровня либерального искания истины. Всякий раз, когда мотивом выступает личная выгода, это оставляет весьма значительный след на всем облике данного занятия; так, скачки, которые были либеральным занятием в Древней Греции, в наше время утратили это положение, поскольку превратились в повод денежных игр.

Все сказанное мной подытоживается в словах великого философа. «Из всех профессий, — говорит он, — особо полезны те, которые приносят плоды, а *либеральными служат те, которые способствуют наслаждению*. Плодотворными же я называю приносящие выгоду; доставляющими наслаждение же — те, *которые ничего не прибавляют за рамками своего применения*»¹.

¹ Аристотель, Риторика, i, 5.

5

Я не считаю, что, обращаясь таким способом к древним, я отбрасываю мир на две тысячи лет вспять и заковываю философию в цепи языческого образа мышления. Пока существует мир, сохраняется доктрина Аристотеля как пророка природы и истины. Поскольку мы — люди, нам невозможно не быть последователями Аристотеля в весьма значительных масштабах, так как великий мастер прежде всего подверг анализу мысли, ощущения, воззрения и мнения человечества. Он поведал нам смысл наших же слов и мнений еще до нашего рождения. Во многих предметах правильное мышление равносильно мышлению по Аристотелю, а все мы — его ученики, вне зависимости от наших желаний или даже того не ведая. В данном случае слово «либеральный» применительно к знанию выражает особую идею, которая всегда была и вечно будет по причине неизменности сути человека в одном ряду со специфической идеей прекрасного (так же — возвышенного, комического, трагического). Так в мире обстоит в наше время, и так было в прошлом, как это имеет место в догматах веры, что иллюстрируется непрерывной исторической традицией, и никогда в мире не было иначе со времен, когда однажды так сложилось. По поводу этой идеи часто бывали разногласия в том, какие именно искания и какие ремесла скрыты в ней, но разногласия эти лишь доказывают ее реальность. В идее этой имеется то содержание, которое в этой полемике никогда не утрачивалось, но всегда выступало мерилom вещей, которые передавались от одного человека другому без изменений, если существовал сильный колорит, огромное влияние, которых не было в сути самих людей. Будь то простое обобщение, оно бы поменялось с предметом такого обобщения, но несмотря на то, что предметы его со временем меняются, само оно не изменяется. Так, палестра может являться либеральным делом для Сенеки, но не для Ликурга, в Элии гонки экипажей либо кулачные бои могут признаваться, а в Англии осуждаться, музыка есть презираемое занятие в глазах некоторых современников, а в глазах Платона или Аристотеля занимает самое высокое положение (и так же дело обстоит в случае практического приложения идеи прекрасного или добродетели, моральных достоинств и т. п., по поводу которых вкусы различны и мнения тоже), — и все же эти различия означают, а не дискредитируют архетипическую концепцию, которая состоит в некоторой пред-

шествующей гипотезе, сутью которой проблема объединена внешним соперничеством мнений, и без которого и рассуждать не о чем.

Я не занимаюсь парадоксами, когда говорю о знании, которое выступает самоцелью, когда называю его либеральным знанием или знанием личности благородной, когда действую как преподаватель, когда делаю его предметом в Университете. И еще менее я достоин такого обвинения, когда считаю, что усвоение знания состоит не в получении знания в обычном и нечетком смысле, но в приобретении того знания, которое я именую философией или, в расширенном понимании, научным знанием; что если в знании содержится добродетельность, то именно в знании нерасплывчатом, непопулярном, но рассматриваемом в свете и в прямой связи с философией. Знание оказывается, на мой взгляд, особенно либеральным или самодостаточным вне зависимости от всякого внешнего скрытого предмета, если и поскольку оно философское; далее я раскрою это.

6

Теперь, Джентльмены, смиритесь с тем, что высказанное мной относится к области фантастики, что связь философии и науки со знанием выглядит следующим образом: знание получает наименование науки или философии, если его преобразуют, подчиняют строгой цели, или заключают в формы рассудочной деятельности, рассудка. Рассудок есть внутренний принцип плодотворности знания, такое знание и есть та особая ценность для обладающих им, которая избавляет от необходимости искать какую-то цель вовне ради опоры для деятельности. Знание, следовательно, если облечено в научную форму, является также силой; не только оно само по себе есть нечто высшее, но, каково бы ни было данное превосходство его, оно служит чем-то более значительным, содержащим последствия вне своей узкой сферы. Это несомненно, но я не ставлю своей целью углубленное рассмотрение этого. Я лишь утверждаю, что прежде, чем стать силой, оно добродетельно, то есть оно не только средство, но еще и цель. Понятно, что оно может привести к тому или иному ремеслу либо завершиться появлением какого-то механического процесса, но оно также может обратиться к рассудку, который служит источником сведений и сам имеет следствием философию. В первом случае это называется утилитарное знание, а во втором — либеральное. Один и тот же

человек способен заниматься одновременно тем и другим, но это не важно для обсуждаемого предмета; применение знания двойко, и те, кто пользуется им одним способом, другим способом пользоваться не может, либо может это делать в ограниченных пределах. Поэтому просматриваются два метода образования, цель одного из них философская, а другого — механическая, один возвышается до общих концепций, другой исчерпан тем, что является частным и поверхностным. Не подумайте, будто я отрицаю необходимость или принижая благотворность всего частного и практического, относящегося к полезным и механическим ремеслам, ведь жить без них невозможно, именно они приносят нам повседневное благо, а занятие ими есть долг очень и очень многих людей, и мы обязаны этому множеству людей за исполнение этого долга. Я лишь утверждаю, что в той мере, в какой знание становится все более и более частным, утрачивается его свойство быть знанием. Является вопросом, возможно ли из первичного творчества выделить в собственном смысле знание, если последнее лишено цивилизованной словесной формы; ответ на этот вопрос предрешен, даже неуместен, потому, по моему мнению, пассивное чувствование или пассивное восприятие мира, которыми обладают дикари, знанием не является. Когда я утверждаю нечто о знании, то имею в виду нечто интеллектуальное, что более схвачено в сущности, чем воспринято чувствами; это есть нечто, дающее видение предметов и выходящее за рамки непосредственных ощущений; это то, что мысль соединяет с непосредственным видением, а в процессе самого восприятия во все вкладывает понятие. Себя это выражает не формулировками, но энтимемически: это первейшая суть науки, и в этом ее достоинство. Данный принцип реального достоинства в знании, его ценность и значение, его желанность, рассматриваемые вне зависимости от результатов, — это и есть тот фермент, который составляет суть научного и философского процессов. Тем самым ясно, в каком смысле знание оказывается самоцелью, а также — почему оно дает повод именовать его либеральным. Не ведать ничего относительно взаимного положения вещей есть состояние рабов либо детей, а создание схемы мироздания есть доблесть либо по меньшей мере претензия философии.

Такое знание не является лишь внешним либо случайным преимуществом, которое сегодня у одного, а завтра у другого человека, которое получено из книги и может стать забытым, которым распоряжаются, его передают как вздумают, по случаю

берут взаймы, хранят под рукой и относят на базар; это — навык, личное достояние и внутренний дар. В этом лежит причина, по которой более точно, да и более обычно, говорить об Университете как о месте образования, а не всего лишь обучения, хотя, что касается знания, именно обучение является, на первый взгляд, более подходящим словом. Обучают ручному труду, например, в области изящных и полезных искусств, ремеслам, способам ведения дела; поскольку все эти приемы, которые не имеют или почти не имеют связи с душой, но задаются заучиваемыми правилами, воспроизведением традиции и практическим упражнением, чтобы в конечном итоге обслуживать только цель, выступающую внешней по отношению к ним. Образование же (и воспитание) — более возвышенное слово, означает некоторое воздействие на наше духовное состояние, на формирование индивидуальности, нечто индивидуальное и постоянное, о чем обыкновенно говорится в связи с религией и добродетелью. Если мы ведем речь, следовательно, о знании как об образовании, мы тем самым подразумеваем, что такое знание есть состояние или особенность психики, а коль скоро культура психики достойна поиска ради нее самой, это не может не привести к заключению о том, что слова «либеральный» и «философия» предполагают именно это: существует знание, которое является желанным вне того, дает оно что-нибудь непосредственно или нет, ибо такое знание само является сокровищем и достаточным вознаграждением за годы трудов.

7

Это ответ на вопрос, с которого начиналась данная Беседа. Прежде, чем продолжить разговор о предмете, которым интересуется Церковь, занимаясь философией, а также о его применениях, я подтверждаю, что философия есть цель в себе самой, и как я понимаю, я приступил уже к доказательству этого. Я полностью готов отстаивать существование такого знания, обладать которым стоит за то, что оно есть, а не за то, что оно производит, и оставшееся мне сегодня время я посвящу устранению известной доли неясности и путаницы, которыми данный предмет оказывается окруженным в душах многих из нас.

Мне могут возразить, что, если мы занимаемся знанием вне его связи с той или иной целью, какой бы она ни была, то сказан-

ное нами понятно, но что бы ни говорили, как бы упрямо не удерживалась веками та или иная концепция, все же оказывается совершенно бессмысленным утверждать, что мы стремимся к знанию ради него самого и ничего более, ибо если оно приведет когда-нибудь к чему-то за рамками своей сферы, то это оказывается его целью, а также причиной, по которой оно желательно; более того, и цель эта двойка — либо она принадлежит этому миру, либо другому, а потому знание создается либо ради мирских предметов, либо ради вечных; если оно обращено к секулярным предметам, то именуется полезным знанием, если же к вечным — то религиозным или христианским знанием; в итоге получается, как я предположил, что, если данное либеральное знание не благоприятствует организму либо собственности, то оно должно быть благодетельным для души, но если же случилось так, что в реальности оно не физическое благо, не благо мирское, с одной стороны, а с другой стороны, не является благом нравственным, то оно не выступает благом вообще и не стоит трудов, которые требуются для его усвоения.

Тут мне могут напомнить, что исповедующие в каждом веке либеральное и философское знание сами признали данную постановку проблемы и подняли тот вопрос, которым она оборачивается, потому что они всегда старались добиться добродетельности от людей, или как минимум признавали, что совершенствование разума есть добродетель, а лично они олицетворяли добродетельную часть человечества. Так, с одной стороны, они проповедовали, а с другой — крайне ошибались в своих убеждениях, так что вследствие всего этого даже стали предметом молвы среди общественности и посмешищем как для серьезной, так и для недалекой части человечества. Тем самым они установили и основание, и средства для собственного изобличения, даже не обременив изобличением никого больше. Кратко говоря, со времен, когда Афины служили всемирным Университетом, чему философия научила людей, кроме обещаний без последствий и дерзаний без достижений? В чем еще, кроме красноречивых слов, выразилась мысль ее последователей? Так что же вообще заключалось в ее учениях, даже в самых дерзновенных из ее предложений по исцелению человечества, кроме очаровательной дремоты, навеянной ее уроками, если ничего иного от нее не ощущалось, как от мелодичных звучаний, либо было похоже на сильные и далеко разносящиеся духи, которые при первом знакомстве всему придают неотрази-

мость, но вскорости отвратительны в той мере, в какой чаровали вначале. Что помогла поддержать философия Цицерона под давлением нерасположения переменчивой толпы граждан, или она дала силу Сенеке в противостоянии тирану-империалисту? Она покинула Брута одного, когда тот виновато признался в своем главном требовании, она принудила Катона (как ни странно, этим хвастается его панегирист) к ложной позиции богоборца. Как мало насчитывается среди носителей ее тех, кто, подобно Полемону, нашел в себе силы, чтобы переродиться и пойти по пути добродетели, или, подобно Анаксагору, решил, что мир стоит променять за ее исповедование? Философ из Расселаса, учивший сверхчеловеческой доктрине, сдавался и уступал без сопротивления испытанию человеческой любовью. Вот как описан этот переход автором.

«Он выступал с огромной энергией, уделяя внимание управлению страстями, действия его были благородны, произношение чистым, а дикция красивой. Он демонстрировал, делая это с огромным чувством и с многочисленными иллюстрациями, что сущность человека падшая и низкая, если низшие свойства властвуют над высшими. Он доводил до всех, делая это время от времени, различные предписания, как усмирять и побеждать страсти, и показывал счастливый удел тех, кто одержал убедительную победу, после которой человек больше не раб страха и не глупец, обманывающийся надеждой... Он приводил бесчисленные примеры героев, которых не поколебало ни страдание, ни удовольствие, которые бесстрастно рассматривали состояния или переживания, называемые обычными людьми добром или злом».

В считанные дни Расселас обнаружил своего философа в полутемном помещении с затуманенным взором и бледностью на лице. «Сэр, — услышал он, — вы пришли в то время, когда дружба человеческая бесполезна, страдание мое не может быть исцелено, утрата моя не может быть восполненной. Моя дочь, единственная дочь, от нежности которой я надеялся получить утешение всей оставшейся жизни, вчера скончалась от лихорадки». «Сэр, — сказал принц, — смертность есть событие, которое никогда не удивляет умного человека, каждому известно, что смерть всегда рядом, а потому ее всегда надо ждать». «Молодой человек, — отвечал философ, — вы разговариваете подобно тому, кто не переживал мук утраты». «Разве вы не забыли предписание, — произнес Расселас, — которое вы же так сильно навязывали?.. Рассматривай все внешние сущности природно-изменчивыми, но истину,

разум всегда одинаковыми». «Какое утешение, — сказал горящий, — смогут истина и разум оказать мне? Какая от них теперь польза, кроме утверждения, что никогда больше мне не вернуть мою дочь?»

8

Намного лучше, скажете вы, вообще ни во что не верить, а всегда обманывать окружающих, чтобы казаться им не такими, какие мы на самом деле, а также эпатировать их проявлением себя такими, как мы есть на самом деле. Сенсуалист или светский человек, по крайней мере, не жертва красивых слов, но придерживается реальности и ее завоевывает. Утилитарная философия проделала свой труд, я отдаю ей должное, она при этом невысоко метила, но цели достигла. Если тот ученый муж, который стал ее Пророком, в состоянии изменить собственным воззрениям, то, согласно своей философии, он и не должен был быть верным другом или непоколебимым в вере. Нравственная добродетель не являлась той линией, которой он должен был следовать, исповедуя свое учение, а при этом, как назвал его поэт, пусть он и «низший» из всего человечества, он лишь частное лицо, а ущербности от этого его теория не понесла. Он имел право быть таким, если он так пожелал, несмотря на возражения со стороны любого кумира — из хлева или театра. Миссия его состояла в наращивании физической радости и социального удобства¹, а самое удивительное, что он, к ужасу всех, весьма успешно реализовал свой замысел и свою концепцию. Практически каждый день перед нами возникают наши новые побеги и почки, а также цветы, которым предстоит созреть и стать плодами на том волшебном древе знания, которое посажено им, которому всякий из нас, кроме, наверно, самых обездоленных, только лишь обязан, если не жизнью, то, по меньшей мере, хлебом насущным, здоровьем своим, общим благополучием. Он определенно являлся фигурой, воплощающей переходящие блага, для всех нас столь великой, что всегда, мысля о нем как о человеке, я не набираюсь духа, просто из благодарности, говорить о нем сурово. И, невзирая на тенденции его философии (они заметны в наше время), которые состоят в умалении и принижении Теологии, сам он в трудах своих словно из пророческих

¹ Будет в целом показано, что я поддерживаю лорда Маколея с его сочинением о философии Бэкона. Не известно, согласен был бы он со мной.

опасений подобных тенденций настоял на том, что это скорее инструмент благодетельного Отца, который¹, придя на землю в зримой форме, принял на себя первейшую и самую важную обязанность утolenия телесных страданий рода человеческого. И в самом деле, подобно древнему лекарю, «он принялся прилежно за труды свои, напевая с бодрым лицом набожную песню», а затем в должное время, «он с песнями отправился в поля так весело, что всякий, кто видел издали, вполне мог подумать, что это юноша собирает букет своей возлюбленной, а вовсе не старый врач, делающий сбор целебных растений по утренней росе»².

Увы, в ходе жизни мужи в самой сердцевине и глубине всегда не такие, какими являются в момент своего подъема либо опьяненности гением — такими добродетельными, благородными и кроткими! Увы, но по-своему и Бэкон тоже должен в конечном итоге оказаться лишь таким же, как те из языческих философов, которые в своих недостатках имели некоторое оправдание непосредственности, и которые нас поражают не тем, что они говорили, а тем, чего не делали! И еще раз, увы, потому что и его, как Сократа или Сенеку, надо вызволить из одеяний святого дня, которые так прекрасны, но становятся лишь издевательством на фоне величественной тяжеловесности его фразеологии, и при всех его огромных способностях и малости нравственного его же существа это оказывается лишь типичным воплощением интеллектуальной узости его школы! При этом, понимая все, его философией

¹ De Augment., iv. 2. См. «Опыт» Маколея; см. также «In principio operis ad Deum Patrem, Deum Verbum, Deum Spiritum, preces fudimus humillimas et ardentissimas, ut humani generis rumnarum memores, et peregrinationis istius vit, in qua dies paucos et malos terimus, *novis suis eleemosynis, per manus nostras, familiam humanam dotare dignentur. Atque illud insuper supplices rogamus, ne humana divinis officiant; neve ex reseratione viarum sensus, et accensione majore luminis naturalis, aliquid incredulitatis et noctis, animis nostris erga divina mysteria oboriatur*», etc. (В начале труда мы произнесли самые смиренные и самые горячие молитвы к Богу-Отцу, Богу-Слову, Богу-Духу, чтобы, помня страдания рода человеческого и странствия этой жизни, в которой мы растрачиваем немногие и ничтожные дни, *благоволили одарить род человеческий своими новыми милостями* посредством наших рук. И сверх того, молитвенно просим, чтобы *человеческое не препятствовало божественному*; и чтобы *из открытия чувственных методов* и большего разжигания света естественного не возникло для наших душ по отношению к божественной тайне *некоторое неверие* и слепота [пер. с лат. И. А. Сынковой].) Pr. f. Instaur. Magn.

² Фуке. «Неизвестный пациент».

не был героизм: невозможно отрицать, что он многого достиг из того, что выдвигал. Он попросту и есть сам метод, которым органические неудобства и преходящие потребности наиболее удалены; но едва появляются признаки изнурения, то дары природы в самых искусных формах их, в огромном обилии и многообразии, со всех уголков земли с помощью метода же, чего отрицать невозможно, доставляются непосредственно к нашим дверям, и мы со всем этим торжествуем.

9

Я признаю, что полезное знание сделало свое дело, а либеральное знание — вне сомнений — нет; предположим, что его прямой целью, как полагают противники его, выступает задача сделать человека совершенней, но этого я допустить ни на минуту не могу, а если я не могу допустить этого, то и противники эти оказались не в состоянии указать на иные его цели. Я допускаю, даже настаиваю, что они старались выразить главное, так как я рассматриваю знание как самоцель. При всех сторонниках его и врагах все же можно сказать, а я на этом настаиваю, что существует огромная ошибка, когда знание связывают с добродетелью или религией наподобие механических искусств. Его непосредственным делом является ожесточение души против искушения и ее успокоение при горе не более, чем приведение в движение ткацкого станка или управление паровозом; да и будь оно в столь большой мере средством либо условием материального и нравственного прогресса, все равно оно столь же мало успокаивает наши души, как и улучшает наши преходящие обстоятельства. И коль воспеватели восхваляют в нем его влияние подобно масштаба, они совершают точно такое же вторжение в чужую для них область, как политический эконом, который упорствует в том, что наука его дала ему знание в казуистике или в дипломатии. Знание — это одно, а добродетель — это другое; здравый смысл еще не есть сознание, утонченность не то же, что смирение, а широта и справедливость взглядов не есть вера. Философия, самая просвещенная, самая глубокая, не дает власти над страстью, не создает влиятельных мотивов, животворных принципов. Либеральное образование формирует не христианина, не католика, но Джентльмена. Хорошо быть Джентльменом, хорошо обладать развитым интеллектом, а также — тонким вкусом, прямоотой, бес-

пристрастностью духа, возвышенностью и обходительностью в образе жизни — это все закономерные качественные особенности обширного знания; они выступают предметами Университета, который я отстаиваю, и я должен на них настаивать и иллюстрировать их; но все же, повторюсь, они не выступают гарантией святости или даже совестливости, они в состоянии оказаться у личности мирской, распущенной, бессердечной, но — увы — приятной и привлекательной, когда все это имеется. Они кажутся такими, какими не являются, представляются добродетелью, но на расстоянии, а не вблизи и не после продолжительного наблюдения; а потому и нередко их винят в притворности содержания и в лицемерности, не из-за, повторяю, их собственной ущербности, а из-за того, что увлекающиеся ими и исповедующие их упорствуют, принимая их за то, чем они не являются, а также слишком навязчиво за них выступают в том, чего они никогда не подтверждают. Если человек решается добывать гранитный камень бритвой или чалить судно шелковой ниткой, то тогда с тем же успехом можно рассчитывать, что такие точные и тонкие инструменты, как человеческое знание и человеческий разум, в состоянии соперничать в борьбе с такими гигантами, как страсть или гордыня человека.

К теориям такого типа нас приводят не старания принизить ценность и достоинство либерального знания. Несомненно, что подлинные основы, на которых оно стоит со своей направленностью, не настолько хрупкие и шаткие, странные и неправдоподобные. Весьма уместно здесь сказать, и я говорю это, что Либеральное Образование, рассматриваемое само по себе, есть просто возделывание интеллекта как такового, и предметом его выступает не больше и не меньше, чем просто интеллектуальное превосходство. Все на свете на шкале вещей имеет свою степень совершенства, более или менее высокую, но совершенство чего-то одного не есть совершенство и другого. Одушевленные, неодушевленные, видимые и невидимые вещи — каждая из них в своем роде хороша, и среди них есть *наилучшая*, которая и является предметом вожделения. Почему так много внимания человек уделяет собственному саду? Человек присматривает за дорожками, дерном и кустами, за деревьями и проездами не потому, что намеревается сделать сад здесь, пастбище там и тут кукурузное поле, но потому, что есть особенная прелесть во всем красивом в роще, воде, равнине и склоне, когда они сошлись вместе в один образ благодаря искусству и стали единым целым. Города людей прекрасны,

их дворцы, общественные здания, особняки, церкви, и красота их за пределами самой себя никуда не приводит. Есть красота физическая, и есть нравственная: есть красота облика человека, и есть красота его нравственного существа, которая выступает природной добродетелью; и аналогично тому существует красота как совершенство интеллекта. В этих различных предметных областях существуют идеалы совершенства, с которыми сравнивают возникающие у человека индивидуальные особенности. Греческие божества и полубоги, как их воспроизводят нам статуи, самой симметрией фигуры, высоким лбом и правильными чертами служат совершенством телесной красоты. Герои, о которых повествует история — Александр, Цезарь, Сципион и Саладин — отражают великодушие или самообладание, которые служат величию человеческой природы. Христианство тоже обладает своими героями, их мы именуем святыми, воздавая должное духовности. Художнику главное красота черт или формы, поэту — красота ума, проповеднику — красота милосердия, интеллект тоже обладает своей красотой, и она есть у тех, кто направлен к ней. Открыть душу, внести исправления, усовершенствовать, придать способность к знанию, усвоить, овладеть, управлять и применять знание, придать ему власть над собственными способностями, прилежание, гибкость, метод, критическая точность, цепкость, неистощимость, направленность, красноречие в выражении — это такой же понятный предмет (ибо здесь я обращаюсь не к тому, что составляет значение предмета либерального образования, не к тому, как Церковь пользуется этим, но к тому, что оно само собой представляет), как воспитание тех или иных личностных добродетельных качеств, но которые обладают очень отчетливым своеобразием содержания.

10

Реально, конечно, это предмет временный, достояние преходящее, но точно такими же выступают и другие вещи, которые мы ставим целью и которым придаем значение, стремясь их достичь. Моралист скажет, что человек, во всех его функциях, есть лишь цветок, который расцветает и увядает и оказывает влияние чем-то еще только в той мере, в какой высокие принципы одухотворяют человека и придают ему и его сущности бессмертие. Тело и душа переносятся в вечное бытие, как оно даровано Божествен-

ным Блаженством, но поначалу они терпят крушение в гниющем мире; и если силы интеллекта деградируют, силы телесные переживают упадок еще ранее, и, как в больнице или в доме призрения, хотя цель его может являться эфемерной, интеллект может оказаться освященным самим служением религии, вот так и Университет, даже если он не представляет собой ничего большего, кроме описанного мной до сих пор. Рая мы добиваемся путем правильного поведения в этом мире, хотя он и является преходящим; мы совершенствуем нашу собственную природу не переделкой ее наоборот и в обратную сторону, но посредством добавления к ней того, что ее превосходит, и путем направления ее на цели, которые стоят выше ее собственных.

БЕСЕДА VI

ЗНАНИЕ, РАССМОТРЕННОЕ В СВЯЗИ С НАУЧЕНИЕМ

1

Было бы хорошо, чтобы английский язык, подобно греческому, содержал какое-то определенное слово, ясно и доступно выражающее интеллектуальное мастерство или совершенство, как слово *здоровье* выражает такой смысл в связи с нашей животной оболочкой, а слово *добродетель* — в связи с нравственной сущностью. Мне не удастся найти такое слово — *талант*, *способность*, *гений* явно относятся к исходному материалу, который оказывается самим предметом, а не к тому совершенству, которое выступает следствием упражнений и подготовки.

При обращении к различным видам интеллектуальных достижений напрашиваются такие слова: *рассудительность*, *вкус* и *умения*, но все же и они принадлежат по большей части к сфере способностей и навыков, связанных с мастерством, а не с совершенным состоянием интеллекта, рассматриваемого в качестве такового. *Ум*, конечно, тоже понятное слово, но оно относится непосредственно к поведению, к жизни человека. *Знание* и *ученость* выражают чисто интеллектуальные представления, но все-таки не состояние или качество интеллекта, потому что в обычном понимании *знание* есть только одно из обстоятельств, характерных для того или иного достояния или же навыка, а *ученость* означает сам предметный материал, в рамках английского языка, а не интеллект, как это было бы нужно нам. Вследствие всего этого нам нужно пользоваться не одним, а многими словами для того, чтобы выразить и передать несложную идею, касающуюся воспитания интеллекта как некой самоцели; затем, чтобы охарактеризовать этот несомненно обоснованный предмет; а также, наконец, — для описания и возможности душой представить себе то особенное совершенство, которым отличается этот предмет. Любой знает составляющие здоровья или добродетели, признает здо-

ровые и добродетель как обязательные жизненные цели, но в случае интеллектуального совершенства все это совсем иначе, поэтому меня должны извинить те, кому кажется, что для вступительного слова данное рассуждение слишком обстоятельное.

В отсутствие общепринятого термина мне представляется возможным назвать совершенство или достоинство интеллекта философией, философским знанием, расширением души или просвещением — терминами, которые нередко применяются современными авторами, но каким бы названием мы ни воспользовались, исторически сложилось так, что прямое дело Университета — сделать центром работы данный аспект интеллектуальной культуры, то есть заняться воспитанием интеллекта, точно так же, как больница занимается исцелением больных и раненых, школа верховой езды, школа фехтования или гимназия ведают развитием тела, дома призревания — помощью и утешением стариков, приюты — защитой невинности, а тюрьмы — исправлением провинившихся. Считаю, что Университет, взятый как идея в чистом виде, и до того, как рассмотрен в качестве орудия Церкви, обладает именно этими предметом и миссией, он подразумевает не нравственное назидание и не механическое изготовление, но исповедует упражнение не в области искусств и долга, функцией его служит интеллектуальная культура, именно над этим трудятся его ученые, этому посвящена его работа, ради этого он создан. Он воспитывает в интеллекте разумное во всех предметах, чтобы достичь истины, понять ее.

2

Такова была задача Университета (о чем мной говорилось в предыдущей Беседе), рассматриваемого сам по себе и в отрыве от католической Церкви, от государства, от любых сил, готовых прибегнуть к использованию возможностей Университета, как я это проиллюстрировал множеством способов. Было сказано, что интеллект имеет собственное совершенство, и все оказывается не без конкретного блага, что слово «воспитывать» не применимо для интеллектуальной культуры так, как принято им пользоваться, если бы не было в интеллекте самоцели, то есть — не будь такой цели, то никакого смысла не несло бы разделение некоторых упражнений интеллекта на «свободные» и на «полезные», которое является обычным; было сказано, что интеллект означает некоторую философскую направленность, так как это заставляет нас возвращаться к изучению и системе как самоцелям в отличие от следствий и механизмов всяче-

ского вида; что никакая философская схема знания или система наук не способна по своей природе послужить предметом в любом определенном искусстве или задаче; а также что, с другой стороны, открытие и понимание истины, к которой привели исследование и систематизация, наверняка являлись достаточными целями, хотя ничего большего за ними не имелось, и что человеком они всегда считались достаточными.

Поэтому сейчас я приступаю к данному предмету, и определив, что возделывание интеллекта служит целью, отличительной и достаточной самой по себе, а также, что, по крайней мере на словах, он служит приумножению и просвещению, я углубляюсь дальше в изучение, из чего же состоит духовная широта, сила, свет и философия, которые он содержит в себе. Больница исцеляет сломанные члены или излечивает лихорадку — а каковы плоды работы Учреждения, исповедующего здоровье не тела, не души, а интеллекта? Что есть данное благо, которое во времена прошлые, как и в наши, было важно отмечать в качестве достояния католической Церкви?

Мне нужно исследовать в дальнейших Беседах такие из качеств и характеристик интеллекта, в которых заключается его воспитание или из которых он состоит, и в целях помощи себе в этом предприятии мне придется нередко возвращаться к некоторым уже затронутым вопросам. Таких вопросов три, а именно: связь интеллектуальной культуры с *простым* знанием, с *профессиональным* знанием, с *религиозным* знанием. Ставя вопрос иначе, в сфере действия Университетского Образования должны ли находиться *усвоение и достижение*? Или *специальное совершенство в конкретных искусствах и занятиях*? Или *нравственная и религиозная эффективность*? Или же нечто вне этих трех сфер? Я подвергну изучению эти три вопроса в последовательности в связи с упомянутой мной целью; и надеюсь, что меня не осудят, если в ходе этого напряженного мероприятия я где-то повторю то, что однажды уже излагал в этих Беседах либо где-то еще. А сначала — о простом знании или о научении и его связи с интеллектуальным просвещением или философией.

3

Я считаю, что при поверхностном взгляде на Университет у общественности, в первую очередь, преобладает мнение, что он не более, чем место образования, но и не менее, чем место получения знаний по большому количеству предметов. Из умственных

способностей одной из первых развивается память; задача мальчика, впервые отправившегося в школу, состоит в учебе, то есть в накоплении вещей в памяти. На долгие годы его интеллект есть вряд ли что-либо иное, чем прибор для впитывания фактов или приемник для хранения их; он им радуется по мере их поступления; он обходится без всего, его глаза при нем, его податливость впечатлениям очень жива, поглощает всякие сведения; а своим у него при этом оказывается лишь немного, его жизнь наполнена теми, кто с ним по соседству. Он располагает религиозными, политическими, литературными мнениями и, как всякий мальчик, развит в них, уверен, хотя и получил их от школьных товарищей или учителей, либо родителей, смотря по обстоятельствам. В своих остальных отношениях он такой же, как в школьных упражнениях, у него наблюдательная, острая, подвижная и цепкая психика, он почти пассивен при усвоении знания. Говорю это не в умаление мысли о том, что мальчик умен. География, хронология, история, язык, естественная история — все эти предметы он впитывает как богатство, копя его на будущее. У него семь лет изобилия: пригоршнями собирая это, подобно египтянам, без счета, а кроме того, со временем в ходе упражнения в искусстве доказывания при занятиях математикой и в процессе совершенствования вкуса в поэтике и риторике, он еще в школе, и вообще в последние годы, приобретет немногим больше простого наличия этого всего; и когда придет время идти в Университет, он оказывается существом, подверженным чужим влияниям, действию обстоятельств, весь как бы из эпизодов, разнородных и всяких, как положит случай. Больше того, нравственные навыки у мальчика, которые составляют его достояние, благоприятствуют и способствуют такому результату, а именно — прилежание, усердие, распорядительность, настойчивое старание, потому что они служат непосредственными условиями усвоения и, конечно же, ведут к нему. Усваиваемое же явно служит на пользу продуктивности, и в какой-то момент это веско заявляет о себе и для учителя, и ученика; аудитория же, хотя сама и несведущая в предметах экзаменов, в состоянии понять, дан или нет ответ на заданный вопрос. И здесь снова проступает основание, по которому психическая культура людей считается тождественной усвоению знаний.

То же понятие владеет общественным мнением при переходе от мыслей о школе к мыслям об Университете: движимые лучшими помыслами в том же духе, люди заключают, что нет культуры без обогащения, а философия предполагает предварительное наличие знаний. Это требует активного чтения и широкой осведом-

ленности, чтобы расширять свое представление о серьезных предметах, а без научения такому знанию даже самый самобытный ум может прийти в состояние слепоты, забавы, отрицания и озадаченности и стать неспособным выдать полезный результат или надежный вывод. Есть, правда, люди, исповедующие иной взгляд и так поступающие. Время от времени появляется человек энергичного и продуктивного духа, который с полнейшим бесстрашием дает миру собственные выводы, его труды раскупают, на время он приобретает имя, но на том все и заканчивается. Читатели его обнаруживают, что учение его — только теории, а не выражение фактов, мякина вместо хлеба, а известность так же внезапно исчезает, как и возникла.

Знание поэтому есть незаменимое условие расширения духа, средство достижения этого, и к нему всегда следует стремиться. Это я принимаю в качестве главного принципа, но его справедливость ведет человека чрезмерно далеко и только подтверждает, что это представление и есть вся суть дела. Узкий ум считается содержащим мало знаний, а ум широкий — такой, в котором их много; то, чем данный вопрос выводится из-под обсуждения, обнаруживается в самом факте того, что множество студентов в Университете в него стремятся ради него самого. Читаются лекции по всяким предметам, проводятся экзамены, даются награды. Это профессора нравственности, метафизики, физики, это профессора языков, истории, математики, экспериментальных наук. Публикуются перечни вопросов, замечательных по широте и глубине, разнообразию и трудности, пишутся труды, даже в названии которых запечатлены общирность и многосторонность сведений; чего же недостает в психической культуре человеку широкой начитанности и учености? В чем, помимо знания, состоит кругозор? Где найти философское отдохновение, если не в сознании и наслаждении огромными интеллектуальными богатствами?

И тем не менее, это представление, как я понимаю, оказывается ошибкой, и сейчас я продемонстрирую, что цель либерального образования не в простом знании или знании, понимаемом как его *предметное содержание*; я добьюсь цели лучше всего, обратившись к конкретным материалам, обычно принимаемым за примеры просвещения и духовного роста, а также к служащим сравнению, о которых вам, Джентльмены, судить самим, чтобы сказать, знание ли, то есть усвоение, является конечным принципом, или же таковым принципом является нечто, находящееся за его пределами.

4

Например¹, представим человека, жизнь которого дотоле протекала на фоне спокойных и незатейливых ландшафтов нашей страны, который впервые попал в края, где физическая природа обладает более дикими и страшными формами, как бывает в горных местностях, будь то на родине или за границей, либо можно представить человека, всю жизнь прошедшего в тихой деревне, который впервые приехал в большой город, — в этом случае человек испытает ощущения, которых у него прежде не было. У него появятся не добавочные и не увеличивающие чувства, но нечто по самой природе отличное. Он ощутит, что его захватило, и на время переживет потерю ориентации. Он прошел прогрессивный путь и сознает психический рост, но он уже не там, где был, у него новый центр и целый спектр мыслей, ранее ему чуждых.

Точно так же вид небосвода, открывающийся в телескоп, может заполнить душу и захватить, вскружить и опьянить. С этим потоком приходят новые мысли, это называют интеллектуальным ростом, что бы под этим ни подразумевали.

И также вид хищных или других незнакомых животных, их чуждость, своеобразие (воспользуюсь этим словом) их форм, повадок, привычек и их разнообразие и свобода друг от друга выводят нас из себя и заново формируют, словно действует другой Творец, если выразить вслух то сравнение, которое напрашивается. Оказывается, что есть у нас новые способности или же возможно новое применение имеющихся, благодаря этому пополнению знания; мы подобны узнику, привыкшему быть в наручниках или кандалах, который внезапно обнаруживает, что его руки и ноги свободны.

Так физическая наука вообще, во всех своих разделах, поскольку открывает людям изобильные богатства и источники и при том, впрочем, еще и упорядоченный ход Вселенной, возвышает и вдохновляет студента и поначалу, смею сказать, почти перехватывает у него дыхание, но при этом и умиротворяюще воздействует на него.

Говорят также, что изучение истории способствует росту и укреплению души, а почему? Потому, я думаю, что ею дается власть для суждений о событиях прошлого, о событиях вообще и сознательное превосходство над ними, которого до того не было.

¹ Далее следуют страницы, являющиеся почти дословной выдержкой из 14-й (Оксфордской) Университетской проповеди автора, которую на момент написания данной Беседы он не надеялся повторно опубликовать.

Сходным образом то, что называется увидеть мир, выйти в свет, путешествовать, познакомиться с разными классами общества, соприкоснуться с принципами и образом мышления разных партий, интересов и рас, с их взглядами, целями, обычаями и манерами, их религиозными кодексами и формами отправления веры, — это обретение опыта различий и в то же время похожести людей, будь они даже низкого воспитания, порочными и вредными, но всегда твердыми в своем мнении; все это, взятое вместе, производит осязаемое, ни с чем не сравнимое воздействие на душу к лучшему или худшему, оно и называется ростом.

И когда впервые разум встречается с доводами и спекуляциями неверующих и ощущает новизну особенного света, который они проливают на все дотоле святое, и даже более, когда он уступает этому и увлекается за ними, отбрасывая как предрассудок все, во что верил прежде, словно приходя в себя после сновидения, и когда начинает восстанавливать в своем воображении, что нет закона и нет влияния его, что грех только призрак, а наказание вздор, что он свободен грешить, наслаждаться миром и всем плотским, и даже более того, при этом наслаждении возможно уверовать в то, что «вот он, мир, передо мной, я делаю свой выбор», кажется возможным построить систему личных взглядов; когда поток подобных мыслей все охватывает и заполняет, мысль о равенстве с богами естественна, как расширение и возвышение себя — и это опьянение действительностью в том, что касается субъективного состояния души, тоже — просвещение? Отсюда фанатизм и у наций, и у индивидов, внезапно отбросивших своего Создателя. Глаза их раскрыты и, подобно достигнутому судом королю из трагедии, они видят два солнца и волшебный мир, из которого они оглядываются на прошлое свое состояние веры и невинности с неким презрением и безразличностью, будто были всего лишь глупцами и немудрящими манекенами.

С другой стороны, Религия создает свой рост и свое величие, не из хаоса, но покоя. Часто люди необразованные отмечают, что по обращении к Богу они, всматриваясь в себя, преобразуя свое поведение, размышляя о смерти и суде, рае и аде, оказываются более зрелыми в своем интеллекте в сравнении с прошлым, иными существами. Раньше они принимали вещи как придется и не задумывались о них. Но теперь каждое событие обрело значение, всему происходящему они задают свои оценки, они придают теперь особенное значение времени и временам года, сравнивают прошлое с настоящим, а мир, утративший свою скуку, монотонность, бесполезность и безысходность, стал сложной и многообразной драмой с частями, сюжетом и ужасной моралью.

5

Становится ясно, что передача знания есть либо условие, либо средство этого роста или просвещения, о котором так много говорится в наше время в определенных кругах; отрицать этого нельзя, но нельзя отрицать и того, что такая передача — еще не весь процесс. Рост не просто в пассивном приеме душой какого-то ряда мыслей, ранее неизвестных, но и в одновременном энергичном действии в направлении и в духе поступающих мыслей. Это есть воздействие той формирующей силы, которой придается смысл и структура нашим познаниям, это превращение предметов в собственное субъективное достояние или, пользуясь знакомым словом, переработка получаемого нами материала нашего предшествовавшего состояния или мышления, а без всего этого никакого роста не бывает. Роста нет, если не сравниваются мысли одна с другой по мере их поступления в психику и систематизации. У нас только тогда есть чувство роста и расширения, когда происходит не только *научение*, но и применяется то, что познается. Просвещение есть не только процесс прирастания знания, но и продвижение вперед того духовного центра, вокруг которого тяготеет знание, как имеющееся, так и приобретаемое. И следовательно, истинно великий интеллект, а по всеобщему признанию таков интеллект Аристотеля, св. Фомы или Гёте (намеренно беру из числа и католиков, и нет, если речь идет об интеллекте как таковом), — это тот, который охватывает связным взглядом старое и новое, прошлое и настоящее, близкое и далекое, который понимает сущность их влияния друг на друга, ибо без этого нет целостности и нет центра. В нем содержится знание не только предметов, но также их истинных взаимных связей, знание, состоящее не только из усвоенного материала, но и философии.

Соответственно, если этого процесса анализа, распределения, гармонизации нет, то психика не испытывает роста и не считается просвещенной и всеобъемлющей, что бы ни добавилось к Знанию. Например, как я говорил раньше, великая память делает из человека философа не более, чем названный грамматикой словарь. Существуют люди, охватывающие великое множество мыслей, но мало понимающие об их взаимосвязях друг с другом. Это могут быть антиквары, летописцы, натуралисты, они могут быть образованными в праве, начитанными в статистике и приносить на своем месте большую пользу. О них я воздержался бы судить неуважительно. Но все же в подобных достижениях нет никакой

гарантии от отсутствия узости ума. Если они не представляют собой ничего большего, а воплощают только начитанность и осведомленность, то нет у них права заслуживать признания в качестве носителей культуры духа или воплощения Свободного Образования.

Сходным образом нас иногда привлекают к себе лица, много повидавшие мир, а также люди, игравшие когда-то в нем выдающуюся роль, но они ничего не обобщили, не проявили наблюдательности в полном смысле. Они наполнены сведениями, подробными, интересными и забавными, о вещах и о людях, но, живя без воздействия каких-либо ясных и устоявшихся принципов, религиозных или политических, они разговаривают обо всем и вся, судя только лишь о явлениях, во множестве полностью уже исчерпанных, не рассуждая, не сообщая никаких истин и не поучая слушателя, а просто для разговора. Никто не скажет о таких людях, что они достигли высокой культуры интеллекта или стали философами.

То же еще сильнее проявляется, если люди, о которых идет речь, явно уступают в развитии и образовании. Они, может, много пробыли в других странах и получили в пассивной, праздной, нетворческой манере много фактов, которые там им навязывали. Путешественники, например, пересекают землю из конца в конец, но великое множество встреченных ими вещей не составляет в их представлении гармоничной и согласованной картины; жизнь людей для них, как гобелен с изнанки, не несет рассказа. Они ложатся спать и встают то в Европе, то в Азии, перед ними пейзажи больших городов и диких мест, торговые рынки, недра островов на Юге, руины Помпеи, горы в Андах, но все, что им встречается, не влечет их ни вперед, ни назад, не включает никакой мысли. Ни в чем нет тенденции и связи, истории или упования. Все само по себе, вовремя появляется и уходит, подобно сценам спектакля, который оставляет незатронутым зрителя. И если с таким человеком оказаться рядом в каких-то обстоятельствах и ожидать, что он явится пораженным или удивленным происходящим, то во всем он будет как все, кроме одного, он будет озадачен из-за незнания что сказать, то есть восхититься надо или высмеять, или же высказать неодобрение, отчетливо сознавая при этом, что от него требуется сейчас выразить собственное мнение; реально же у него нет ни своего суждения, ни каких-либо примет, чтобы угадать направление заключения. Так выглядит простое усвоение знания, и, повторяю, никто не посмеет назвать это философией.

6

По принципу контраста такие случаи подтверждают вывод, сделанный мной прежде — лишь такой рост духа является подлинным, который способен владеть одновременно множеством предметов или учитывать их каждый на своем месте во всеобщей системе, понимать их подлинное значение и определять зависимость каждого от остальных. Об этой форме всеобщего знания, заключенной в интеллекте человека и составляющей часть его совершенства, я говорил в одном из прошлых выступлений. Обладающий этим действительным просвещением разум всегда припомнит, что любой распространенный предметный материал знания есть только частица, и не упустит ассоциаций, связанных с этим припоминанием. Любая сущность одного рода всегда приводит ко всему остальному, это сообщает образность целого всякой составляющей части, пока этот образ не станет в воображении одухотворяться, а целое не проникнет в каждую составляющую часть, придавая им всем определенный единый смысл. Так же части организма ассоциируются с их функцией в организме, как слово «творение» подразумевает Творца, а подданный — суверена, так и в сознании философа в абстрактном понимании элементы физического мира и мира нравственности, наук и искусств, призваний, должностей, чинов, событий, мнений, индивидуальностей — все это рассматривается как единое с функциями корреляции, как последовательно сочетающееся в целое, в действительный центральный момент.

Обладание даже долей этого просвещенного мышления и подлинной философии является высшим состоянием, которого способна достичь природа на основе интеллекта, этим психика ставится выше влияний случая и неизбежности, выше тревоги, страха, обеспокоенности и предрассудка, выступающих уделом большинства. Мужичей, чей ум исполнен лишь одним предметом, находятся под влиянием преувеличенного взгляда на его важность, ревностно ему следуют, создавая из него меру вещей, этим вещам совершенно чуждую, и изумляются и растеряны, если это их подводит. Они в вечной тревоге или движении. Впрочем, те, у кого вообще нет предмета и принципа для руководства, на каждом шагу сбиваются с пути. Выброшенные из колеи, они не знают, что думать и говорить на каждом новом перекрестке, им недостает взгляда на людей, события и факты, которые внезапно им встречаются, и они держатся за мнения других людей из-за нехватки

собственных. Но интеллект, получивший полную возможность воспитания, который знает и, зная, способен мыслить, который обучен подвергать брожению густую массу фактов и событий дрожжами гибкого разума, такой интеллект не может оказываться односторонним, пристрастным, порывистым, растерянным, он может быть только терпеливым, собранным, величаво спокойным, потому что в любом деле умеет увидеть цель, в любом итоге — начало, закономерность в любом обрыве, пределы всякой задержке и путь от одного места к другому. Это *τετράγωνος* перипатетиков, в котором есть стоическое «*nil admirari*»¹:

Felix qui potuit rerum cognoscere causas,
Atque metus omnes, et inexorabile fatum
Subjecit pedibus, strepitumque Acherontis avari².

Бывают люди, которые при затруднениях тотчас создают крупные идеи и головокружительные проекты, которые под влиянием возбуждения способны пролить свет, словно по вдохновению, на предмет или деятельность, стоящие перед ними, и при этом внезапно обнаруживают присутствие духа, достойное неожиданности, выходясь над обстоятельствами при неколебимо величественной позиции, с энергией и напором, крепнущими от любого сопротивления. Это гений, это герой, это явление природного дара, который в готовом виде не даст культура, к которому не может стремиться ни одно Учреждение, но мы должны беспокоиться в этом случае не по поводу природы, а об обучении и преподавании. Такое совершенство интеллекта, который является следствием образования, и *прекрасный идеал* — должны передаваться человеку во всех гармоничных сторонах и представляют собой ясное, спокойное, точное видение и понимание всех вещей, насколько небезграничные возможности разума способны охватить их и специфические особенности. Со знанием истории он, как пророк, понимает природу человека почти как эксперт, благотворительность его не знает границ, так как нет в нем ничтожности и предрассудочности, в нем есть неколебимый покой веры, так как он располагает красотой и гармонией почти совершенного размышления — настолько он приближен к вечному порядку вещей и музыке сфер.

¹ Ничему не следует удивляться (лат.). — *Примеч. пер.*

² Счастлив, кто мог познать причины вещей и бросил к ногам все страхи и немолимую судьбу, и шум ненасытного Ахеронта (лат.) (Вергилий). — *Примеч. ред.*

7

А теперь, если я приму за основу, что истинной и правильной целью интеллектуальной подготовки и Университета выступает не научение и усвоение, а мышление и рассудок на основе знания, то есть то, что называется философией, я должен объяснить различные ошибки, которыми изобилует в настоящее время Университетское образование как предмет.

Поэтому я утверждаю, что для усовершенствования интеллекта нам, прежде всего, надо становиться выше: подлинное знание получить без роста невозможно, обязательно надо обобщать, заниматься редукцией к методу, важно ухватить сущность основ и на их базе преобразовать приобретенное. Широта или узость области деятельности не имеет значения, в любом случае, чтобы овладеть ею, необходимо становиться все выше. Кто не испытывал раздраженности души и нетерпения, пробужденных богатой, сложной картиной посещенного впервые края с извивающимися аллеями и высокими кустарниками, зеленью по крутогорью, чащей леса и повсеместным дыханием радости, но непонятного, как лабиринт? То же чувство посещает и в незнакомом городе, когда нет карты его улиц. Многие слышали об опытных путешественниках, которые, попав впервые в такое место, забираются на высокую гору или церковную колокольню в целях ориентировки в новой местности. И точно так же человек обязан оказываться над своим знанием, не под ним, иначе оно придавит его, ведь чем больше знание, тем значительнее тяжесть.

Учение Салмазия или Бермана, пока не овладеешь им, явится фактором образовательной тирании. «Либо власть, либо рабство» — если твердой рукой удастся с ними справиться, это великое оружие, а если нет, то

Vis consili expers
Mole ruit sua¹.

Подобно Тарпее, человек будет сокрушен тяжким избытком всего, унаследованного от прошлых поколений.

Примеров множество, существует немало авторов, столь же пустых, сколь неистощимых в литературном творчестве. Знание у них покоится бесформенной кучей, лишенное симметрии, струк-

¹ Сила, лишенная разума, разрушается от собственной громадности (лат.). — *Примеч. ред.*

туры. Много есть комментаторов Классиков и Священного писания, от которых все отталкиваются, удивляясь учености, пришедшей прежде нас, и задаваясь вопросом, почему же это ушло! Много писателей, пишущих об истории Церкви, таких как Мошем или Дю Пэн, которые, разбивая предмет на мелкие детали, убивают жизнь и лишают нас целого повышенной заботой о его частях! Те же проповеди английских святых XVII столетия — как часто оказывались они собранием мелких и навязчивых поучений! Конечно и католики, как и протестанты могут читать без понимания, и в их случае верно, что такое знание не заслуживало и имени своего, знание ими не продуманное и не осмысленное. Такие читатели одержимы получением нового знания вместо того, чтобы понять имеющееся; нет, они бывают им увлечены, но без собственного на то желания. Вспомним, память так же способна поработать, как воображение. Помешательством считается, я полагаю, утрата управления над последовательностью мыслей. Психика, приведенная однажды в движение, с того момента лишена способности к инициативе и оказывается жертвой потока ассоциаций, когда одна мысль влечет другую подобно причине и следствию, будто это механический процесс или физическая необходимость. Никто из знающих привычки ученых не станет отрицать существования параллельного феномена, характерного для тех, кто перевозбудил свою память. У таких лиц разум работает столь же слабо и бессильно, как у сумасшедшего; едва начав с какого-то предмета, они не имеют далее силы управлять им, такие люди пассивно переносят последовательность импульсов, которые вытекают из первоначальной исходной причины; их перебрасывает от одной мысли к другой, устойчиво переносит вперед, обрабатывая одну линию мышления за другой, несмотря на все снисхожде-ние слушателя, и бесконечно отвлекаясь на посторонние предметы вопреки его протестам. Наверняка, блеску и оригинальности идей сумасшедшего никто не позавидует, тогда почему следует восхищаться возделыванием интеллекта, который выступает жертвой бесплодных фактов, бесплодных фантазий, случайных вмешательств извне, мрачных образов изнутри? Сказав так, я не вправе отрицать, что сильная и подвижная память сама по себе сокровище, я не умаляю психику с хорошо развитой памятью, хотя бы ничем она большим не обладала, была бы трезвой и не больше меня презирала магазин книготорговца: она имеет большое значение для других, даже если не так для самого владельца. И не изгоняю я, совсем нет, обладателей глубокой и многосторонней учености из моего идеального Университета, они его украсят в

глазах окружающих, я лишь утверждаю, что они — тот результат, которого следует добиваться Университету, потому что нет большой пользы интеллекту от увеличения объема памяти за счет более высоких способностей.

8

В наше время не существует опасности избыточного образования, опасность заключается в другом. Позволю себе сказать о практической ошибке последних двадцати лет — это не просто нагрузка студентов массой неувоенных знаний, но насилие таким их количеством, что студент отвергает все целиком. Это ошибка распыления и ослабления психики бессмысленным месивом предметов, возникающая в предположении пользы от дилетантского знакомства с десятками предметов, поверхностного верхоглядства, которым это было, а не ростом, который этим нарушался. Это была ошибка не придавать значения знакомству с научными названиями вещей и людей, обходиться без умно написанных книг, посещений блестящих лекций, членства в научных обществах, наблюдения демонстрационных экспериментов и образцов в музее, потому что все это — не рассеяние психических сил, а прогресс. Сейчас все предметы должны выучиваться сразу, а не сначала один, затем другой: хорошо — ни одного, но плохо — много. Учение должно идти без напряжения, без внимания, без труда, без основы, без продвижения, без завершения. Не должно быть в учении ничего индивидуального, и это — чудо нашего века. То, что паровой двигатель совершает с веществом, печатные материалы должны совершать с психикой, это должно функционировать механически, люди должны просто, пассивно, почти бессознательно просвещаться в итоге простого приумножения и распространения томов. Будь то школьник или школьница, молодежь в колледжах, механик где-то в городе или политик в сенате — все они так или иначе пали жертвой этой вздорнейшей и вреднейшей иллюзии. Понапрасну пытались стать услышанными умные люди. Со временем, чтобы не дать угаснуть своим учреждениям и не погибнуть в порыве преходящей глупости, они должны были до предела, поставленного здравомыслием, снисходительно терпеть тот дух, который не выносили, тая в душе насмешку.

Если я так говорю, то это не значит, что я боюсь, или как-то опасуюсь образования народа: наоборот, чем выше и чем больше у него образования, тем лучше, если это действительно образование. И я не противник дешевых публикаций, околонучных и литера-

турных, что стало модным: наоборот, я вижу в этом великое преимущество, удобство и выигрыш для тех, кому образование дало возможность этим пользоваться. Кроме того, я считаю такие невинные воспроизведения научных и литературных трудов способным обеспечить прекрасное занятие мыслям и досугу у молодежи, это может принести пользу удержанием ее от дурных занятий и дурного общества. Более того, что касается поверхностного знакомства с химией, геологией, астрономией и политической экономией, современной историей и жизнью народов, а также другими отраслями знания, которое распространяется в обществе с помощью периодической литературы и брошюр, я нахожу эти достижения прекрасными и необходимыми для тех, кто образован. Ни в коем случае я не умаляю и не преуменьшаю того, что познание возможно через все пути, в том числе и этот, старательное познание является реальным образованием души. Я лишь прошу называть вещи своими именами и не путать совершенно разные вещи. Глубокое знание одной науки и поверхностное знакомство со многими из них — не одно и то же, неглубокое знакомство с сотнями вещей либо детальная память — это не философский взгляд с пониманием. Занятия досуга — не образование, простые успехи и достижения — не образование. И не говорите, что народ должен стать образованным, если на самом деле имеется в виду его позабавить, отвлечь, успокоить, привести в хорошее настроение и состояние либо удержать от порочных излишеств. Нельзя сказать, что такие забавы, такие занятия для души не приносят выигрыша, но они не являются образованием. Можно и рисование, и фехтование назвать образованием, как и общие знания по ботанике или моллюскам. Изготовление птичьих чучел или игра на струнных инструментах служат прекрасным времяпрепровождением, выступая заполнением для праздности, но это не образование, это не образует и не взращивает интеллект. У слова «интеллект» высокое значение: это подготовка к знанию, это сообщенные знания в прямой пропорции к подготовке. Нам требуются интеллектуальные органы зрения, чтобы ими познавать, как для способности видеть нужны обычные. Нам требуются и интеллектуальные предметы и органы; не стремясь к ним, их нельзя обрести — ни во сне, ни случайно. Лучший телескоп не отменяет глаза, печатные труды или лекционные аудитории оказывают громадную помощь тем, кто остается верным себе, бывая занятым с авторами книг и лекторами как бы совместной деятельностью. Университет есть, по общему пониманию, Альма Матер, знающая каждого ребенка в отдельности, а не литейный цех, не монетный двор и не штамповочная мастерская.

9

Я заявляю вам, Джентльмены, что, случись мне выбирать между так называемым Университетом, располагающим и помещением, и штатом преподавателей, и присуждающим степени всем, кто выдержали экзамены по широкому кругу предметов, и Университетом, который существует без профессоров и экзаменов вообще, а просто составлен три-четыре года назад из собранных и затем выпущенных молодых людей, как это, говорят, делали лет 60 тому назад в Оксфордском Университете, так вот, если бы меня спросили, который из этих двух методов лучше служит воспитанию интеллекта, — замечу, что я не заикаюсь о том, который лучше *нравственно*, поскольку лучше должно быть обязательное обучение, и праздность является нетерпимым злом, — однако, если я должен определить, которое из этих двух направлений успешнее обеспечивает подготовку, формирует, растит душу, которое выпустило людей, более пригодных к своим мирским обязанностям, которое дало опору более совершенным государственным деятелям, светским людям, людям, чьими именами гордятся потомки, — я отдаю предпочтение тому Университету, который не делал ничего, лишь строго требовал от студентов знакомства с каждой на свете наукой. И вот, каким бы это ни казалось парадоксом, даже если испытанию подвергаются сами системы, то влияние частных школ и колледжей Англии на протяжении столетия останется изображенной односторонне, если остановиться лишь на моем описании. Иное дело, что идеальные системы образования, приковавшие к себе внимание того столетия, если смогли осуществиться, и вне связи с появлением поколения людей легкомысленных, неразвитых, лишенных перспективы в отношении интеллекта, — предмет для дискуссии, но пока что с уверенностью можно судить о том, что эти Университеты и учебные заведения не ограничились тем, что собрали сначала мальчиков, а затем юношей в большом количестве, при всех нехватках и дефектах в части нравственной, при неполноценном исповедании христианской веры, а также при варварской их этике, — при всем этом они могут себе позволить похвалиться чередой литераторов и государственных деятелей, героев и философов, мужей выдающихся природных доблестей, деловых умений, со знанием жизни, практическим умом, совершивших достижения, которые сделали Англию такой, какая она стала — способной повелевать землей, способной господствовать над католиками.

Как это объясняется? Если множество молодых людей изо дня в день собираются и общаются, увлеченные, открытые, сочувствующие и наблюдательные, то они не могут не учиться друг у друга, даже когда их никто и не учит, потому что разговор одного превращается в лекцию для всех, и они сами по себе приобретают новые мысли и взгляды, свежий материал для размышлений, отчетливые принципы для суждения и деятельности. Ребенок вынужден учиться значению той информации, которая сообщается ему органами чувств, и это представляется его главным занятием. Ему кажется, что все, что видит глаз, расположено рядом, пока не усваивает противоположное этому, и тем самым на практике происходит определение связей тех первых элементов знания, которые нужны для его органической жизни. Для социальной жизни требуется параллельное обучение, и оно обеспечивается большой школой или колледжем, и этот эффект может быть справедливо назван ростом души. Это — процесс наблюдения мира на малом участке безо всяких усилий; по той причине, что ученики поступают из очень разных мест и с очень разными представлениями, а обобщать требуется много, много корректировать, много устранять, на одном месте существуют взаимосвязи для определения и общепринятые правила, обязательные для совершенного овладения в процессе, который охватывает формирующим действием все в целом, создавая единую настройку и единые черты.

Чтобы быть верно понятым: мной не учитываются нравственные или религиозные соображения, я лишь утверждаю, что такое молодежное сообщество составляет нечто целое, оно воплощает конкретную идею, заключает некоторую доктрину, оно будет насаждать определенный кодекс поведения, и оно выработает свои принципы мышления и деятельности. Так непосредственное обучение обретает жизненность, а со временем обретет форму самоподдерживающейся традиции или *духа учреждения*, как иногда его называют, который безотлучно витает в месте, где он появился, которым проникается и более-менее воспитан почти каждый из тех индивидов, которые проходили под его сенью. Получается, что вне зависимости от непосредственного обучения ведущими преподавателями в учебных заведениях протестантской Англии существует своеобразное самообразование; при этом выступает особый настрой мышления, признанные нормы рассуждений, которые, по мере их формирования в

человеке, попавшем под их влияние, оказывают на него двойное действие, как в виде определенной печати, оставляемой на психике, так и в виде нитей союза, связующих его с остальными — следы, которые и местные власти тоже несут на себе, потому что и они сами тоже обучались здесь и всегда находились под влиянием этической атмосферы этого учебного заведения. Тем самым налицо действительное учение как в нормах, так и в правилах его, верное оно или нет, потому что оно постоянно занято возделыванием интеллекта, по меньшей мере всегда признает, что познание есть что-то больше пассивного приема обрывков и деталей, что это есть нечто такое и действует так, что не проистекает из каких-либо самых напряженных стараний преподавателей, из взаимных симпатий и каких-либо общений, а также стараний экзаменационных комиссий, члены которых иногда не имеют мнений и не всегда осмеливаются их выражать, нередко действия без общих принципов, которые призваны обучать или спрашивать группу молодых людей, не знакомых с ними, а также — это контакты друг с другом по большому количеству предметов, разных по материалу, не связанных никакой обобщающей философией вместе, по три раза в неделю, три раза в год либо раз в три года, будь то в стылой аудитории или по случаю напыщенной юбилейной даты.

10

Только самообразование, в самом ограниченном смысле, всегда лучше всякой системы преподавания с широкими намерениями, но в действительности ничего не дающими для души. Следует закрыть двери колледжа и не впускать глашатаев знания, отринуть их искания и тем оказать благо таким деятелям. Лишь единицам удастся, отбросив стимулы и помощь учителей, будучи предоставленными самим себе, получить пользу в учебе и вообще продвинуться. И еще меньше тех (хотя бывают и такие великие души тоже), кто после лишнего помощи обучения не приобретет самонадеянность и гордость, которые явятся не просто нравственными пороками, но выступят серьезными препятствиями на пути познания истины. И почти никого не найдется, кто временами не ощущал напоминания об ущербности положения, составившего трудную полосу жизни из-за несовершенств в основах подготовки, провалами, недостатками и беспорядоч-

ностью собственного знания, эксцентричностью своих мнений и путаницей представляемых самостоятельно принципов. Слишком часто такие люди оказываются невежественными в общеизвестных вещах, в той массе мелких истин, которые оседают в уме, подобно пыли, неосязаемых, но накапливающихся; таким людям трудно беседовать, они не умеют себя вести в споре, испытывают гордость за наихудшие свои парадоксы и пошлейшие трюизмы, преисполнены собственных взглядов на все, не любят переходить на другую позицию, медленно понимают позицию окружающих; но с этими и всеми иными обременениями в своих головах они оказываются более думающими, одухотворенными, философски богатыми, более выдающимися и значительными людьми, чем те, кто был серьезным, но кем злоупотребили, кого принудили загрузить ум десятком предметов ради экзамена, заставили приобрести чрезмерно много и незаметно лишили возможности с головой уходить в мышление или исследование, приучили пожирать посылки и заключения без разбора, с жадностью, так, что вся наука стала приниматься на веру, а живые иллюстрации передались памяти, иного и ожидать трудно, ведь в тот же день, когда закончится период образования, эти несчастные готовы с отвращением все отбросить прочь, ибо нет там ничего приобретенного с искренним волнением, за исключением, быть может, привычки к прилежанию.

И это — еще наилучший из плодов, порожденных в последнее время такой претенциозной системой, так как ее последствия для людей посредственных и для массы студентов еще более неудовлетворительны, потому что они покидают учебные заведения просто распылившимися силы и расслабленными из-за обилия предметов, которыми они в действительности не овладели, с такой поверхностной подготовкой, что не способны даже осознать эту поверхностность. Насколько же лучше этого удела для обладателей активного и глубокого интеллекта, если таковой обнаруживается, уберечься вовсе колледжа и Университета, обоих, чем быть отданными на эту унижайшую каторгу и позорнейшее издевательство! Гораздо больше пользы для свободного ума — после элементарного образования предаваться произвольному поиску в библиотеке, снимая с полки книги в очередности их встречаемости и следуя той череде мыслей, которая навеяна природным умом! Насколько здоровее оказывается в этом случае путешествовать и, любуясь ландшафтами, вместе с восторженным принцем

открывать «языки роц и книги ручьев»! Насколько же более подлинным оказывается образование, получаемое бедным мальчиком из этого стихотворения¹, которое и по замыслу, и по исполнению является у нас едва ли не самым трогательным из написанных на родном языке, а именно мальчиком, который не в огромном широком мире, но в неустанных исканиях близ родного дома с овдовевшей матерью совершает подвиг «подбора неустанного» крупиц познания на малом поле — и делает это с помощью столь скромного инвентаря, «как школа родной деревни и книжки школьные», осуществляя это всюду: на кромке берега, на причале, в рыбацкой лодке, у камина гостиницы, в торговой лавке, на пастушеской тропе, в контрабандистской хижине, на моховых болотах, среди кричащих чаек, неугомонных волн, — чтобы увенчать это созданием собственной философии и индивидуальной поэтики!

Впрочем, ввиду огромности предмета я перешел за рамки отведенного времени. И заключить поэтому я должен, Джентльмены, резко, откладывая обобщение моих аргументов, коль оно потребуется, на другой день.

¹ «Повести усадьбы», написанные Краббом. Это произведение я впервые прочел в первом издании свыше 30 лет тому назад с огромным наслаждением и с той поры не утратил этого чувства, а недавно, когда вновь к нему вернулся, оно тронуло мне душу более прежнего. Произведение, способное понравиться и в молодости, и в возрасте, представляется отвечающим (говоря логическим языком) *акцидентальному определению* Классики. [Вот прошло еще 20 лет, а я продолжаю хранить то же в отношении данного стихотворного произведения.]

БЕСЕДА VII

ЗНАНИЕ, РАССМОТРЕННОЕ В СВЯЗИ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ НАВЫКАМИ

1

В двух предыдущих Беседах я настаивал, во-первых, на культивировании интеллекта как цели, которая обоснованно достойна преследования как таковая, а также еще на сущности этого культивирования или того, в чем именно состоит эта культура. Истина всяческого рода выступает подлинным предметом интеллекта, а тем самым его культивирование лежит в совершенствовании интеллекта понимать и осмыслять истину. Сейчас интеллект при его современном состоянии, за исключением случаев, которые нет нужды указывать, интуитивно истину не различает. Люди познают не посредством простого и непосредственного усмотрения, не с одного взгляда, но, как водится, частями и путем накопления, в умственном процессе, кружа вокруг предмета, сравнивая, комбинируя, совершая взаимные поправки, непрерывную адаптацию множества частных понятий с использованием, с сосредоточием, с совместным действием множества способностей и приложений сил психики. Такие союзы и согласования интеллектуальных сил, такой рост и развитие, такое понимание — это неизбежно является итогом подготовки. И опять-таки сама такая подготовка выступает итогом закономерности, она не является просто старанием, сколь угодно примерным, которым душа вводится в мир истины, это и не итог прочтения множества книг, освоения многих предметов, наблюдения множеств экспериментов, присутствия на многих лекциях. Всего этого не достаточно. Человек может все это сделать, но так и застрять в преддверии храма знания — может оказаться, что он не умеет понять, что высказал сам, не способен видеть умом то, с чем столкнулся, не понимает вещей, какие они суть, либо как минимум не способен продвинуться ни на шаг вперед вследствие усвоенного им, не в состоянии отличать истину и ложь, выловить крупицы истины из массы

всего, ценить вещи по их значению, а также, если можно так выразиться, — создавать мысли самостоятельно. Подобная способность есть следствие научного склада психики, это приобретенная способность ума, ясновидения, проницательности, мудрости, философского развития души, а также интеллектуального самообладания и возвышенности — качеств, которые не приходят в порядке простого их усвоения. Органическое зрение, орган восприятия материальных предметов дается самой природой; зрение духовное, предметом которого служит истина, есть творение дисциплины и навыка.

Процесс обучения, в котором интеллект, вместо принесения в жертву какой-то случайной или особенной цели, некоему ремеслу или профессии, либо учению или науке, культивируется ради самого себя, ради восприятия предмета в самом себе и для собственной высшей культуры, и является либеральным образованием; и при том, что нет таких, в ком бы это было реализовано до самого мыслимого предела или же чей интеллект обладал бы структурой, которую следовало обретать интеллектам вообще, все же вряд ли может найтись такой человек, который не в состоянии постичь мысль о том, чем является настоящее обучение, и по меньшей мере, стремиться к нему, а также брать за образец совершенства подлинный его масштаб и результаты, а не что-либо иное, и очень много людей готовы его пройти и обеспечить им себя в добром объеме. При этом утверждение верных норм, а также подготовка в соответствии с ними, и помощь каждому студенту развить в соответствии с ними собственные способности — это я рассматриваю призванием Университета.

2

Теперь о том, как некоторым великим деятелям не хватает решительности в одном вопросе; они настаивают, чтобы Образование ограничивалось какой-то конкретной и узкой целью и выливалось в определенный труд, который поддается взвешиванию и измерению. По их мнению, возможно все, и всякого человека возможно оценить, а если издержки понесены большие, то и правомерно ожидать высоких прибылей. Они считают это приданием образованию и обучению свойства пользы, и полезность выступает у них ключевым словом. На основе фундаментального принципа такого содержания, его сторонники естественно задаются вопросом, каков конкретный смысл всех усилий Университета в реальности — какова рыночная стоимость товара, именуемого «свободное образование», в предположении того, что оно не дает ясного толчка вперед нашим

предприятиям промышленности или мелиорации земель, не улучшает государственного хозяйства, а к тому же и не превращает немедленно данного индивида в юриста, а того — в инженера, третьего — во врача, и даже не приводит к открытиям в химии, астрономии, магнетизме, геологии и всех прочих науках.

Данный вопрос, как несложно ожидать, очень пристрастно обсуждался в наше время и составил главный предмет полемики, о которой я неоднократно говорил во Введении к этим Беседам, который оставался на первом плане в первое десятилетие нашего столетия в знаменитом «Северном обозрении», с одной стороны, и среди сторонников Оксфордского Университета — с другой. Едва только руководство этого старинного очага Знания после затянувшегося периода невежества своего очнулось и привело в действие планы по образованию молодежи, порученные им, как немедленно представители науки и литературные круги города, прозванного Северными Афинами, возвысили голоса протеста с самыми вескими доводами и присущей им блестящей сатирой против и направления, и форм предложенной реформы. Их не удовлетворило вдруг все, кроме одного — вот если бы Университет обрел правомерность на основе философии утилитаризма, философии, которая, по их мысли, реализовывалась просто актом провозглашения ее. В реальности же они мало представляли себе глубину и прочность принципов, лежащих в основе деятельности управления учебными заведениями, а коль скоро это так, то нечего было надеяться на то, что им удастся без усилий выйти победителями из затеянной с их участием полемики. Соответственно, и столкнулись они от имени Университета с двумя деятелями, в свое время выдающегося положения и влияния среди современников, которые, несмотря на разный склад ума обоих, были связаны союзом наподобие уз коллегальности, в главном они обладали ясным видением и масштабным пониманием предмета свободного образования в целом, а потому их выступление в защиту оксфордских позиций до сих пор осталось в силе.

3

Позвольте теперь мне посвятить несколько слов памяти тех замечательных личностей, в сени чьих имен я когда-то жил и которым принадлежит доктрина, которую я с пользой для себя теперь исповедую. В самом сердце Оксфорда есть маленький участок, зажатый общественными дорогами со всех сторон, который служил собственностью и местом пребывания одного общества на протяжении целых пятисот лет. В древние времена Бонифация VIII и Иоан-

на XXII, в эпоху Оккама и Данте, до того, как Уиклиф и Гус разожгли тот огонь, который свирепствует до сих пор на остатках высшего интереса личности, вот тогда несчастный король Англии Эдуард Второй, бегущий с поля под Бэннокберном, дал обет Пресвятой Деве основать в честь ее Дом Веры, если вернется невредимым. Советами и помощью главного раздатчика милостыни он решил поставить этот дом в городе Альфреде, а образ Богоматери напротив входных ворот до сих пор воплощает собой этот обет и исполнение его. Давно ушли в прах и король, и раздатчик милостыни, а в их собственность вступили посторонние люди, предав забвению их кредо и отрекшись от этого святого обряда, но все же иногда при служении мессы обо всем этом напоминает хотя бы один католический священник, бывший когда-то членом этого колледжа, посвящая молитву душам католических благодетелей, даяниями которых он жил долгие годы. Посторонний, чье любопытство может лишь разжечься славой этого учреждения, разочарованно разглядывает собрание зданий без признаков того достоинства, которое придает богатый убранством. Просторные квадратные залы и аудитории с высокими потолками, декорированные галереи, торжественные дорожки, тенистые сады, толпа студентов, высокая доходность — ничего подобного не отличало данное древнее католическое учреждение, буквально ничто не давало намека шестьдесят лет тому назад на то, чем должно оно стать в наше время. Но уже в то время в нем активно работал дух, позволивший членам его совершить то, что при всей внешней малозначимости, оказалось недостижимым ни для одного другого учреждения, хотя не содержало ничего претенциозного, это действие было редчайшим и сводилось к честной устремленности осуществить возлагаемую миссию так, как то диктовалось совестью. И потому, тогда как прочие колледжи Оксфорда были самоизбираемыми коллективами, где свои члены сами замещают вакансии в собственных рядах, в данном учреждении лишь штаты были заданы, но — и это во времена мрачного обычая или старых статутов — только здесь происходило невероятное: проводился открытый для всех желающих конкурс на замещение вакансий и при избрании новых членов в дело вступали все обстоятельства, и любые соображения могли сознательно отбрасываться — любые личные мотивы, чувства, семейные связи, влияние, политический интерес, местнические претензии, предрассудки, партийная ревность — так что избрание происходило на общественной и патриотической основе. С поистине поразительной свободой духа они вынесли решение о том, чтобы даже табель о литературных

достижениях, действующая в Университете по новой системе экзаменов на степени, не сковывала суждение членов Совета при вынесении решения, но чтобы при любых опасностях, всякой возможной критике и неприязни, порожденной ею, была возможность избирать таких людей, которые, кем бы они ни являлись, были бы истинными детьми своего Основателя, который находился бы в центре помыслов в их сознании, и который (как сами они выразили это), если бы он жил, стал бы гордостью своего Колледжа и содействовал предметам, бывшим в его сердце, и в которые они сами верили. Такие личности не присягали на службу низменному Утилитаризму и впоследствии, когда реформа синхронизировалась у них с той реформой Академического коллектива, в котором они выполняли принципиальную роль, ничего противоестественного не было в том, что, когда буря произошла на Севере, их Альма Матер, которую они любили прочной любовью, нашла своих защитников в их лице именно в стенах этого маленького Колледжа, который первым поставил себя в положение ее сторонников.

Этих защитников двое, из которых самым уважаемым был покойный д-р Коулстон, в то время член Совета колледжа, затем ректор и протестантский епископ Ландафа. В том обществе, которое так многим ему обязано, имя его жило и вечно будет жить в памяти о выдающихся способностях его, о преподавательских его достоинствах, поднявших весь уровень до необычайной высоты, в память о благородстве его духа, либеральном понимании мира и добросердечия, которыми он скрашивал каждый свой шаг и которые снискали ему восхищение и любовь даже среди тех, кто менее всех ему сочувствовал за некоторые особенности ума и характера. Люди к водоразделу жизни приходят в разное время; последние годы личности, о которой я рассказываю, были связаны с обязанностями, которые, как мне сообщили, служили средством приобщить его к миру цифр, но не предоставляли ему простора для свойственного ему энергичного и настойчивого ума, позволившего ему в бытность совсем молодым человеком в одиночку, с непринужденным изяществом парировать и отбить нападение трех гигантов Севера, вместе выступивших против него. Полагаю, что я прав, утверждая, что в ходе полемики сложилось так, что самые ученые, самые критичные и наиболее пронизательные умы литературного сообщества своего времени, все из которых теперь сошли со общественной сцены — профессор Плейфейр, лорд Джеффри, пресв. Сидней Смит — сложили свои личные таланты в одну статью в *«Северном обозрении»*, чтобы сокрушить и разнести в прах дерзкого полемиста, ко-

торый выступил против них в защиту собственных учреждений. Просто сразиться с такими деятелями само по себе было почетным свидетельством его способностей, даже и без прочтения его статей, где можно без усилий открыть мир доказательств прекрасного рас-судка, духовности, ученого вкуса и чистоты стиля.

Он опирался в полемике на те же основания, но с большей мето-дичностью и отчетливостью и, добавлю, с большей силой, красотой и совершенством как в мыслях, так и в выражении, которые обес-печил ему другой выдающийся автор, которого я уже упоминал, м-р Дэвисон, который при том, что тогда он был мало известен, оставил большее наследие, чем сам ректор Ориэла, чего достаточно, чтобы потомство помнило о нем. Этот глубокий, вызывавший вос-хищение человек, который был близким другом одного замечатель-ного человека, которого, хочешь или не хочешь, но огромное число людей почитают и любят как первоавтора движения в протестант-ской церкви в направлении к католичеству¹, этот фундаменталь-ный и философски даровитый автор, чьи труды я не могу видеть без глубокой печали из-за того, что такая крупная личность была утра-чена для католической Церкви, как до него это случилось с д-ром Батлером, то ли из-за предрасположения молодости, то ли какой-то ошибки самообразования — он в своей рецензии на труд м-ра Эдж-ворта о профессиональном образовании, который привлек колоссаль-ное внимание в свое время, не спеша проходит там же, где быстро прошелся уже д-р Коплстон, и при том, что с полной отдачей души обрушившись на м-ра Эджворта, в самом деле отвечает на критику северянина, которым труд данного автора был взят на заметку, ку-да более крупного, чем любой из них, автора, в прошлом выступав-шего с тех же позиций.

4

Автор, которого я имею в виду, не кто иной как Локк. Этот знаменитый философ опередил эдинбургских Обзорвателей в своем осуждении обычных предметов, которым обучают мальчи-ков в школе на том основании, что в последующей жизни они им не требуются, но прежде цитирования суждений его учеников в этом столетии; сначала приведу несколько строк из трудов самого учителя. В своем труде об образовании он говорит: «Просто потрясает, что люди с достоинствами и способностями должны стра-

¹ М-р Кибл, настоятель Херсли, член Совета Ориэла и профессор поэзии в Оксфорде.

дать из-за того, что их уводят по неправильному пути обычай и внутренняя убежденность. Разум, если опереться на него, подсказывает, что время детей их должно расходоваться не на заполнение головы массой хлама, который по большей части им никогда не потребуется (и, наверняка, им не нужен), о котором они не вспомнят даже и от которого просто вред, если его помнить, а на то, что им окажется *полезным*, когда они вырастут».

Он говорит о сочинении стихов: «Не знаю оснований, чтобы хоть один отец желал сыну стать поэтом, хотел бы от сына *отречения от всех призваний и занятий*, что еще не худшее из всего потому, что, случись ему стать неплохим рифмоплетом и носителем славы умника, могу лишь порекомендовать задуматься, а в какой компании и где станет проводит он время свое и на какой основе — ведь весьма редко мы даже слышали о том, что *на Парнасе открыли залежи золота или серебра*. (Воздух свеж, но почва — никудышная.)».

В другом рассуждении он ограничивает полезность в образовании связью с будущей профессией или родом занятий ученика, то есть он осуждает всякую мысль о воспитании интеллекта просто как таковую. «Может ли что-либо быть более смешным, — спрашивает он, — чем отец, выкидывающий деньги и время своего сына на оплату *изучения языка Римлян*, в то время когда *он хочет, чтобы сын получил ремесло*, занимаясь которым он обязательно забудет, не имея применения латинскому языку, то немногое, что почерпнул из школы, и что, десять к одному, он ненавидит за то, что оно оказало ему дурную услугу? Можно ли думать, что если бы среди нас таких примеров не было, что ребенка надо заставлять изучать рудименты такого языка, который он *никогда не применит на протяжении жизни, которая предстоит ему*, и за счет этого пренебречь хорошим почерком и умением считать, которые всегда требуются при любых жизненных обстоятельствах и в большинстве занятий незаменимы?» Ничто не может быть абсурдней пренебрежения в образовании такими материалами, которые необходимы для будущего призвания мальчика, но сам тон суждений Локка подразумевает очевидно нечто большее и несет осуждение любому преподаванию, которое направлено на общее развитие психики.

Обратимся теперь к его современным ученикам. Изучение Классики проводилось на основе оксфордского образования, упоминавшегося мной, а эдинбургские обозреватели в манере Локка

выражали свой протест на том основании, что система, не основанная на принципе утилитаризма, дать ничего не способна.

Они писали, что «классическая литература составляет предмет центрального значения в Оксфорде. Немало умов, занятых им, принесли с многочисленными трудами по этому предмету славу этому направлению, но если бы все свободные искусства и науки, *полезные для жизни человечества*, преподавались там, если бы *некоторые* посвящали себя *химии*, *некоторые* — *математике*, *некоторые* — *экспериментальной философии* и если бы приветствовали там всякое достижение, сочетающее наряду с трудностью еще и *полезность*, то система такого Университета оказалась бы много более ценной, хотя и в ущерб блеску, овеивающему его название».

Полезность может стать целью образования в двух отношениях: либо в отношении обучаемого индивида, либо по отношению к обществу вообще. В каком отношении рассматривают данные авторы этот вопрос? В последнем, конечно. И в этом они существенно отличаются, потому что для них прогресс науки выступает реальной целью Университета. Об этом прямо утверждается в приводимой ниже цитате.

«Если Университет долго предавался занятиям *бесполезными* вещами, то поначалу кажется, что превращение для них в *полезные* вещи — редукция. Цикл лекций по политической экономии в Оксфорде не приветствуют, могут отнестись к нему презрительно и даже не допустить. Как бы непристойным и достойным презрения оказывается само обсуждение огораживания общинных земель, импорта и экспорта, всякое приближение к реальной практике жизни. Точно так же Парр или Бентли просто возмутились, если бы кто-то поставил их в один ряд с человеком, открывшим природные залежи соли, а *при этом все-таки есть ли какая-либо мера пристойности интеллектуального труда помимо полезности его?* И что должно означать слово «Университет», если не то место, где преподают все науки, которые свободны и при этом также полезны для человечества? Ничего полезней для классической литературы нет в рамках пристойности, кроме *устойчивого и неколебимого курса на полезность* при оценке нами всего знания человечества... *Глядя всегда на реальную полезность как руководство к действию*, следует с равным наслаждением видеть просвещенный, взыскательный ум, классифицирующий плоды природы, изучающий свойства тел и овладевающий трудностями сложных языков. Не надо думать о том, химик это, натуралист

или теоретик, потому что мы знаем о том, что *необходимо* изучать этот предмет и подчинить его *использованию человеком* и поэтому вкус к этому должен быть привит, а воображение вдохновлено!»

Так провозглашено, по крайней мере на словах, о теории полезности в образовании. И ради нее самой, и в защиту способных людей, ее отстаивавших, в данном суждении, оказывается, есть на что обратить внимание в свете принципов, которые представляю здесь я. Будет приятно согласиться с тем, что достойно реализации лишь то, что полезно, а жизнь не настолько продолжительна, чтобы ее хватало на любопытные или интересные, блестящие пути. Напротив, в некотором смысле я допускаю, что она больше, чем просто приятная, она истинная, но если это так, то каким образом могу я предложить обойтись с этим возражением? Ведь раньше, Джентльмены, я уже имел с ним дело, когда высказался о том, что интеллектуальная культура и есть самоцель, ибо то, что само является своей *целью*, обладает собственной *полезностью*. Я считаю, что, если свободное образование состоит в культуре интеллекта, а такая культура сама благо, то, не идя даже далее, мы получаем ответ на вопрос Локка. Если здоровый организм есть благо сам по себе, то почему так же не благо и здоровый интеллект? А если колледж врачей является полезным учреждением, то разве не так же полезно учебное заведение, служащее просто и специализированно приданию энергии и красоты, а также масштаба интеллектуальной части природы нашей? Строгие обозреватели, которых я процитировал, явно позволяют себе все это в моменты своего взлета в том отрывке, который я, оставив в стороне вопрос о его фактической истинности, считаю здоровым и истинным в тех принципах, к которым он обращен:

«Настоящее положение классического образования, — пишут они, — в значительной мере чрезмерно культивирует *воображение* и в значительной мере недостаточно уделяет внимание прочим способностям психики и подготавливает массу молодежи в духе эlegantной имбецильности, совершенно недостойной тех талантов, которыми их наделила природа... Вся проблема состоит в том, что тот, кто учится в возрасте 23—24 лет, в принципе способен легко общаться с трудами, требующими воображения. Ощущения в этом возрасте быстры, фантазия живая, а вкусы хорошие. А вот таланта к *мышлению* и к *оригинальному познанию* у него нет никакого и нет также бесценной *способности доискиваться самых первоосновных начал всех вещей*, а также — собирать сухие и скучные факты в качестве материалов к размышлению. Все

твердые и мужские части его *познавательного аппарата* пребывают совершенно *невозделанными*, напряжение мысли он ненавидит, а каждого человека, у которого есть смелость и оригинальность, чтобы попросить его защитить свои взгляды и доказать свои утверждения, он просто подозревает».

5

В данный момент я не касаюсь конкретно вопроса о классическом образовании, взамен я обоснованно подвергаю сомнению организацию и дисциплину интеллекта, которые основаны на изучении Аристотеля, Фукидида и Тацита, что требует классической учености и античности, *воображения*; но я пока что с готовностью признаю, что культивирование «познания», «таланта к мышлению и способности доискиваться до первоосновных начал всех вещей» выступает главной частью *хорошего* или *свободного* образования. Если далее обозреватели рассматривают такое культивирование характеристикой *полезного* образования, то они, следовательно, подразумевают под «полезностью» то же, что я под «*хорошим*» и под «*свободным*», а вопрос Локка становится чисто словесным. Станут молодых людей учить латинскому языку или стихосложению — зависит от того *факта*, тяготеют ли эти занятия к мыслительной культуре, но как бы это ни оказалось определено, пока что ясно, что в том, из чего состоит эта мыслительная культура, как раз заключается то, что я называю либеральным или непрофессиональным образованием, а обозреватели называют образованием полезным.

Это — очевидный ответ, который можно дать всем, настаивающим на внесении полезности в наши планы образования, но я на этом предмете останавливаться не намерен, я собираюсь рассмотреть его шире. Примем «полезно» так, как понимает это Локк, в популярном и собственном смысле, и тогда мы тут же вступаем на обширное поле мышления, которому я не смогу уделить должного внимания в одной беседе, хотя не в состоянии уделить большего и сейчас. Я утверждаю, что за *полезное* мы примем не просто то, что хорошее, но и то, что имеет *тенденцию* таким стать и служит *инструментом* достижения хорошего, а в этом смысле я продемонстрирую, каким образом свободное образование может являться подлинно и целиком полезным, хотя при этом не будучи профессиональным образованием. В действительности «хорошее» означает одно, а «полезное» означает другое, но для меня основополагающим служит прин-

цип, который может сберечь наши заботы, согласно которому, хотя полезное не всегда хорошее, хорошее всегда является полезным. Хорошее не только хорошее, оно воспроизводит благо, это одно из его свойств, нет ничего превосходного, прекрасного, совершенного, желанного ради самого себя, оно всегда выходит за свои рамки, растекаясь себе подобным вокруг. Добро множится и преумножается, оно не только для взора, но и на вкус, оно не только нас притягивает, но и сообщается нам, оно возбуждает восхищение и любовь, желание и благодарность, а это происходит пропорционально силе и полноте своей в конкретных обстоятельствах. Если интеллект является столь превосходной частью нашей природы, а культура его столь превосходна, то он не только прекрасен, восхитителен, совершенен и возвышен сам по себе, в подлинном и высоком смысле слова — тогда он должен являться полезным для его обладателя и всех вокруг, полезным не в низменном меркантильном смысле, но как распространяющий добро и благодать, дар, силу или сокровище, сначала для обладателя, а через него и для всего мира. Я утверждаю, что если свободное образование есть благо, оно является неизбежно и полезным.

6

Перейдем к рассмотрению того, что я имею в виду под параллелью с телесным здоровьем. Здоровье есть благо само по себе, хотя ничего из него не следует. И достойно искать его и беречь, все-таки блага, сопровождающие его наличие, столь велики, непосредственно его окружающие и способствующие, что мы о нем мыслим исключительно как о благе, хвалим и ценим его за то, что оно есть, хотя в то же время не можем ясно указать ту четкую работу или продукт, которые оно дает. Точно так же и с интеллектуальной культурой, я далек от какого-либо отрицания полезности ее в общем плане — как конечной цели образования, как я ее понимаю, то есть культура интеллекта сама по себе есть благо в собственном смысле, мной не исключается мысль об интеллектуальной культуре, которая может только иметь место по самой природе вещей; но я должен отвергнуть то, что, прежде права называть его полезным надо указывать на то или иное искусство, ремесло, дело, профессию либо род занятий, вид труда как результат его и совершенную самоцель. Данная параллель — точная: как организм может быть использован для ручного или иного труда, умеренного или подавляющего, так и интеллект может быть направлен на ту или иную профессию,

и *это* я не называю культурой интеллекта. Ведь в данном случае, подобно тому, как какой-то член или орган тела может оказаться непропорционально нагружен или развит, так и память, или воображение, или способность к рассуждению — тоже, но опять-таки и *это* тоже не культура интеллекта. А с другой стороны, подобно тому, как может быть распрямлено тело, ухожено и тренировано ради простого общего здоровья, так и интеллект тоже может пройти общие упражнения ради совершенного состояния, и это *является* его культивированием.

При этом, если здоровье предшествует усилиям работающего организма, а также поскольку человек здоровый в состоянии справиться с тем, с чем не справляется нездоровый, и поскольку свойствами такого здоровья выступают сила, энергия, подвижность, грациозная осанка и деятельность, ловкость рук и выносливость, так и подобная общая культура психики есть лучшая помощь профессиональному и научному обучению, а образованные люди способны сделать то, чего не могут необразованные; люди, научившиеся мыслить и рассуждать, сравнивать, различать, анализировать, со сложившимся суждением и заострившимся мыслительным взором, не обязательно становятся сразу же юристами, адвокатами, землевладельцами или бизнесменами, солдатами, инженерами, химиками, геологами, антикварами, но они в состоянии освоить любую из профессий или любое призвание из перечисленных мной или любую иную, к которой есть вкус либо талант, сделав это непринужденно, легко, гибко и успешно, тогда как другим это останется чуждым. Поэтому в этом смысле, а я пока что об этом большом предмете сказал лишь несколько слов, умственная культура действительно является крайне *полезной*.

Если я доказываю, и буду доказывать, выступая против профессионального и научного знания как достаточной цели Университетского Образования, то пусть не считают, что я без уважения смотрю на конкретные дисциплины, искусства, профессии и на тех, кто ими занят. Говоря, что право или медицина не есть цель Университетского курса, я не имею в виду, что Университет не занимается преподаванием права или медицины. Что вообще возможно преподавать, кроме как что-то конкретное? Университет обучает всему *знанию* тем, что преподает все его *отрасли*, и другого способа не существует. Но я только утверждаю, что между профессором права или медицины, геологии, политэкономии в самом Университете и вне его будет различие, оно будет в том, что вне Университета этот профессор находится в опасности быть поглощенным и зауженным ро-

дом своей деятельности и своими лекциями, которые всего только лекции по праву, медицине, физике, геологии или политэкономии, а в самом Университете он просто будет знать, в каком состоянии пребывает его наука, и он сам находится, как он пришел в нее, как могло быть, но все это с некой высоты, приобретенной благодаря критическому пониманию всех наук, а от соперничества его удерживает сама конкуренция прочих учений, которые им почерпнуты на основе конкретной просвещенности, величия духа и свободы, а также самообладания, так что свое знание он рассматривает в свете философии и перспективы, которые связаны не с самой дисциплиной, а со свободным образованием.

Вот какое решение я вижу, чтобы не впасть в заблуждение, из-за которого Локк и его последователи отпугивают нас от культивирования интеллекта под тем предлогом, что всякое знание, не отвечающее немедленному применению, не являющееся механическим ремеслом или физическим секретом, не выступает полезным. Представляется, что возделанный интеллект, будучи сам по себе благом, привносит с собой в любую работу и любую сферу ту силу и ту изящность, которые ему присущи, чем бы он ни был занят, и тем самым проявляет еще больше пользы. Есть долг, который мы обязаны выполнять перед человеческим обществом, к которому принадлежим, перед государством, в котором находимся, перед областью, где действуем, перед индивидами, с которыми связаны различными отношениями и встречаемся на протяжении жизни; а то философское или, как я его назвал, свободное образование, которое есть подлинная функция Университета, если оно уступило самое главное место профессиональным интересам, делает это не в пользу первоочередного формирования гражданина и, подчиняя более общие интересы благотворительности другим, служит подготовке почвы для гонения на простые личностные предметы, те самые, которые оно поначалу внешне умаляет.

7

Теперь пришло время, Джентльмены, подробнее показать то, на что я ссылался ранее, обращаясь к иллюстрациям из сочинений авторов, перед которыми испытываю чувство незавершенности.

Д-р Коплстон пишет: «Бесспорным принципом политической экономии выступает то, что разделение профессий и разделение труда ведут к совершенствованию любого ремесла, к росту богатства наций, к общему благополучию, удобству общества. Данный

принцип разделения иногда преследуется столь масштабно, что вызывает некоторое недоумение у лиц, впервые с ним сталкивающихся. Нет речи о существовании пределов, до которых он реализуем; чем энергичнее сосредоточивается индивид на одном деле, тем выше искусство и сноровка, с которой он его исполняет. Но пока он таким путем вносит свой вклад в рост национального богатства, сам он оказывается пропорционально более приниженным как человеческое существо. Его духовные возможности и способности оказываются сокращенными в меру сужения сферы деятельности; он становится подчиненной деталью некой мощной машины, полезной на своем месте, но никчемной и ненужной в остальных случаях. Случись нужда, это бывает, чтобы общество подразделялось на части, а те на еще более специальные части, чтобы ряд соответствующих функций исполнялся хорошо, должна проявляться осторожность в том, чтобы не поддаться целиком и исключительно директивам такой системы; необходимо понимать, какие опасности и какое зло таит в себе она, следует вносить изменения и ограничивать ее, чтобы подключать также другие принципы, которые бы сдерживали и служили противовесами этой главной силе.

Нет сомнения в том, что всякое дело может быть усовершенствовано сосредоточием сил того, кто им занимается, только на нем одном. Но, *хотя само по себе дело или ремесло продвигается вперед благодаря этой сосредоточенности психики, поставленной ему на службу, человек, поставленный в такие ограничения, уходит вспять*. Преимущества для общества оказываются чуть ли не противоположными его интересам.

Само общество требует иного вклада со стороны каждого индивида, помимо частных обязанностей, связанных с профессией. И если не созданы условия для такого свободного сообщения, то в человеческой природе появляется общий дефект — поглощенность мелкими взглядами и интересами, недооценка значимости всего, что непосредственно человека не касается и воплощение частичных воззрений в те дела, где они неуместны, деятельность в виде разрозненных мелких шагов, искажающих и уничтожающих друг друга.

В заботе о развитии литературы находится то связующее звено, которое среди прочих высших и посредничающих сфер жизни людей служит сплочению противоборствующих сект, подразделений в некий единый интерес, которым создается общность тематики, основа единых чувств, не примешанных к тем узким предубеждениям, которым в большей или меньшей мере, но поражены все профессии. Это знание, кроме того, которое таким путем усва-

ивается, служит росту и расширению души, возбуждает способности ее и обеспечивает расширение свободы развития для всех органов и тканей, которые, в противном случае, из-за постоянного однопланового или специального упражнения могли бы многое утратить в жизненной энергии и природной гибкости. По этой причине, даже не давая человеку непосредственно никакого деятельного применения в жизни, это способствует общему обогащению и возвышению. Не преподавая никакого конкретного урока в профессии или призвании, это придает способность к действию во всех направлениях с повышенной гибкостью на более возвышенном уровне; если же удачно спланировать и провести это, то оно может служить главным составным ингредиентом в том совершенном и обстоятельном образовании, которое отвечает запросам человека, который „исполняет все обязанности и должности справедливо, искусно и мастерски — как частные, так и государственные, как на военной службе, так и в мирное время“¹.

8

Данный взгляд на свободное образование, выраженный в этих отрывках, развит м-ром Дэвисоном в трактате, который я уже упоминал. Он особо подчеркнул «полезность» свободного образования в обобщенном смысле слова более, чем сделал его предшественник в полемике. Вместо довода о том, что полезность образования для индивида изменяется в обратной пропорции полезности образования для общества, он упирает на положения, высказанные д-ром Коплстоном в заключительных его высказываниях. Он показывает, во-первых, что свободное образование есть нечто гораздо более высокое, чем то, что охватывается шкалой полезности, чем то, что обыденно именуется полезным образованием, и также — что оно необходимо или полезно для тех целей, которые преследует профессиональное образование, обычно считающееся достойным названия полезного. Последнее из упомянутых двух положений он нам рекомендует в качестве довода, откуда и приводятся эти выдержки:

«Крайней узостью оказывается такой взгляд на жизнь, когда думают, — говорит он, — что большое желание дать людям образованность в конкретной области надо связывать с относительным небрежением или даже исключением общего или широкого развития. В предлагаемой им (м-ром Эджвортом) системе ценность каждого

¹ Милтон об образовании. — *Примеч. ред.*

достижения измеряется его важностью для соответствующей области деятельности. Конкретные обязательные характеристики соответствующей области безмерно преувеличиваются в ущерб свободным и независимым вкусам и достоинствам, которые участвуют в обеспечении обычных взаимосвязей общественной жизни и способствуют возвышению в ней индивида. Человек, одним словом, оказывается поработанным своей профессией. Он пленник того, чего сам нахватал, закованный в это с головы до пят. Его достоинства, ученость, даже мысли целиком одеты в жесткую униформу и весь человек целиком охвачен, стеснен и оформлен по образу технической стороны его образования. Никакое комбинированное сочетание или умение, которое не имеет общественного назначения, если таковое оказывается вообще этому человеку доступным, не сможет прокрасться сквозь плотные одежды более утилитарного уровня всех его рабочих характеристик. Это и есть то состояние полного совершенства, в которое приводит нас общая направленность, заключенная в данной системе.

Но данный профессиональный облик — не единственное, что человек, занятый этой профессией, вынужден поддерживать. Он не всегда при исполнении обязанностей. Есть обязанности, которые не укладываются в русло частной, судебной, военной либо иной деятельности, характеризуемой эпитетами этого ряда, но при том они ничуть не менее важны в их внутренней ценности и в нравственной нагрузке для общества. В роли друга, товарища, вообще гражданина, в хитросплетении всех личных связей, в совершенствовании и украшении своего досуга — во всем этом у человека есть сфера деятельности, вращающаяся, если желаете, вокруг его профессии и в ее пределах, но не совпадающая с ней, в которой, если этот человек не умеет проявить своего превосходства, основанного на более совершенных знаниях, он, каковы бы ни были у него способности или развитие по профессии, является попросту дурно образованным человеком и не более того.

Есть способность, в которой все нации, независимо от развитости, являются великими практиками. В школах и колледжах этому как отдельной дисциплине не учат, хотя и следовало бы при обучении иным предметам как-то учить и элементам этого тоже, однако и обществом это тоже не преподается, и каждый обязан заниматься этим как может самостоятельно, что и делает всякий в рамках своих способностей. Вряд ли в чем есть большее различие, нежели в этом. Защитники идеи профессионального научения посмеются, если им сказать, что вот такой способностью, которую мы считаем

нужным развивать и поддерживать, является умение говорить на родном языке — просто так и без всякой оплаты — в обычном разговоре. Посмеются они тогда, когда этому окажется придано особое значение, однако в действительности это вовсе не такая уж мелочь, как они себе это представляют. Достаточно взглянуть на убогие хижины дикарей и убедиться в этом, ибо слушать там нечего, удручающая пустота дурацких часов полного безмолвия, когда наступает время после профессиональных занятий, будь то войной или охотой, а, если им нечем заниматься, то нечего и сказать. Поверните взор к более совершенной жизни и обнаружите беседу во всех формах в качестве среды, которая есть нечто большее, чем праздное наслаждение, она даже служит очень активным средством в распространении и формировании мнений, вкусов и чувств у целых народов. Само по себе это представляет собой огромный мир. И тематика беседы максимально многообразная — охвачены все и вся, что не относится к конкретной сфере. Что касается силы и влияния, то можно со всей справедливостью утверждать, что по своим последствиям для общества она имеет столь непосредственное воздействие, как и то, что оно делает, какие поступки совершает. Теперь обо всех, кто вносит свой вклад в рациональные разговоры; известно, как просто умеющих, способных лишь самобытно участвовать в общении, почитают за наихудших. Бесплодность и полное отсутствие поучительности от таких людей в ходе общения давно стали нарицательными. А если такой индивид и не оказывается скучным, то только потому, что занят не ко времени высказыванием заученного. Лекций и речей его слушать не хочется, а ничего другого он не умеет. В учреждении это может быть влиятельное лицо, но посаженный на должность — это совершенно другой человек. И можно, с другой стороны, утверждать, что одним из лучших товарищей явится человек, который по возможности и по смыслу профессии приобрел широкое свободное ознакомление с многообразным учением и уловил из этого дух общей наблюдательности».

9

Продемонстрировав, что свободное образование дает реальные блага его носителям как членам общества при различных обязанностях, и условиях и ситуациях жизни, он далее показывает, что к тому же сверх и помимо всех функций, которых закономерно от него ожидают, оно также служит и тем, в частности, функциям и преследует те устремления, которые связаны с отпращиванием са-

мой профессии и на которые направлено профессиональное образование.

«Мы допускаем, что, когда человек делает одно дело единственным призванием, он становится на верный путь достижения в нем совершенства, а распределенность внимания большинству редко приносит успех. Но далее этот путь не может вести. Мысль о том, что решающий способ обеспечить человеку превосходную подготовку в одном деле (а именно об этом речь) является стеснение в широте занятий и сковывание его ума в направлении развития, под предлогом якобы излишности их для этого дела, — неверна и отражает совершенно иное представление, такое, с которым надо не соглашаться, которое требуется уничтожить. Возможно, что какое-то редкое и совершенно изолированное научение может осуществляться на этом пути. Но для усвоения профессии и для практической способности работать подобные принципы являются смертоносными. Главными в таких способностях выступают, как составляющие части, требуемое знание и развитые способности, но из них последняя намного главнее. Человек с более усовершенствованными способностями оказывается превосходящим знание другого человека. А тот, кто не обладает таковыми, не владеет и своими собственными знаниями.

Из интеллектуальных способностей самой главной и ведущей в жизни выступает рассуждение. Как сформировать его, чтобы оно обладало двумя свойствами, точностью и живостью, является проблемой. Было бы неразумно предположить, что есть некая организованная очередность методических шагов, которыми эти характеристики можно было бы привить любому и каждому уму. И все же можно сказать наверняка, что они не привьются сложением вместе простых повторений элементарных действий, но требуют комбинирования и сущности, и фрагментов множества разных вещей, получаемых из множества разнообразного чтения и занятий, в первую очередь, и во вторую — наблюдений. Потому что если только одна истина имеется в голове, если человека научили думать только о чем-то одном, только лишь об одном предмете, то никогда он не будет способен судить хорошо даже и о нем, а рост круга знаний дает прирост знанию и силе разума в быстро увеличивающемся масштабе. Так и мысли функционируют не как одиночные единицы, но группами и в сочетании, и точно так же и с прочими вещами, которые подпадают под действие той же способности психики, переплетаются и взаимно поддерживают друг друга. Суждение питается и действует на основе сравнения и раз-

личения. Так можно ли сомневаться в том, что, если разнообразие и масштаб всего того собрания вещей, на которых оно основывается в своих первых опытах, велики, то они несут для его способности пользу?

Прольем еще больше света на этот вопрос, определим в этой связи, что такое способность рассуждения, а затем попытаемся установить, в каких видах учебы возможно вообще ожидать ее совершенствования.

Рассуждение не означает здесь какого-то собственного, полезного свойства интеллекта, которое бы охраняло личность от совершения ошибки, наносящей ущерб личному достоянию или публичной репутации, но означает главный принцип ведения дел, занятий литературой и одаренность, позволяющую *ухватывать сильный пункт во всем этом*. Является или нет данное определение метафорически верным, но оно соответствует сущности поставленной проблемы. Оно описывает силу или способность, которую хотел бы приобрести каждый самостоятельно действующий в той или иной профессии или еще где-либо, а также оно соответствует правильному представлению о культуре ума.

Далее, нельзя отрицать, что, если стараться что-то сделать для способности рассуждения, психика должна быть занята предметами, которые оказываются в рамках познавательного действия этой способности и давать его восприятиям некоторую реальную нагрузку. Здесь действует правило выбора, на основе которого разные части нашего научения могут классифицироваться для наших целей. Принадлежат к области такого рассуждения религия (в ее доказательствах и толкованиях), этика, история, красноречие, поэзия, теории общего рассуждения, изящные искусства и произведения остроумия. Огромные, какими могут показаться эти крупные подразделения учености, все они держатся на двух главных принципах связности. Во-первых, все они разрабатывают один и тот же великий предмет человеческой нравственной, социальной и чувственной природы. И во-вторых, они все под контролем (более или менее строгим) одной и той же единой власти нравственного разума.

И если эти изыскания, — рассуждает он далее, — таковы, что дают непосредственный выход в практику для способности суждения, то они являются подлинными основами образования для становления активных и новаторских способностей, как направленных на профессию, так и любого иного назначения. При всей кажущейся пестроте собранные воедино и история, и красноре-

чие, и поэзия, этика и т. д., — вместе они сочетаются и образуют единый союз. Они необходимы для взаимного объяснения и толкования друг другом. Знания, получаемые от них всех, сливаются в сплав и способности ума, полученные из взаимодействия с каждым из этих предметов, сольются воедино в новом потоке мышления, окажутся примененными на практике более широко и общо, чем это достижимо на основе любого отдельного знания, подобно тому, как сплав металлов в латуни дает для художника неожиданно податливый и совершенный материал. Почему же не решиться последовать примеру одного автора (которого намного безопасней принять за авторитет, чем пытаться копировать), лорда Бэкона, в некоторых из его сжатых иллюстраций сравнительной полезности разных наук и сказать, что история должна обеспечивать полноту, нравственная философия — силу, а поэзия — возвышенность нашему знанию. Такова на самом деле реальная сила и направленность этих дисциплин, бывают редкие умы, чувствительные в достаточной мере, чтобы извлечь из них всякого рода преимущества, соответствующие этим высоким выражениям. Мы поэтому должны удовлетворенно понизить высоту наших панегириков в этой связи, сказав, что человек не может совсем избежать получения некоторых вливаний и микстур, по крайней мере, некоторых из упомянутых качеств из курса этих разнообразных занятий. Лишь одно несомненно, а именно — что элементы общего рассуждения не встречаются в полном и подлинном изложении в каком-то отдельно взятом учении, и что пожелавший постичь их уникальность должен будет обратиться к прочтению многих книг.

Многие виды учений оказываются полезными, потому что служат взаимному исправлению, потому что они, имея каждый по отдельности свои достоинства, обладают, очевидно, и недостатками, которые в состоянии произвести поверхностный и узкий интеллект, пораженный тем или иным пороком недостаточного чтения. История, например, демонстрирует то, каковы вещи в действительности, то есть всю исковерканность и извращенность нравов у людей из-за несовершенств их страстей, глупости и претензий; философия чрезмерно оголяет эту картину; поэзия ее принаряжает сверх меры, но сосредоточенное освещение ее всеми тремя источниками исправляет своеобразие, вносимое окраской каждого и выявляет пред каждым истину. Правильное осмысление предмета в данном случае может быть получено применением их всех вместе взятых, как об этом знает всякий, кто наблюдал

совместное их воздействие на мышление и на мужественное мироощущение у нашего бессмертного государственного деятеля г-на Берка, чье красноречие уступает только его еще более восхитительному уму. Раз вообще душа достигает подобного совершенства, наша задача направиться к самому первоисточнику по примеру такого человека и изучать не его труды, а методы его, ибо первые нам предоставят жалкий удел подражателей, но вторые позволят развить собственные способности. Сама биография его, как и всякого иного способного мыслителя, убеждает в том, что не скарденное отмеривание разных видов занятий под какой-то будущей предмет (а это и составляет кредо у м-ра Эджворта), но на основе широкого охвата, свободного и прибегающего к огромному большинству предметов без какой-либо иной цели, кроме идеи о том, что заниматься ими — это средство стать более разумным и интеллектуальным существом».

10

Пришла пора завершить эти цитирования. На сегодня я ограничился утверждением о том, что образование интеллекта, которое служит лучшим интересам индивида само по себе, обеспечивает ему исполнение его долга перед обществом самым лучшим образом. Философы, люди светские, могут различаться в представлениях, но в методах, которыми они сами сформированы, они оказываются во многом похожими. У философа такое же владение проблемами мышления, как у истинного гражданина или делового человека — владение проблемами своего дела или поведения. И если Университету должна придаваться какая-либо практическая цель, то ею должно стать обучение хороших членов общества. Ремеслом его выступает искусство социальной жизни, а его целью подготовленность для мира. И он не ограничивает своего взгляда каким-либо кругом профессий, но и не создает героев, как и не вдохновляет гениев. Ведь труды гениев лежат вне всякого рода занятий, а герои не соответствуют никаким установленным правилам, и Университет не является колыбелью для поэтов и для бессмертных авторов, основателей школ, лидеров колоний, завоевателей народов. Он не обещает нового поколения ньютонов и аристотелей, наполеонов и вашингтонов, рафаэлей и шекспиров, хотя в рамках своих стен когда-то ему случалось вмещать такое чудо природы не раз. Не занимается он при этом и формированием критика или экспериментатора, экономиста или инжене-

ра, хотя и они в его диапазон деятельности входят тоже. Но подготовка в Университете выступает самым настоящим, обычным и великим средством достижения великой, но обычной цели, она направлена на поднятие интеллектуального тонуса общества возделыванием общественной психики, очищением национального вкуса, обеспечением подлинных принципов народному воодушевлению и твердых целей народному чаянию, приданию роста и трезвости идеям века, способствованием осуществлению политической власти, и очищению общения в частной жизни. Именно образование придает людям ясное сознание в собственных взглядах и суждениях, в истинности их развития, в красноречии их выражения, силу в их воплощении. Оно учит видеть вещи в истинном свете, видеть сущность в деле, распутывать главное в мыслях, выявлять совершенное и отбрасывать второстепенное. Оно подготавливает к занятию любого поста с достоинством и к овладению всяким предметом с легкостью. Оно показывает человеку, как правильно приспособиться к другим людям, как понять их состояние души, как стать им понятным самому, как добиться взаимопонимания и наладить отношения. Такой человек на месте в любом обществе, он всегда имеет общее с представителем любого класса, он знает, когда сказать и когда промолчать, он умеет беседовать и слушать, способен настаивать с вопросами, и разумно принять урок, если ничего не может дать сам, он всегда готов и никогда не помеха, хороший товарищ и надежный партнер, знает меру серьезности и пустячности и обладает четкой тактичностью, позволяющей изящно шутить и придать эффект серьезному поступку. Ему присущ мир души, который всегда существует в нем, давая источники счастья на родине, если нет возможности отправиться за границу. У него имеется дар, который служит и обществу и поддерживает его при отставке, без которого удачная судьба — всего лишь вульгарность и с которым даже в неудаче и разочаровании есть обаятельность. Искусство, которое направляет к этой цели человека, выступает предметом, который столь же полезен, как искусство богатства или искусство здоровья, хотя оно не столь доступно методически, менее осязаемо материально, менее надежно и менее совершенно вследствие этого.

БЕСЕДА VIII

ЗНАНИЕ, РАССМОТРЕННОЕ В СВЯЗИ С РЕЛИГИЕЙ

1

Теперь предстоит завершение того исследования, которое было начато три Беседы тому назад и которое уже по причине своей продолжительности, если не по какой иной причине, достаточно нагроулило уважаемых слушателей.

Прежде всего мной был заявлен принцип, согласно которому Знание само по себе является наградой. Я показал при том, что рассматриваемое в этом свете оно называется либеральным знанием и является сферой действия учебных заведений.

Далее мной было изучено, *что* разумеется под знанием, если оно преследуется как самоцель, при этом мной было показано, что для того, чтобы соответствовать данной идее, у философии должна быть собственная *форма*, или иными словами — ее содержание не должно питать душу пассивно, как многое из усваиваемого, но должно присваиваться как система, составленная из частей, связанных одна с другой и истолковывающих одна другую в этом единстве целого.

Затем я показал, что философское осмысление области знания как целого, приводящее, как это имеет место, к пониманию различных его разделов и соответствующей их оценке, смогло бы впоследствии по праву называться просвещением и верно получило название духовного роста, потому что выступает четким размещением сущностей друг относительно друга, словно в пространстве, и при этом оно прежде прочего являлось собственно возделыванием души и приведением ее к наилучшему состоянию, то и другое возможны потому, что обеспечивают интеллекту видение вещей такими, какие они суть в истинном свете, в отличие от фантазии, мнения и теории, благодаря взаимосовершенствованию различных его сторон.

Таково то знание, которое достойно соискания его ради его собственного достоинства, хотя оно при этом не обещает никакого яв-

ного преимущества. Дойдя до этого момента, я сделал наблюдение, согласно которому по самой природе данного случая то, что имеет столь значимые блага само по себе, не может не обладать рядом внешних применений, хотя и не несет с собой прямого указания на них, всего лишь на том основании, что *является* благом, и что по необходимости это также источник блага для общества, значительного и многообразного на фоне своего внутреннего превосходства. Подобно нравственности, лучшей политикой служит честность как наиболее выгодная форма деятельности, хотя таковая польза не может быть непосредственно выраженной в виде достоинства, так и в отношении Интеллекта с его достоинствами: обладание ими — само по себе благо и уже достаточно, но все же это, по существу, — тень, неотделимая от него, а именно — от его социальной и политической полезности. И это — предмет, которому посвящена предшествующая Беседа.

В данном предмете остается еще одна часть — та интеллектуальная культура, которая сама столь возвышенна, что не только оказывает действие на социальные и активные обязанности, но даже связана с Религией. Образованная душа может считаться в некотором смысле религиозной, то есть в ней имеется то, что можно считать Верой как таковой вне связи с католичеством, частично с ним взаимодействующей, отчасти его замещающей, в одно и то же время служащей в защиту и выступающей источником забот для Церкви в католических странах, а также и в странах прочих, которые когда-то были их противниками, либо состояли в противном оборонительном союзе. История школ и академий, литературы и науки вообще, мне представляется, даст немало подтверждений в оправдание сказанному. Коль скоро поэтому моей целью в этих Беседах является утверждение конкретных функций и действий за Университетом, как таковым, рассматриваемом в его связях с различными инструментами обучения и преподавания, которые с ним сопряжены, мой обзор их всех не будет полон, если я не попытаюсь, как я это предлагаю сейчас сделать, выявить его общее отношение к Религии.

2

Правое мышление, то есть мышление, осуществляемое правильно, ведет душу к католической Вере и сеет ее семена там и учит ее во всех религиозных помыслах действовать под ее руководством. Но разум, рассматриваемый как реальная сила в мире, как

рабочий принцип в природе людей, с его историческим направлением и определенностью результатов далеко не способен вести в желанном прямом и удовлетворяющем нас направлении. Он себя рассматривает с начала и до конца независимым и стоящим надо всем, ему не требуется внешней авторитетной силы, он сам себе религия. Даже когда он согласен с католичеством, он не отправляется на покой, в нем есть действие и развитие с самостоятельным потенциалом, как это имеется у страстей, или нравственных переживаний, или у принципа эгоизма. Духовная благодать, говоря языком Теологии, своим присутствием не предшествует природе, а природа как таковая не входит ни с ним в конкуренцию, ни в союз с благодатью. Природа следует направлению, то совпадающему с таковым у благодати, то нет, то расходящимся, то параллельным ей в пропорции и собственному несовершенству, и прелести, и влиянию, которое благодать на нее оказывает. И то, что происходит с прочими принципами нашей природы и их изменениями тоже оказывается связанным с мышлением. Существует, как известно, религия воодушевления (энтузиазма), или предрассудочного невежества, государственничества, а в каждой из этих религий есть что-то от католичества, но в то же время католичество противоречащее. Существует разновидность религии воинствующего народа, религия пастушеского народа, есть религия грубых времен и точно так же есть религия времен цивилизованных, культивированного интеллекта, философа, ученого, благородного человека. Это религия разума, о ней я говорю. Рассматриваемая сама по себе, она близко напоминает католичество, от которого, конечно, четко отличается, ибо католичество есть одно целое и не позволяет компромиссов или изменений. Но это взгляд абстрактный, а в фактическом разрезе и в отношении к индивидуальным лицам нам без труда удастся рассмотреть эту философскую религию, присутствующую во всякой католической стране, как некий дух, влияющий на человека до известной степени — во благо, во зло и в обоих направлениях дух века, который имеет место, подобно действию среди католиков, и даже шире, и с большим успехом не только в стране католиков, но конкретно тот же самый в той стране, который существует в католической общине. Конкретной проблемой перед нами оказывается изложение очерка того, насколько мы сумеем установить это, что есть религия цивилизации и определить, каково наше положение относительно тех принципов, доктрин и правил, которые нам дало Небо в католической Церкви.

И вновь здесь, когда я говорю об Истине Откровения, едва ли есть нужда говорить о том, что я не высказываюсь о главных позициях веры и основных ее положениях, которые содержатся в Символе Веры. Если бы мной затрагивалась материя философии, которая непосредственно затрагивает Символ Веры, то я рассуждал бы об этом как сопоставимом с исповеданием католичества. Философия, о которой я веду разговор, в рамках Церкви или вне ее, не обязательно сознательно учитывает Символ Веры. Если страна является католической, то образованная душа принимает ее положения как само собой разумеющееся — просто на основании внутренней веры, а если нет, то там они игнорируются так же, как и вся суть содержания, к которому они относятся, как не влияющие на социальные и политические интересы. Истины о Сущности Бога, о Его делах с родом человеческим, об экономии искупления — это в одном случае смиренно влечет согласие и принимается, в другом их принимают как всего только простые мнения, которые не могут иметь решения и у которых нет над нами силы делать нас лучше или хуже. Не говорю здесь о великих предметах веры, когда рассуждаю о католичестве, но говорю о католичестве, мысля о нем как системе пастырского наставления и нравственного долга и вынужден иметь дело с его доктринами главным образом потому, что мы подчинены этому направлению сознания и поведения. Я говорю об этом потому, например, что учу о поверженном состоянии человека, о полной его неспособности достичь рая каким-либо из самостоятельных деяний, о нравственной определенности человека, если он предоставлен себе и своим силам, потерять свою душу, о простом отсутствии всяких прав и претензий со стороны Творения Божьего в присутствии Создателя, безграничных прав Создателя на служение творения Своего, о повелевающем и обязательном голосе совести, о непостижимом зле чувственности. Я говорю об этом как учению о том, что никто не попадет в рай иначе как по милости Бога или без возрождения природного, что без веры невозможно снискать его расположения, что сердце является обителью и греха, и послушания, что благотворительность есть исполнение закона, что включение в католическую церковь есть обычное средство спасения. Такими уроками католичество отличается как народная религия, к этим предметам обращен и культурный интеллект: я вынужден сравнивать и противопоставлять, не быть исповедником доктрины, но являться носителем нравственного и социального учения философии, с одной стороны, и католичества — с другой.

3

Теперь, приступая к данному предмету, можно сразу видеть то преходящее преимущество, которое философ приобретает над пасторами Церкви. Очевидно, что первый шаг, который они должны предпринять в отношении обращения отдельного человека и обновления его сущности, состоит в спасении его от ужасного впадения в обычное для него состояние. Стать способным вырваться из пут такого рабства, распутать и отвести десятки тысяч тех пут, которые удерживают сердце, это равносильно тому, как осилить подороги в рай. В этом случае даже божественная благодать, если говорить о вещах так, как они являются нам, оказывается обыкновенно в смущении и оказывается обессиленной, замедляется, лишённая запасов силы перед этим гигантским влечением. Религия — слишком возвышенная и неземная, чтобы быть в состоянии осуществлять на нас непрерывное влияние: ее усилия в пробуждении души нашей и способности души сотрудничать не так чрезмерно сильны, чтобы длиться долго. Это как держать руку вытянутой на полную длину и удерживать некий тяжелый груз, с которым какое-то время удастся справиться, но вскоре наступает истощение и приходится уступить. За пределами собственной сущности ничто действовать не сможет; если человек оказывается призванным выполнить нечто сверхъестественное, что всегда становится возможным, если есть повиновение, хотя ему и даны все силы помощи свыше, то даже и с ними это является неодолимо трудным. Человека тогда вновь влечет к земле с непринужденностью и прочно, под действием природной тяжести, и лишь внезапными импульсами становится возможным совершать напряженные рывки, в которых человек старается возвыситься. Религия действительно просвещает, ужасает, подчиняет; она придает веру, она вызывает раскаяние, она вдохновляет решимость, она источает слезы, она возжигает преданность, но только в конкретном случае. И надо повторить, что она сообщает внутреннюю силу, которая в состоянии осуществить большее, чем это все; я не забываю ни о действительной достаточности всех сил помощи, ни об ответственности тех, в ком их нет. Я вообще не обсуждаю теологических вопросов, лишь рассматриваю явления такими, какими они лежат передо мной, и говорю, что на практике грешная душа кается и клянется, что больше грешить не станет и на какое-то время оказывается защищенной отвращением и омерзением от злобности своего врага. Но враг этот прекрасно знает,

что такие периоды раскаяния имеют особенность заканчиваться: и он терпеливо выжидает, как подведет природу ее усилие к сопротивлению и таится пассивно до следующего доступа к искушению. И тогда нам требуется какое-то средство достижения цели или инструмент, которым можно хотя бы заслониться или отвести приход нашего духовного врага, который является достаточно родственным и равным нам самим, чтобы прочно удерживать так же, как соблазны чувственных вожделений. Мудрость наша дает возможность пользоваться природой нашей против нее самой же. Поэтому печаль, болезнь и забота выступают судьбоносными противниками по отношению к внутренним расстройством, по мере движения лет вперед они приходят к нам и обычно производят свое естественное воздействие на нас в той пропорции, в которой мы подвержены их воздействию. Поэтому они являются не нашими собственными, а Божьими средствами; поэтому нам требуется похожее лекарство, которое мы сами способны создавать, предмет какой-то законной способности или цель некоторой природной сопричастности, чтобы это находило место в нашей душе и таким образом противодействовало влиянию в соответствии с чувственностью и служило бы для недуга своеобразным средством наподобие гомеопатического лекарства. В этом важная роль принадлежит культуре интеллекта, которая спасает от пожирания страстями и самоволия. В этом нет религиозной мотивации, это не служит причиной или собственным antecedентом чего-либо сверхъестественного, нет в этом ничего от благостыни божественного содействия или награды, но оно совершает определенную работу, по меньшей мере — это *материально* есть благо (как говорят теологи), каково бы ни было его реальное и формальное значение. Оно изгоняет возбуждение чувства внесением такого же возбуждения интеллекта.

Это поэтому *в первую очередь* есть польза следования получению знания, им отворачивается прочь душа от вещей, которые ей вредны, и направляется к предметам, достойным разумного существа; и хотя это не ставит ее выше природы, не заключает в себе никакого направления к тому, чтобы осчастливить Творца, но разве можно представить себе что-либо взамен, само по себе столь безобидное, если не сказать большего, и невыразимо опасное? Так ли мало это: в обмен на круг мыслей, которые, несомненно, порочны, такие, которые, несомненно, не порочны? Возможно, вы скажете словами апостола «знание приносит гордыню», а культура ра ума, вне сомнения, даже если она успешна в описанных мной

целях, может оказываться также ничем иным, кроме замены гордыни на чувственность. Я допускаю это, я считаю, что должен кое-что высказать сейчас по этому вопросу, но это не обязательно есть следствие, это неизбежное зло, опасность, которая может осознаваться и быть предотвращенной, тогда как во многих случаях нам предоставлена возможность предсказывать вину, и вину злейшего вида, когда душа подвергается необузданному буйству и ее мысли остаются без обучения, без какого-либо обуздания законом, а потому задача отвращения души прочь от смертного греха есть добродетель, поэтому это — достижение, что бы с ним ни было привнесено. А подобно тому как друзья познаются в беде, я считаю, что интеллектуальные занятия, хотя они не более чем занимают ум вещами по сути благородными и невинными, обладают особой ролью для формирования нашего чувства, должного и для благодарности.

4

Но и это не все: знание, та дисциплина, при которой оно приобретено, а также вкусы, которые оно формирует, естественным образом формируют ум и придают ему определенную направленность изнутри, просто естественную, но вполне реальную и, даже больше, отвращение и омерзение к излишествам и чрезмерностям зла, которые обыкновенно достигаются в значительных масштабах теми, кто с самого начала не позаботился о мерах против всего порочного и преступного. В душе это создает изощренность, что сродни изяществу и нежности добродетельной природы, не притязающей на высокие принципы, как, например, нездоровая привычка в отношении пищи, и эта изощренность, хотя она не касается никаких высоких принципов, хотя не служит защитой на случай бурного искушения, и в своей работе не является надежной, но все же она нередко, и даже зачастую, оказывается достаточно сильной, чтобы создать абсолютное неприятие некоторых правонарушений, либо неприязнь и негодование в отношении них как недостойных Джентльмена, тогда как более грубые природы, даже и такие, которые много более религиозны, оказываются во власти искушения и даже предаются ему. Едва ли возможно преувеличить значение того предохранителя, который на своем месте оказывает такое действие, когда речь идет о громадном числе людей, брошенных в открытом поле света, лишенных присмотра и сдерживающего действия общественного мнения. Во

многих случаях грехи, о которых человек слышал однажды, даже не придут ему в голову; другим же придется натолкнуться на чувство стыда или внезапной застигнутости, и это станет достаточным, чтобы остановить их в решающую минуту. Таким образом, та разборчивость, о которой идет речь, может создать простую ненависть к тому жалкому тону в беседе, который, когда он присутствует, а это случается в мире, есть постоянное топливо для зла, сложенное вокруг души: больше того, это же служит условием и некоторой нерешимости и неопределенности при возникновении мыслей о дурных действиях, а это ведь постоянная тревога души, действующая до минования опасности. И хотя это не заключает в себе направления по исправительной работе над устройством сердца или по охране его от иных форм тех самых зол, которыми оно бывает окружено, в тех особенных условиях, когда они могут возобладать надо всем прочим, следует повторить, что могут иметь место такие случаи, когда дается начало, пусть и случилось грехопадение, столь острому раскаянию и такой сильной ненависти к себе, что их едва достаёт для залечивания случившегося нравственного нарушения и предупреждения его повторений впредь — наподобие того мота, который с высоты своего транжирства, обзрев все, скатился до положения скупца и оставался им до конца дней своих.

Хотя все это в некотором смысле верно и в наше особенное время, когда силы ума и тела подвергаются испытанию, но до некоторой степени силы зла, в том числе наказующей беспощадности, сильные в иные времена, стали умереннее. В периоды грубости и полуварварства в условиях такого, как наш, климата, чувства наши, насколько они вообще передают чувствования, сообщают нашей психике ощущения дискомфорта. Подверженность всем стихиям, социальному беспорядку и беззаконию, тирании власть имущих, нападением врагов — это суровая дисциплина, оставляющая ничтожные периоды времени и берущая высокую цену за праздность и за чувственность. Грубая еда, скудные одежды, тяжкий труд, жизнь без оседлости, военные ограничения, плохие лекарства, которые составили сейчас испытание для некоторых классов общества, были когда-то уделом всех или почти всех. В дремучих лесах и диких пустынях средневековой эпохи чувства религиозности и предрассудочности природно встречались в людях, и население в этом разделяло свой мир с миром миссионеров и пастырей, храня благородную простоту обычаев. Но с развитием людей общественных они стали собираться в горо-

да и приумножаться в ограниченных пространствах, закон обеспечил им безопасность, искусство — удобства, хорошее правление освободило их от храбрости и мужественности, а монотонность жизни отбросила их на удел самим себе, кто же теперь не видит, что не стало ни защиты от происков зла, что порок стал просто реакцией на нездоровый труд, а избыток чувственности стал неисчерпаемым невежеством? Практическая добродетель современности хорошо поняла это и особо занимается планами по снабжению населения наших городов интеллектуальными и возвышенными видами досуга. Дешевая литература, библиотеки с собранием полезного и приятного знания, специальные лектории, музеи, зоологические коллекции, здания и сады, дающие наслаждения глазу, отдохновение чувствам, внешние предметы всякого рода, которые сами способны отвлечь душу, дать ей рост и возвысить ее в свободных размышлениях, такие человеческие средства, которые, к счастью, имеются сейчас, противостоят атакам нравственных зол и удерживают врага на дистанции как индивидуально, так и в социальном масштабе.

Вот средства, которыми в век развитой цивилизации общество борется с такими нравственными нарушениями, которые противны Разуму и Откровению, и следует отметить также их службу делу Религии. Более того, они оказываются первыми в ряду влияний, которые осуществляет наша культура интеллекта на нравственную природу и на тот вид христианства, который повсеместно о себе заявляет в виде истинности, неподкупности, справедливости, честности, добродетели и дружелюбности, и поэтому трудно себе даже представить такой характер, который оказался бы более прекрасным, более располагающим во всех сферах жизни и личном быту, чем тот, основу которого создала культура, естественно располагающая к добродетели. Если вообразить в размышлении картину, отвечающую идеалу, охарактеризованному апостолом под названием благотворительности, во всей его прелести и гармоничности, благородстве и уважении к другим и в самопожертвовании, то невозможно найти лучшего, чем этот, очерка такой философии, образчики которой, с большей или меньшей точностью, но оказываются встречающимися в обществе цивилизованного века. Достаточно направить вас, Джентльмены, к материалам биографий и деятельности как современников, так и других людей, которые время от времени появляются в печати, чтобы стало возможным убедиться в том, как велико воздействие интеллектуального начала на наши нравственные сущности, если

нравственный материал богат и интеллектуальное начало совершенно. Нам всем случается встречать индивидов, которые заслуженно вызывают у нас любовь и восхищение, мы почти обожаем их как создание наших собственных рук; религиозные принципы, то есть вера, здесь просто в стороне, но само творение — так же ничуть не сверхъестественное, как, несомненно, благородное и прекрасное. Подчеркну это: интеллект играет свою роль, но на важности его надо настаивать потому, что он имеет значение в свете тех выводов, к которым я намерен привести наше исследование. Коренное отличие данной духовной организованности от истинной Религии, вопреки внешнему сходству их, вращается вокруг одного момента, вокруг которого строится все данное рассуждение, хотя подобное уточнение может вполне быть приписано поверхностными и малосведущими наблюдателями либо лицами со специфическими взглядами, христианскому источнику. А коль скоро это так и обстоит, полагаю, что есть смысл, прежде чем заняться описанием конкретных особенностей, указать читателю в явной форме на те элементарные принципы, которые лежат в основе нравственности.

5

Вам, Джентльмены, понятно без пояснений, что сказанное мной сейчас о ненависти и презрении, которые испытывает культурный человек в связи с некоторыми видами порока, неизбежно сопровождается переживанием решительного отвращения и глубокого смирения, если случается, хотя бы в малейшей степени, оказаться возле них. Основы этого чувства могут быть в вере, но могут и не быть в ней, оно не содержит ничего религиозного само по себе. Если совесть воистину существует прирожденно в груди, и она вносит в нас страх либо стыд; когда душа собой просто недовольна, и ничего более, то подлинный смысл, несомый голосом природы, и глубинный его смысл оказываются забыты, а ложная философия извращает те эмоции, которые призваны вести нас к Богу. Страх означает нарушение рамок закона, а закон означает наличие законодателя и судьи; однако тенденция интеллектуальной культуры состоит в утрате глубин страха и самоупрека, а самоупрек оказывается направленным и ограничивается лишь тем, что подходит и нравится. Страх выводит человека за свои рамки, а стыд может подействовать на человека только в пределах круга его собственных мыслей. Такова опасность, поджидающая нас в

век цивилизации, такова природа постоянно готового свершиться греха (ни в коем случае не неизбежного, упаси боже, либо нам следовало бы отказаться от пользования самими дарами Божьими), но именно таков грех интеллекта; совесть склонна превращаться в то, что называется нравственным чувством; веление долга оказывается сродни вкусу; грех не есть преступление против Бога, но против природы человеческой.

Менее приятные образцы этой мнимой религии встречаются не так уж редко на моей родине. Я чистосердечно могу процитировать по этому поводу слова поэта:

Со всеми недостатками твоими, о, Англия, я все равно люблю тебя,

но ни один католик закрыть на них глаза не может. Люди в ней бывают с большими достоинствами, но с гордыней, буйством, привередливостью и скрытностью. Почему так? Не потому ли, что они мыслят и поступают так, словно нет в их религии ничего объективного; не потому ли, что совесть для них не есть слово законодателя, как тому бы следовало быть, а просто диктат собственной души и ничего более; или это потому так, что они никогда не возвышаются над собой и видят, и простираются душой не до замысла Творца, а погружены только в представления того, что свойственно им в себе, в пределах собственного достоинства и собственной логики. Совесть и сознание стало у них просто самоуважением. Вместо исполнения одного дела и затем другого, как продиктовано их назначением, в вере и послушании они пренебрегают тем, что можно назвать скреплением деяния с деянием, оставляя Ему всю работу по приведению разрозненных частиц поступков в единое целое, а единый, пусть подчас и неосознаваемый, предмет их забот — это создание гладкой и законченной внешней маскировки и возможности сказать себе, что личный долг исполнен. Они испытывают, если совершают порочный поступок, не искреннее раскаяние, предметом которого выступал бы Бог, а угрызение совести и чувство унижения. Они себя называют глупцами, но не грешниками; они исполнены злобой и нетерпением, но не смирением. Внутри себя они не смеют говорить; говорить о собственных чувствах для них — страдание; мысль, что кто-то может их наблюдать — страдание; застенчивость и чувствительность у них нередко принимают патологический характер. Что же касается исповеди, столь естественной для католиков, то она для них невозможна, если только не в тех случаях, когда они

виноваты, прощать свойственно индивидуальному характеру, этого от них ждут и впоследствии они относятся к прощению с удовлетворением. Эти люди — жертвы сильной сосредоточенности на себе.

Впрочем, существуют и намного более приятные и интересные формы этого наваждения, чем обрисованные мной только что. Все сказанное касалось гордых натур и влияния на них со стороны интеллектуальной культуры, в случае же ереси, как это можно назвать, которую я имею в виду, дело состоит в постановке на место совести в собственном смысле слова всего лишь нравственного чувства или вкуса; и тогда эта ошибка может лечь в основу такого характера, который обладает куда большей гибкостью и благодатностью, чем все то, что только может украшать описанных мной лиц. В особенности это гармонирует с характером людей, склонных к работе воображения и поэтическому пониманию мира, которые более других подвержены представлению о том, что добродетельность — это изящество поведения. Такие люди, в принципе далекие от того, чтобы сносить страх, в своем понимании религиозной и нравственной истины расположены попросту определять страх как уныние и предрассудок. В отличие от религии философа у Джентльмена она по смыслу как бы более либеральная и более щедрая, основанная на чести; порок есть зло, потому что он недостоин, неприличен, мерзостен. Таково содержание древнего конфликта христианства с язычеством, который вместо направленности души на праведное и на приносящее благо наслаждение привел к взаимопереплетению ее с другими идеями, породив при этом прискорбные и приносящие страдание сущности, которыми утверждалось о слезах прежде радости, о кресте прежде венца, который стал основой героики в покаянии, который заставил трепетать душу извещениями о чистилище и аде, который настаивал на взгляде, а не служении Божеству, которое в их душах оказывалось ничем иным, как выражением посредственности, рабства и трусости. Представление о Совершенном, Вездусущем Боге, с чьей точки зрения мы все меньше атомов, и который, если Он нас удостаивает своим явлением, может и покарать, и благословить; это представление для них было отвратительным, и поэтому они превратили собственные души в святая святых и собственные представления — в пророчества, а нравственная совесть стала для них не более, чем параллелью гениальности в искусстве и уму в философии.

6

Будь место для всего, что я мог бы сказать по этому предмету, я проиллюстрировал бы эту интеллектуальную религию эпохой императора Юлиана, вероотступника от Истины христианской, врага христианского образования. Он, в ком всякий католик усматривает тень грядущего Антихриста, никак не был чужд философских достоинств. Да, имелись и в его характере недостатки, даже по меркам лишь поэтическим, но вместе взятые они не могут помешать видеть и внешнюю красоту, и благородство нравственного поведения, в котором у него сочетались грубое величие Фабриция или Регула с достижениями Плиния или Антония. Простота его манер, его бережливость и самоограничение в жизни, его редкостное небрежение чувственными наслаждениями, военное геройство, прилежание в вопросах делового характера, его старательность в литературном труде, скромность, милосердность — все его достижения, как мне представляется, делают его примером образца языческого достоинства, которое только видел мир¹. Однако до чего же мелкими, жалкими и даже невзрачными оказываются все эти достоинства, если рассматривать их на весах Страшного Суда Господня! Последние часы жизни его представляются уникальным событием истории, как иллюстрация беспомощности философии перед ликом суровой реальности нашего бытия, так и в качестве просто свидетельства очевидца. «„Друзья

¹ Не считаю, что сказал что-либо не согласующееся со следующим пассажем из кардинала Гердила, хотя я и акцентировал положительную сторону в характере Юлиана. «Гений, ум, способности в военном искусстве, мужество и бесстрашие в командовании армиями, как действия, так и качества высочайшего уровня, но продиктованные чаще всего лишь тщеславием, оказавшимся на месте принципа, суеверие вместе с лицемерием; дух с богатými возможностями озарений, но подверженный мелочности; существенные ошибки в правлении; легкость принесения невинных в жертву ради мести; извечная ненависть к христианству, от которого он отошел; страстная приверженность порокам магии; таковы черты, в которые облачают нам Юлиана» («Du genie, des connaissances, de l'habilité dans le metier de la guerre, du courage et du desinterressement dans le commandement des armees, des actions plutot que des qualites estimables, mais le plus souvent gatees par la venite qui en etat le principe, la superstition jointe a l'hypocrisie; un esprit fecond en ressources eclaire, mais susceptible de petitesse; des fautes essentielles dans le gouvernement; des innocens sacrifies a la vengeance; une haine envenimee contre le Christianisme, qu'il avait abandonne; un attachment passionne aux folies de la Theurgie; tels etaient les traits sous lesquels on nous peignait Julien»). Op., t. x., p. 56.

и соратники, — сказал он устами автора, вполне подходящего, в силу своих литературных пристрастий и ненависти к христианству, на роль его панегириста, — настало время мне покинуть вас, и я с радостью исправного должника следую указаниям природы... Я смиренно принимаю смерть, потому как нет за мной никакой вины. Я с радостью взираю на свою безгрешную жизнь; и могу подтвердить со всей уверенностью, что верховная власть, служащая продлением власти божественной, пребывала в моих руках чистой и незапятнанной... и теперь я воздаю должную благодарность Вечному Существо, не обрекшему меня на гибель от жестокости тирана, от кинжала заговорщика и под медленной пыткой смертного недуга. Оно мне дало прекрасную возможность великолепно и почетно уйти из этого мира на вершине моей славы, а потому я нахожу равно низким и абсурдным клясть или отвергать этот удар судьбы...“

Он попрекнул присутствующих за чрезмерную скорбь и попросил их не ронять достоинства судьбы царя плачем, лишенным мужества, который мгновениями позднее вознесется на небо к звездам. Присутствующие молчали, а Юлиан завязал метафизический спор о сущности души с философами Приском и Максимом. Телесное и душевное усилия его, вероятно, ускорили смерть. Рана его стала страшно кровоточить, дыхание стало затрудненным из-за набухания вен, он попросил глоток холодной воды, и как только выпил, скончался без страданий, примерно в полночь¹. Таково, Джентльмены, высшее проявление религии разума — в безумии сознания, в неведении самого представления о грехе, в мысли о собственной нравственной правоте, в простом отсутствии страха, в безоблачности чувства уверенности в себе, в незамутненном самообладании, в холодном самодовольстве — во всем этом виден просто философ.

7

Гиббон с наслаждением при этом рисует то, что, в соответствии с безбожным интеллектуализмом, служит историческим осуществлением его собственного представления о нравственном совершенстве; лорд Шефтсбери уже описал это представление в теоретической форме в своем знаменитом собрании трактатов, которые он озаглавил «Характеристики людей, нравов, мнений, взглядов»,

¹ Gibbon, Hist., ch. 24.

и это станет дальнейшей иллюстрацией для нас, если вы, Джен-тльмены, позволите мне прибегнуть к нескольким выдержкам из этого труда.

Он совершает один из первых выпадов против доктрины поощрения и наказания, будто бы она принесла в религию представление, которое несовместимо с истинным пониманием красоты добродетели, а также со свободой и возвышенностью духа, посредством которых это должно воплощаться. «Люди не удовлетворялись, — пишет он, — проявлением естественных преимуществ, которые несет честность и добродетель. Они эти лучшие качества просто преуменьшили в пользу иного основания. И добродетель стала столь наемным явлением, в связи с благами, которые она приносила, что стало невозможно понять, что же в ней самой такого, что было бы достойно вознаграждения. Ибо честные поступки за *взятку* либо за *шантаж* никак не знаменуют собой ни подлинной честности, ни достоинства». А в другом месте он говорит, намекая на то, что не может сказать во весь голос: «Если только на основе надежды на вознаграждение или страха перед наказанием человек склоняется к добродетели, ненавидит и воздерживается от дурного, к которому при всем этом он не испытывает ни малейшего отвращения, то в этом случае никакой добродетели или праведности не существует. Праведности, набожности и святости в столь измененном индивиде не более, чем кротости и обходительности у тигра, прочно взятого в цепи, или невинности и трезвости у обезьяны, которой грозит кнут... при этом Воля не приобретается и склонность не вырабатывается, но повиновение укрепляется на основе господства благоговейного страха, и потому в повиновении выражается все, что на основе повиновения есть просто рабство». То есть, говорит он, христианство враждебно нравственной добродетели, ибо влияет на психику страхом перед Богом, а не любовью к благу.

Тем самым мотивы надежды и страха оказываются упрятанными глубоко в основание и не остается ничего морально праведного, кроме того, что идет просто, или в основном, от любви к добродетели ради нее самой; в добродетели таким качеством, которое может вызывать вдохновение, оказывается красота, и при этом порочное сознание есть нечто похожее на всего лишь переживание вроде понятного отвращения, вызываемого звучанием расстроенного музыкального инструмента. Он пишет: «Одни люди от рождения, другие благодаря искусности и выучке оказываются мастерами слуха в музыке, обладателями художественного взгляда».

да в живописи, фантазии в обычных вопросах украшений и изящества, чувства пропорций всякого рода и вообще хорошего вкуса во множестве всех тех вещей, которые составляют наслаждение и развлечение у всех мыслящих людей мира. Пусть такие господа будут сколь угодно экстравагантными и непредсказуемыми в своих нравах, но они в то же самое время откроют для себя *несогласованность* в себе же, *расхождение* с самим собой, а также *противоречие* тому принципу, в котором они находят основание для своего высшего наслаждения и радости. Из всего, что есть *прекрасного*, к которому стремятся виртуозы, празднуют поэты, воспевают музыканты, описывают и строят архитекторы и художники всех видов, из всего этого самым восхитительным, самым увлекательным и патетичным служит то, что взято из реальной жизни и страстей. Ничто так не действует на сердца, кроме того, что представляет собой самое себя в чистом виде и по содержанию: это красота чувств, изящество поступков, поворот характера, а также *пропорции и характеристики* человеческой души. Такой урок нам преподает философия, а также романтическое переживание, стихотворение и пьеса... Пусть даже поэты и люди, отдавшиеся гармонии, отрицают это, если смогут, но власть природы есть, и невозможно противостоять этой *нравственной магии*... Всякий является в большей или меньшей степени виртуозом, каждый стремится к прекрасному... того или иного вида. Любовь, честность, красота вещей всегда найдет себе путь к выражению... Самой естественной красотой в мире служит честность и нравственная истинность, а истина есть высшая красота».

Соответственно, добродетель есть лишь один вид красоты; принцип, который определяет, что есть добродетельное, но не является сознанием, и это — *вкус*. «Если бы нам однажды удалось себя убедить в том, что само по себе так очевидно, — пишет он, — а именно, что по необходимости в самой природе вещей заключается основание правильного и порочного *вкуса*, и точно так же в отношении внутренних черт характера и внешнего в личности, поведении и действии, то нам стало бы гораздо более стыдно от невежества и порочности суждений в первом из этих предметов, нежели в последнем... Тот, кто претендует на то, чтобы стать человеком выдающихся личных достоинств в воспитании и вежливости, является осторожным при формировании своих суждений об искусствах и науках на базе правильных образцов их совершенства... Особую осторожность человек проявляет в том, чтобы отвести взор от всего кричащего, вычурного и безвкусного. С не меньшей

тщательностью такой человек избегает звуков музыки, кроме той, которая исполнена благозвучия и подлинной гармонии. Важно пожелать всегда равно уважать *подлинный вкус в жизни и в нравах*.... Если цивилизованность и гуманность оказываются вкусом, если грубость, дерзость и мятежность оказываются также вкусом, то кто же удержится от того, чтобы не отважиться на штурм природы также в этом аспекте, который связан со вкусом и суждением в прочих искусствах и науках?»

Иногда он отчетливо противопоставляет этот вкус принципу и сознанию и придает ему над ними главенствующее значение. Он пишет: «В конце концов, не просто то, что мы называем принципом, но это вкус, которым руководимы люди. Они уверенно думают: „Это правильно“ или: „Это дурно“, они могут быть убеждены в том, что „это добродетельно“ или „это греховно“, „это наказуемо людьми“, „а это — Богом“; если же сущность вещей оказывается в противоречии с честностью, если процветает фантазирование, а приверженность находится на стороне красот низших уровней и низших порядков симметрий и пропорций, то поведение неизбежно повернется именно таким последним образом». Поэтому, в какой-то мере подобно янсенисту, он видит неизбежной конечную победу на стороне высшего наслаждения, и это значит, что, пренебрегая принципом, нам предостаточно тренировать вкус к той красоте, которая надстоит красоте чувственной. Он добавляет к этому: «*Даже сознание*, боюсь, и то, которое возникает вследствие религиозной дисциплины, оказывается малозначимым явлением, если не срабатывает данный вид вкуса».

Отсюда и хорошо известная доктрина данного автора, гласящая, что смешное служит проверкой истины; коль скоро истина и добродетель суть красота, а ложное и порочное есть уродство, и чувство, внушаемое уродством, есть насмешка, подобно тому, как внушаемое красотой есть восхищение, отсюда следует, что порок это не то, над чем плачут, а то, над чем смеются. «Ничто не является смешным, кроме уродливого, но ничто не защищено от насмешки, кроме прекрасного и справедливого. И поэтому, — пишет он, — самое трудное в мире — отказать справедливой честности в праве пользоваться этим оружием, которое никогда не будет ею обращено на себя, но направлено всегда против всего ей противоположного».

И потому сознание, направляющее законодателя, если выше него только то, что дозволяется нравственным вкусом или чувством, навеивает на заключение о том, что главнейшее правило или

закон — мыслить о своем соответствии тому, достигаешь ли ты норм жизни и нравственности. Потому он и озаглавил один из своих трактатов «Монолог» с эпиграфом «Nec te qu siveris extra»¹ и замечает: «Главный интерес всякой претензии, алчности, развращенности и всякого тайно привязывающегося порока сводится к тому, чтобы не дать развиваться этой беседе и знакомству с осмысленными речами, что предвещает близящийся уход от дел и внутреннее отдаление. Стало великим мошенничеством подлости и разврата, а также *предрассудка и фанатичности* отдалить нас от самих себя на более дистантные и формальные нормы отношений и увести от нашего доказательного метода монолога... Страстный любовник, каковым бы ни казалось его уединение, никогда наедине с собой по-настоящему не будет... Та же причина препятствует человеку, вообразившему себя святым или мистиком, стать способным переживать свою радость. Вместо рассмотрения только собственной природы и рассудка, в чем он себе может давно не составлять никакой тайны, такой человек захвачен *мышлением о прочих мистических натурах*, которых он вообще не сумеет никогда ни понять, ни объяснить».

8

Беря эти выдержки в качестве примера того, что я именую религией философии, представляется очевидным заметить, что в них не содержится никакой доктрины, которая в каком-то смысле не была верной; с другой же стороны, каждое утверждение при этом оказывается извращено и обращено в ложь, потому что оно отражает истину не полностью. Они все отражают лишь одну из сторон истины и поэтому не являются достаточными; сознание, совесть есть, вне сомнения, нравственное чувство, но это и нечто еще; порок есть уродство, но это еще нечто худшее. Лорд Шефтсбери может настаивать, если он станет это делать, на том, что сам по себе страх не в состоянии произвести нравственного преобразования, а у нас стремления ему отвечать нет; но у него-таки возникнет затруднение при доказательстве того, что перевоспитание реально может преуспеть на основании такого учения, которое считает добродетель просто знаком хорошего вкуса, а порок — вульгарностью, не подобающей Джентльменам.

Подобная доктрина является существенным упрощением, и следствия ее будут печальны. Как мера добродетельного и дурно-

¹ Не ищи вне себя (лат.). — *Примеч. ред.*

го она не лучше, чем внешняя красота и внешнее здоровье. Реально совестью вызывается острейшее страдание, но страдание это поистине иррациональное, и почитать его является жестоким предрассудком. Но если же стараться выявить в себе все спрятавшееся глубоко, то придется также воздать должное всему, что ближе к поверхности. *Казаться* окажется *быть*; что выглядит справедливым — будет добродетельным; что является преступным, есть зло; добродетель станет доставлять наслаждение, а порок — страдание. А еще добродетель мы сможем начать измерять полезностью, пользуясь этим как правилом. И это не придуманные опасения; всем нам следует не забывать о том торжественном чувстве, в ловушке которого оказался великий и умный человек в сиятельном красноречии собственных восхвалений по адресу духа рыцарства. «Прошли, — стонает м-р Берк — та мудрость принципов, та целомудренность чести, что болью отзывались, подобно ранам; которые придавали мужество и умеряли злобность; которые облагораживали все, чего касались, и под действием которых *порок терял половину несомого им зла, утрачивая свою силу*». Последняя часть этого прекрасного суждения чрезмерно иллюстративна и не может поэтому не передавать этический темперамент, характерный для своего века. Застигнутость, не сам грех, выступает преступлением, частная жизнь священна и соваться в нее является нетерпимым делом, а благопристойность есть добродетель. Скандалы, вульгарности, всяческие шоки, всяческие отвратительности — это преступления первейшего порядка. Пьянство и сквернословие, мерзкая нищета, расточительность, лень, позорный беспорядок составляют представление о растленности: поэту можно сказать что угодно, совершенно сумасбродное, безнаказанно; творения гения можно читать без опаски и без стыда, какие бы ни были его принципы; модности, знаменитости, героичности окажется достаточно, чтобы внедрять в обществе любой порок. Роскошь двора, чары хорошего общества, остроумие, игра воображения, вкус и высокое воспитание, *престижность* чина и запас богатства выступают ширмой, инструментом, а также оправданием для порока и безверия. И вот не сразу, что называется «вдруг» оказывается, что сама утонченность интеллектуализма, которая началась с яростного отвержения всякой чувственности, оборачивается ее оправданием. Под сенью именно Церкви и благодаря ее своевременному развитию философия служит делу нравственности; но лишь если у нее хватает сил на собственную волю, и при этом, если она растет с мыслью о собственной значи-

мости, старается создать теорию, старается заложить принципы, сформировать систему этики и познать нравственное воспитание человека, а потому она только питает те пороки, которым поначалу кажется инстинктивно противостоящей. Истинная Религия разрастается медленно, но когда ее посадили однажды, ее трудно сместить; а интеллектуальная подделка всегда без собственных корней: ее побеги появляются внезапно, внезапно вянут. Она сообразна природе, но падает под властью древнего Адама. После того, как реальная власть утрачена, она содержит государственность и величие, подобно низвергнутым королям. Ей неприятна уродливость; и поэтому, не будучи в состоянии отговорить людей от порока, ради того, чтобы избавиться от вида некрасивости, она занимается украшением ее. Она «сдирает язву и прячет это место под коркой», но ни изучить, ни излечить ее не может.

Безвременья растленность правит, все подрывая изнутри,
Незримо заражает.

Хотя может случиться, что из этой поверхностности философской Религии некоторые из ее приверженцев оказываются способны исполнять часть предписаний христианства более рьяно и точнее, чем сами христиане. Св. Павел, как мной говорилось выше, показывает нам схему евангелического совершенства; он рисует христианский характер в его самых тонких формах и прекраснейших тонах. Он беседует о благотворительности, которая терпелива и кротка, смиренна и бесхитростна, самоотверженна, удовлетворена и настойчива. Он велит нам ставить ближнего прежде самого себя, воздерживаться от грубых слов и порочных речей, избегать скрытности, быть невозмутимым и глубоким, быть радостным и довольным, блюсти со всеми людьми мир, держаться истины и справедливости, обходительности и мягкости, и все это должно быть скромным, дружелюбным, добродетельным и добронравным. Таков примерный христианин по св. Павлу в своих внешних отношениях; и, повторюсь, мирская школа снабжает примерами такого типичного превосходства с большим успехом, чем это удастся Церкви. На сегодня «Джентльмен» есть создание не христианства, а цивилизации. Но причина тому очевидна. Хотя мир удовлетворяется тем, что все правильно обустроено внешней стороной, цели Церкви состоят в возрождении самых глубин сердца. Она вечно начинает с начала; и во всем, касающемся всего множества детей своих, никогда не в состоянии оказывается пойти дальше начала, но безотрывно занимается укладкой фунда-

мента. Она, как ценным и предшествующим украшающему и привлекательному, занимается тем, что существенно. Она врачует людей и удерживает их от смертного греха; она учит праведностью и целомудрием и в свете грядущего суда: она настаивает на вере и на уповании, на верности и честности, на силах благотворительности; она столь значительно занимается заповедями, что оставляет чуть не на удел сил небесных толкование их значения и совершенства. Она смотрит не на желаемое, а на необходимое. Она для всех и для избранных. Она наставляет души на путь спасения, чтобы им удавалось, если от них потребуется, возвыситься до героического и в полном объеме, равно как в мелких частях, достичь прекрасного.

9

Таков метод Церкви или, как я это называю, ее политика; но Философия смотрит на этот вопрос с совершенно иной точки зрения: что должны делать философы со Страшным Судом и спасением души? Лорд Шефтсбери именуется последнее как «панический страх». Он с презрением высказывает жалобу по поводу последнего: «Спасение душ теперь является героической страстью возвышенного духа». Разумеется, в своих принципах он свободен отбирать из христианства то, что хочет; он отбрасывает все теологическое, таинственное, духовное; он производит выборку нравственных и эстетически прекрасных сущностей. И ему нет никакого дела до того, что там, где он приступает к своему учению, там он должен и заканчивать; нет дела и до того, чтобы вместо того, чтобы сажать дерево, он просто лишь срывает цветочки для банкета; он занят только текущим моментом жизни, философия у него умирает; и, если его цветы до конца праздника дотянули, больше ничего ему и не требуется. С приходом ночи увядшие листья могут быть смешаны с собственным его пеплом, то и другое сделали свое дело, того и другого больше нет. Конечно, подготовка добродетельных людей на подобных условиях обходится очень дешево; то, как научить людей языку или какому-то действию, писать по латыни, играть на музыкальном инструменте, — профессия артиста, не апостольское послание.

Это украшение внешнего практически есть и начало, и конец философской нравственности. Вот почему она склонна быть не смиренной, а скромной, ведь это способ сохранить гордый вид и при этом неприязательность. На смирение это и не претендует;

смирение в достижении и в утверждении выступает труднейшей добродетелью. Она находится рядом с душой, проверить и установить ее — крайне тонкое и хрупкое дело. Она маскируется под все; впрочем, здесь проблема несколько иного характера: едва ли исповедание ее, даже по формальному именованию, входит в состав кодекса той этики, о которой идет речь. Соблюдение и исполнение ее часто встречались, хотя древние цивилизации не имели об этом представления и даже слова для выражения данного понятия: или имели представление, но считали это недостатком психики, а не достоинством, а потому слово, обозначающее ее, выражало упрек. И в современном мире то же, бросаются в глаза извращения ее в виде параллелей слову типа «снисхождение». Смирение либо снисхождение, рассматриваемые как добродетели поведения, можно сказать, состоят наряду с прочим из постановки себя на один уровень с низшими людьми в нашем мышлении; это не только добровольная уступка своих привилегий, присущих собственному положению, но и фактическое участие или вхождение в положение тех, к кому мы склоняемся. В этом подлинное смирение — чувствовать и вести себя подобно тому, как будто ты сам в низшем положении; но не в том, чтобы лелеять понятие о своем значении путем принятия низкого положения. Так понимал смиренность св. Павел, когда говорил о себе, как «нижайшем из святых»; такова смиренность всех тех многих святых, кто считали себя величайшими грешниками. И вывод этот делается ими относительно их собственных мыслей из тех прерогатив и привилегий, которыми снабдили их окружающие. И теперь будет по-настоящему поучительно противопоставление данного представления и смысла слова «снисхождение» — в прямом языковом значении и в теологическом; если их противопоставить, немедленно станет видно это огромное различие между мирским смирением и смирением евангельским. Мирское понимание «снисхождения» исчерпано согбением к человеку, путем нагибания туловища вперед без малейшего намерения даже самую малость оторваться от прочно насиженного места. Это акт вышестоящего, протестующего себе, но совершающего это — то, что он вышестоящий, не делающий ничего, а лишь оказывающий милость тем, на чей уровень, теоретически, он себя ставит. И это является тем ближайшим представлением, которое может образоваться у философа о добродетели самоотвержения; ведь что-либо большее делать — значит совершать низость или лицемерие и немедленно возбуждать в нем подозрительность и отвращение. Мир таков, ка-

ким всегда был; нам прекрасно известно то презрение, которым одаривали образованные язычники мучеников и исповедников Церкви, которое и сейчас с ними разделяют антикатолические современные организации.

Такова этика философии в истинном отображении, но век наш не языческий, но исповедующий христианство, не может испытывать в неизменном состоянии смирение или же предаваться тщеславию, или гордыне. Для некоторых же обещающих представляется сделать это состояние непреходящим. Смирение, с присущей ему тяжеловесностью и атрибутикой самоотречения, к любви не способно; но тогда что же есть более прекрасное, более располагающее к себе, чем скромность? Какую еще добродетель, на первый взгляд, так сильно должно вызывать смирение? Хотя, реально, что может более радикально от него отличаться? Поистине, при всем обаянии скромность — не самая религиозная и глубокая добродетель. Она больше напоминает собой передового стража или охранника в воинственной душе, который неотрывно следит за процессом протекающего взаимодействия с окружающим миром. Она просматривает содержание всего, что поступает в органы чувств, выражается в лице, защищает зор и слух, правит в голосе и жестах. Сфера ее деятельности — внешнее в поведении, ибо прочие вопросы связаны с проблемами Теологии, другие — общества, а третьи — самой души. И оказываясь более поверхностной, по сравнению с прочими добродетелями, она легче расстается с этим окружением, позволяет себе связываться с принципами и качествами, которые природно ей чужды, и часто попадает на роль прикрытия чувств или целей, служению которым она никогда в нас не предназначалась. Область активности для смирения так ограничена, что может совмещаться даже с гордыней. Тем это лучше для целей философии; смиренной она являться не может, а потому ее смирением служит скромность.

При таком воспитании гордыня сбрасывается не в отходы как лишнее для души, а обращается одним из активов, обретая себе новое название в виде самоуважения, и уж больше не оказывается в числе нежелательных, неблагоприятных качеств, к которым, конечно, принадлежит. Хотя оно выступает движущим началом души, внешне оно проявляется редко, а если и обнаруживает себя, то в облике изысканности и воспитанности, и все движения его пронизаны вкусом и чувством высокого достоинства. Это не активная стихия, лишенная определенной цели, а нечто с немалой областью собственного поля ответственности, где оно подчи-

нено служению тем интересам, которые обычно выводит из состояния покоя. Оно направлено в русло деятельности, бережливости, честности, а также послушания, а это становится самой сутью религиозности и нравственности, которые оказываются в самом центре почета в наше время. Оно оказывается на страже целомудрия, гарантией правдивости в высоком и низком, это как бы домашний бог общества, каким оно оказывается в наше время, — вдохновляющим на аккуратность и порядочность служанок, на достоинство осанки и утонченность манер — их хозяек, на прямоту, мужественность и щедрость — глав семейств. Им разливается свет над городом и деревней, оно ставит на земле красивые здания и веселые сады, им воздвигаются поля и наполняются, и украшаются магазины. Оно выступает в роли стимулирующего начала провидения, с одной стороны, ничем не стесняемого расходования сил, с другой стороны, почетного старания и прекрасного наслаждения, и поэтому пустая гробница очень красива для взора.

Утонченная цивилизацией, которая породила его деятельность, самоуважение вливает в душу сильный страх гласности, острое чувство молвы, насмешки. Оно выступает врагом всех экстравагантностей, избегает всего того, что именуется сценами, беспощадно к пародийно-комическому, эгоизму и претензиям, к многословию в речи, к тому, что называют прозаичностью в разговоре. Оно презирает грубую лесть; не сказать, чтобы оно стремилось совсем выкорчевать жажду того, к чему устремлены льстецы, но в самом этом занятии усматривает несуразность, воспринимая тем самым раздражение, вызываемое у других людей, а уж если необходимо воздаяние положенного богачам и властителям, то оно требует большей тонкости и искусства при подготовке. Поэтому происходит изменение тщеславия и его превращение в более опасное самомнение, поскольку его естественное проявление сдерживается. Оно учит людей подавлять свои чувства, контролировать страсти и умягчать как суровость, так и тон суждений. Как того и желает лорд Шефтсбери, оно предпочитает пользоваться игривым остроумием и сатирой при осуждении всего предосудительного как более утонченным и добронравным методом, более действенным, чем то привычное, что представляется удобным для необразованных душ. Эта непереносимость трагического и крайне нелепого отличает его в тихой, но энергичной борьбе против нехристианского обычая дуэлей, которые клеймятся просто как безвкусовые и как остатки века варварства, и это осуществляет тот самый запрет, которого так долго понапрасну добивалась Религия.

10

Так получилось, что почти определением того, кто является Джентльменом, стало утверждение: это тот, кто никогда не причиняет страданий. Что касается определения, эта характеристика отличается тонкостью и точностью. Джентльмен в основном занимается устранением препятствий, мешающих свободному и без помех действию окружающих, а с их действиями он солидарен и не предпринимает собственных. Выгоды для себя он извлекает параллельно обустройству и организации всяческих дел личного характера: подобно шезлонгу и камину, которые нужны, чтобы побороть усталость и согреться, хотя и без них существуют средства отдыха и обогрева. Истинный Джентльмен вне зависимости от обстоятельств в аналогичной манере тщательно избегает всяческих толчков и потрясений в умах тех, с кем он вместе; это касается и столкновений мнений, противоречий чувств, всякого рода воздержаний, подозрений, печали или сожалений; задача жизни у Джентльмена — чтобы все чувствовали себя непринужденно и легко. Он не выпускает ни одного человека из поля внимания, проявляет нежность с пугливыми, мягкость с настороженными и снисходительность в отношении чудаков, никогда не забывает, с кем ведет разговор, не позволит себе неосторожного, нечаянного намека, никогда не оказывается в центре беседы, никогда не утомляет. Его услуги освещают путь, когда он их оказывает, и, оказывая их, он их словно принимает. Будучи не принуждаем к тому, о себе он говорить не станет, не занимается защитой себя даже словом, не слышит ни сплетен, ни слухов, крайне взыскателен, когда характеризует мотивы тех, кто мешает ему, и все толкует в лучшем свете. В спорах своих не бывает низким или ничтожным, не пользуется недостойными преимуществами, не ошибается в личностях и в острых суждениях при поиске доводов, не способствует злу путем тихого умолчания. Из дальновидной расчетливости он соблюдает заповедь древней мудрости, гласящую, что никогда не следует к врагу даже на момент относиться так, словно бы он превратился в друга хотя бы на день. У него предостаточно здравомыслия, чтобы не вспыхивать от оскорблений, он слишком благоразумен, чтобы помнить об уроне, а также предан праздности настолько, что злобствовать ему нет времени. Он терпеливый, выдержанный, безропотный по философским причинам, покорный страданиям из-за неизбежности их, скорби утраты — из-за невозместимости ее, а также смерти — из-за ее неиз-

бытности. Если участвует в каком-либо споре, то дисциплинированный его интеллект охраняет его от тупой непристойности пусть даже лучшего интеллекта, но принадлежащего менее душевно воспитанному лицу, кто подобно тупому оружию, рвет и разрывает, но не в состоянии аккуратно нанести удар, кто совершает ошибки в выборе доводов, расплывает их силу на пустяки, ложно представляет себе противника, а сам вопрос видится ему сложнее и важнее, чем он для него является. И в правоте, и в заблуждении, он всегда с ясной головой и не способен к несправедливости, он прост и при этом столь же силен, сочетает краткость с решимостью. Нет нигде большей искренности, разумности и терпимости: он проникается душой противника, находит объяснение чужим ошибкам. Ему известны недостатки и сильные стороны рассудка, его возможности и горизонты. Случись ему оказаться неверующим, он слишком глубок и великодушен, чтобы осмеивать Религию или выступить против нее, он слишком умен, чтобы оказаться догматичным или фанатичным в своем неверии. Он уважает набожность и преданность; он даже оказывает поддержку учреждениям как почитаемым, красивым или полезным, хотя с ними не согласен; он выказывает почести служителям религии и вполне удовлетворяется отклонением их таинств без нападок или осуждений. Он — друг религиозной терпимости, и это так лишь потому, что не только его философия учит рассматривать все формы религиозной веры без пристрастности, но и потому, что обладает мягкостью и женственностью чувств, что служит спутником цивилизованности.

Это вовсе не значит, что у него не может быть своей какой-либо религии, даже отличной от христианства. В таком случае его религия — это вера чувств и воображения. Это воплощение тех идей возвышенного, величественного и прекрасного, без которых нет большой философии. Иной раз может признавать существование Бога, иной раз — наделять признаками совершенства какой-либо неведомый принцип или качество. И в выводе этом из своего разума или в создании своего воображения он так пользуется поводом для столь превосходных мыслей, а также создает отправную точку для такого гибкого и систематичного учения, что даже достигает полного совпадения со сторонниками самого христианства. Из самой точности и твердости логической мощи он способен сам усмотреть, которые из чувствований вообще согласуются с содержащими какую-либо религиозную доктрину, а для взора окружающих этот человек представляется переживающим

и исповедующим широкие круги теологических истин, которые в его душе существуют не иначе, чем как ряд дедуктивных умозаключений.

Таковы некоторые черты этического характера, которые создает культивированный интеллект помимо религиозного основания. Они наблюдаются в лоне Церкви и в людях, наделенных святостью, и в распутных; они составляют мирской *идеал прекрасного*: отчасти способствуют, отчасти искажают формирование католиков. Они способны участвовать во вспомогательных ролях в воспитании св. Франциска и кардинала польского, могут стать рамками мышления и для Шефтсбери или Гиббона. Василий и Юлиан были просто однокашниками, учащимися в афинских школах, один стал святым и доктором Теологии, а другой — глумливым и беспощадным врагом.

БЕСЕДА IX
ОБЯЗАННОСТИ ЦЕРКВИ
В ОТНОШЕНИИ ЗНАНИЯ

1

Обязан себя поздравить, Джентльмены, с тем, что пространно и с каким бы то ни было успехом, но задача, которой я непосредственно был занят, мною завершена. Трудной и вызывающей опасение она оказалась в действительности, хотя и раньше главный предмет университетского преподавания обсуждался часто и не без успеха, поскольку тут я, находясь на католической позиции, старался следовать линии рассуждений, более знакомой протестантам, чем в настоящее время католикам. Я объявил свое намерение, когда открывал обсуждение предмета, обращаться с предметом больше не как с теологическим, а как с философским и практическим предметом, опираясь при этом на здравый смысл, а не церковные правила; а по этой причине доводы мои, оказавшись не претенциозными, лишились яркости и опоры, которые они получили бы в противном случае.

Не бывает тревоги и умственной нагрузки большей, чем в душе того, кто с серьезной задачей в сердце решился исследовать без ошибок и просветить без недомолвок; что касается меня, то если прошедшая дискуссия в какой-то мере стала испытанием внимания тех добрых людей, которые в ней участвовали, то более всего она стала испытанием сил и выносливости для меня самого. Счастливы те, кто побывали в таких областях мысли, где все пройдено вдоль и поперек, а также полностью изучено, а поэтому всюду нетрудно заметить отпечатки ступней, тропы, знаки пребывания, а также остатки следов тех, кто бывал там раньше, и поэтому ошибиться нет возможности; но что касается меня, я ощущал себя первопроходцем в незнакомых морях за пределами видимости всякой земли, застигнутый ночью, я был вынужден полагаться преимущественно на правила и на приборы науки, чтобы добраться до порта назначения. Нескончаемые горы, высокие величест-

венные утесы на противоположном берегу, сияя в солнечном свете, которые обычно помогают не сбиться с пути, в таком путешествии, как это, нас подводят; уроки старины, решения авторитетов выступают здесь нитью, картой и отвесом скорее, чем огромными предметами с отчетливыми и непрерывными очертаниями и завершенными деталями, которые выступают и занимают наш взор и освобождают нас от напряжения нервозности наших личных наблюдений. И потому, вопреки стараниям, предпринятым, чтобы справиться у других и тем избежать ошибок, вплоть до наступления утра, когда встретит нас берег, и наше судно направится в гавань, до той поры нам не удастся ослабить ревностного напряжения и сбросить иррациональную тревогу. В какой-то мере таким чувством сопровождалось до сих пор мое исследование; в нем не возникало нужды ни в авторитетных принципах, ни в отчетливых прецедентах, а только в развернутом изучении всего объема предмета, о котором я написал в законченном труде. По каждому из вопросов, которые поднимались в ходе обсуждения, приводились все текущие подтверждения из работ тех авторов, чьи знания и эрудированность по каждому вопросу являются признанными.

Сказанное мной о трудоемкости «непосредственной» части моей задачи верно, поскольку без учета задач Церкви по отношению к Университету, а также без учета того, чем Университет является как в отношении его цели, так и в отношении его содержания и его ориентации моя попытка носит предварительный характер. Я уже высказался о том, что предметом преподавания в нем должны служить все области знания, по крайней мере это подразумевалось; и что эти области не изолированы друг от друга, но составляют вместе систему или целое, они перетекают друг в друга, взаимодополняя друг друга, и в меру нашего рассмотрения их как целого, возникает сама точность и достоверность знаний, сообщаемых отдельно каждой из них; что процесс сообщения знаний интеллекту в этом философском плане есть подлинная культура; что знание, служащее и инструментом, и результатом, называется либеральным знанием, что такая культура вместе со знанием, сообщаемым с ее помощью, достойна, чтобы ее добивались ради нее самой, но что она составляет, кроме того, ценную самостоятельную светскую ценность, выступая лучшим и самым высшим образованием интеллекта в системе общественной и политической жизни; а также, наконец, что рассматриваемое в религиозном аспекте, оно сопутствует в некотором плане христианству, оказыва-

ется в итоге подчас его полезным союзником, иногда же, по причине внешнего подобия ему, — его грозным и опасным врагом.

Впрочем, хотя эти Беседы возможно рассматривать только как предварительные, направленные на изучение сущности и направленности того образования, которое призвано даваться Университетом, в то же время не представляется возможным закончить, не сделав некоторых заключительных замечаний о долге Церкви в отношении к нему или, точнее, об основании этого долга. Если вера католическая выступает истинной верой, Университет не может существовать вне лона Церкви, потому что он не может обучать универсальному знанию без обучения католической Теологии. Это так, но пусть даже было бы много теологических Кафедр, этого мало, чтобы составить вместе католический Университет, потому Теология должна войти в состав преподаваемых дисциплин или как одна из многих составляющих частей, пусть даже очень важных, того, что я назвал бы Философией. Отсюда является необходимой прямая и активная юрисдикция Церкви над ней и в ней, дабы она не становилась соперником Церкви с обществом вообще в тех теологических вопросах, которые относятся целиком к прерогативам Церкви, выступая в роли представителя интеллекта, так же как Церковь есть представитель религиозного принципа. Иллюстрацией этого положения послужит предмет заключительной моей Беседы.

2

Теперь считаю, что хотя это и возможно, все дело католичества может стать признанным и стать исповедуемым даже без непосредственного присутствия Церкви, это все равно еще не превращает в одночасье подобный Университет в католическое учреждение, не придает ни малейшего религиозного веса содержанию философских занятий. Ведь может случиться, что в учреждении проявится особый уклон или тяготение, которого никакие правила не смогут сдержать, не помогут усилия преподавателей, не смогут противостоять профессора и усердие. Был же пример подобного случая в испанской инквизиции; вот уж чисто католическое учреждение, преданное сохранению, и даже больше, распространению католичества, с острой заинтересованностью в теологической истинности, суровый враг всякой антикатолической идеи, руководимое католическими теологами; но, тем не менее, оно никоим образом не принадлежало Церкви. Оно было целиком госу-

дарственным учреждением, впечатление было такое, как будто вообще в стране дух Церкви и короля господствовал всюду; как поведал один протестантский историк, это был инструмент государства, в ведении военных действий против святейшего престола. С позиции «*материальной*» это ничем иным кроме католического не являлось; но и дух, и форма выступали земными и мирскими, вопреки какой бы ни было вере и рвению, святости и благотворительности, которые оказывались у лиц, иногда также участвовавших в руководстве. И так же ничто не поможет уберечь католичность Университета, даже если в нем станет проповедоваться одна католическая Теология во всей ее полноте, если Церковь не вдохнет в него свое чистое и неземное дыхание, не придаст форму и облик его устройству, не проследит за преподаванием в нем, не свяжет воедино его учеников и не возьмет на себя надзор за его деятельностью. Испанская инквизиция вошла в столкновение с высшей католической властью, и это помимо того факта, что его (Университета) непосредственной целью была цель светского характера; по той причине, что учебные заведения (как я долгое время старался это продемонстрировать) по самой своей природе в первую очередь направлены на социальные, национальные, временные цели и задачи, а также по причине того, что они являются живыми и дающими энергию коллективами, если вообще достойны самого названия Университета, и по необходимости обладают кто более формальным, а кто явно этическим свойством, хорошим или дурным, и на всякого Университет наверняка накладывает эти свойства, и индивидуально на тех, кто руководит и кто посещает их тоже, он, вопреки исповедыванию католической Истины, проявит в себе результаты, которые окажутся более или менее связанными с его интересами.

Но это еще не все: такие Учреждения могут становиться враждебными Откровению, вследствие обстоятельств своего учения, равно как и в конечном итоге. Они используются ради преследования свободного знания, и свободное знание обладает особой склонностью, не необходимой и обязательной, но доказанной на деле, состоящей в том, что наделяет культурных людей, как мы, например, способностью к просто философской теории жизни и поведения вместо Откровения. Я многое уже сказал по этому предмету. У истины два свойства — красота и сила; и в то время, как утилитарное знание есть область истины как силы, свободное знание есть понимание его как прекрасного. Получать его возможно либо как красоту, либо как силу до самых широких масш-

табов и истинных пределов, а это значит следовать по любому пути к вечности и бесконечности, к сокровенности сознания и к откровениям Церкви. Сначала надо убедиться в том, что есть зрительно и умственно превосходное, как это возможно, и тогда явную полезность и естественную красоту удастся превратить в практическую проверку истины, а также в достаточный предмет интеллекта. Не то что при этом целиком будет отвергнуто католичество, но оно будет измерено и отмерено по земным меркам. На задний план окажется отброшен его высший и самый мощный аспект откровений, станут отвергнутыми его принципы, произойдет отказ от объяснения доктрин, освещения методов даже при практическом их использовании, переделки заповедей. Знание, рассматриваемое как знание, мало содействует тому, чтобы в нас самих отображать себя, чтобы ставить нас самих в центр внимания, а души превращать в меру всех вещей. Этим обладает направленность либерального образования, школой для которого служит и Университет, а именно — рассмотрению религии откровения в собственном своем аспекте — сделать из этого расплав и произвести отливку вновь, чтобы настроить все, как положено, в другом ключе, переместить гармонию, окружить это таким кругом, который неоправданно отсекает что-то в одном месте и добавляет в другом; и все это с понятием, сознательным или бессознательным, что интеллект человека, сформированный и развитый самостоятельно, с опорой на себя — истинней и совершенней в своих идеях и суждениях, чем таковой у Пророков и Апостолов, которым видения и звуки небесные были даны непосредственно. Чувство пристойности, порядка, согласованности и завершенности дает начало бунтарскому брожению против чуда и таинства, против жестокого и ужасного.

Интеллектуализм, прежде всего и главным образом, вступает в столкновение с заповедью, затем с доктриной, а затем и с самим принципом догматизма — восприятие прекрасного становится суррогатом Веры. В такой стране, которая не исповедует Веры, это незамедлительно оборачивается, если это позволяют, скептицизмом и неверностью; но даже и в пределах лона Церкви, и при самом поверхностном исповедании ее сути, оно становится, если предоставлено само себе, своего рода стихией совращения и глупости. Католичество, каким оно нам явилось сначала, показалось низким и лишенным свободы: обычная простая религия, религия темных веков и поработанного населения или варварского воинства; обращаться с ней надо с большой разбор-

чивостью, деликатностью, поправляя, смягчая, совершенствуя, если мы хотим, чтобы она удовлетворяла более просвещенное поколение. Она должна стать оформленной как покровительница искусства, или как адепт мышления, либо посланец наук; она должна занять статус литературного ученого либо эмпирика-благотворителя или политического деятеля; ей надлежит стать вровень с веком, она должна изобрести себе тот или иной способ, чтобы им объяснить и оправдать, либо укрыть те соображения, которыми скрыта в ней работа интеллекта, и которых она стыдится, — например, свою доктрину, милости, таинство Главы Господа, проповедь Креста, поклонение Святой Деве и верность свою апостольскому престолу. Пусть дух свободно растет из этого философского состояния души, о котором я в прошлых Беседах так высоко и так справедливо высказался, и нет никакой возможности, чтобы оказаться в итоге перед последовательными конечными следствиями, во-первых, безразличия, затем нетвердости убеждений и даже ереси.

Тут-то и обнаруживаются два урона, которые Откровение может потерпеть в руках властителей человеческого разума, если Церковь, как тому надлежит быть, не вступится на защиту святого сокровища, которое в опасности. Первый состоит просто в игнорировании теологической истины вообще под предлогом неразличения религиозных мнений, что имело место лишь в странах, которые отреклись от католичества. Второй, он тоньше по своему характеру, есть реальное признание католичества, но (словно из мнимой милости к нему) и измена его духу. Не стану углубляться более отчетливо в опасности, о которых я говорю, просто указав, что как раз это и выступает предметным содержанием преподавания в Университете.

Существует три великих предмета, к которым прилагает себя человеческий разум: Бог, Природа, Человек. Если мы в своих рассуждениях отставляем Теологию в сторону, то остаются физический и социальный миры. Они, когда человеческий разум занимается ими, образуют две книги: книгу природы, именуемую наукой, и книгу человека, именуемую литературой. Воспринятые подобным образом литература и наука почти целиком исчерпывают содержание либерального образования, и хотя наука содействует первому из двух указанных видов урона, наносимых Истине Откровения, исключению ее, литература благоприятствует последнему — ее искажению. Рассмотрим же влияние каждой из них на Религию в отдельности.

3

I. Что касается физической науки, между ней и католичеством, конечно, не может быть столкновения. Природа и милость, разум и откровение — они пришли от единого Святого Автора, в чьем творчестве невозможны противоречия. Но в то же время нельзя отрицать и того, что фактически всегда имелась некоторая ревность и враждебность между Религией и физическими философами. Имя Галилея нам немедленно об этом напоминает. Не удовлетворившись исследованиями и рассуждениями в собственной своей области, он, как рассказывают, вышел за предписанные рамки, дойдя до непосредственного оскорбления принятого понимания Писания; это нападение, дерзкое и вызывающее, было отражено теологами, и наука, которой был брошен такой категорический вызов, с той поры полностью отомстила Теологии. Обширное множество учителей в ней, я боюсь, что должен признать это, были неверующими или скептиками, либо, самое меньшее, не признавали за христианством наличия какого-либо учения, отличительного или особого, посвященного религии природы. Имелись поистине самые впечатляющие тому исключения; некоторых из этих мужей защищает величие их ума, других — исповедание религии, некоторых — боязнь общественного мнения, но я полагаю, что целая плеяда экспериментаторов, сторонних католической церкви, более или менее унаследовали позитивное или негативное неверие Лапласа, Бюффона, Пристли, Кювье и Гумбольдта. Конечно, мне нет необходимости говорить о том, что всякий раз оппозиция Религии со стороны ученых была какой-либо враждебной и злой, но их красноречивое молчание или флегматическая неотвратимость того, что означали их заявления, говорят более красноречиво, чем слова, в мнении их совершенно не отражалось то по существу вопроса, что они оставляли для себя. Тот же антагонизм проявляется в средние века. Монах Бэкон, как считалось многими, будто промышлял незаконными искусствами; папа Сильвестр II за свое знание природных секретов был обвинен в магии; а географические идеи св. Виргилия, епископа Зальцбургского, с большой тревогой рассматривал великий св. Бонифаций, слава Англии, апостол-мученик германский. Я полагаю, по правде говоря, что предрассудочность по поводу волшебства и знание физики в те времена шли рука об руку, однако сама враждебность между экспериментальной наукой и Теологией намного старше христианства. Лорд Бэкон прослеживает ее даже во вре-

мена, предшествовавшие Сократу; он рассказывает, что среди древних греков атеизм был любимой философией по сравнению с физическими исследованиями и даже не сомневается в том, что расцвет религиозных школ стал гибелью науки¹.

Если попробовать исследовать причину этого противостояния между Теологией и физикой теперь, прежде всего надо учесть объяснение, которое дает этому лорд Бэкон. Общепринято в делах судебных предупреждать те стороны, от которых зависит приговор, обязательно выбрасывать из головы все, услышанное ими вне суда по предмету, который занимает их внимание. Они должны выносить суждение на основании доказательств, правило это действует и в случаях подобных данному, то есть чтобы ничего авантюристичного по сути не привносилось в процесс. Похожим образом из религиозных процессов наподобие данного должна быть исключена физика, а из физических — религия как таковая; если позволить им смешаться, испорчены окажутся обе. Теолог, утверждающий о Святом Всемогуществе, на время просто не обращает внимания на законы природы как существующие ограничения на его экскурсии; а физический философ, с другой стороны, при экспериментах над естественными феноменами эти законы просто утверждает, отстраняясь от вопроса о Всемогуществе. Если теолога, изучающего пути Провидения, остановили бы возражениями, основанными на невозможности физических чудес, он справедливо выступил бы с возражением против того, что его прервали; а если бы философа, который занимается определением движения небесных тел, стали спрашивать об их высшей и первой причинах, то он бы пожаловался на то, что его прерывают аналогично. Последний спрашивает о причинах вулканических извержений, а ему отвечают о «священной местности»; первый задает вопрос о разрушении виновных городов, а его преднамеренно отправляют к действию вулканов, еще видных в окрестностях. Исследование высших причин на время выходит за рамки действия установленных законов; исследование физического мира на время выходит за рамки существования Бога. Другими словами, физическая наука в некотором смысле атеистична, по той самой причине, что она не Теология.

Таково обоснование, даваемое лордом Бэконом, очень проникательное, объясняющее, что падение атеистической философии в античные времена явилось злой участью для упований физиче-

¹ См. «Европейскую литературу» Халлма, «Опыт» Маколея и «Оксфордские университетские проповеди» автора.

ской науки. «Аристотель, — говорит он, — Гален и другие часто выдвигали такие причины, как, например: волоски век служат для защиты зрения, кости — для устоев, на которых стоит организм животных, листья деревьев — для защиты плодов от солнечных лучей, ветра, облака созданы для увлажнения земли. Все достойные посвящают себя метафизике, а все недостойные — физике, и подобно рыбам-прилипалам на корабле они мешают ей стать на путь совершенствования, и также они своим небрежением мешают исканию физических причин»¹. Тут и лежит одна из причин предвзятости философов против Теологии: с одной стороны, глубокая удовлетворенность законами природы не располагает их к мыслям о нравственном властителе и создает у них скептицизм по поводу его вмешательства, а с другой стороны — имеющее место от случая к случаю вмешательство со стороны религиозной критики в область, которая не является религиозной, выработало у них подозрительность, досаду и осуждение.

4

Другая родственная этим причина заключена в отличии метода, которым пользуются для получения истины в Теологии и в физической науке. Этим инструментом в физике является индукция, а в Теологии единственным инструментом служит дедукция. Потому простой вопрос и будет таким: что же оказывается Откровением? Все доктринальное знание исходит от единственного источника. Если мы готовы к расширению нашего взгляда и приумножению выдвигаемых посылок, то это не должно осуществляться путем простого сравнения и адаптации исходных истин; ведь если нам надо решать новые вопросы, следует заняться старыми ответами. Абсолютно новое доктринальное знание, проистекающее от простого добавления извне, не только нестерпимо для слуха католика и никогда не поддерживалось никем, кто хотя бы соприкоснулся с нашим Символом Веры. Откровение в общем и целом содержится в доктрине; именно апостолы выступают единственным хранителем его, а методы рассуждения есть единственный инструмент, и единственной санкцией при этом выступает церковный авторитет. Глас Божий высказался раз и навсегда и теперь допустимо обсуждать только понимание смысла сказанного им. А теперь этот процесс, поскольку он является рассуждением, оказал

¹ In August., 5.

ся тем самым видом рассуждения, который, что касается физического знания, был превзойден индуктивным методом школы Бэкона, — а поэтому ничего удивительного в том, что эту школу возмущает и раздражает то, что сам предмет остается нетронутым, и при этом любимый инструментарий оказывается без применения; и не удивляет, почему они восстают против этого памятника устаревшей системе, как будто это инородное тело в глазу или оскорбление, и не удивляет поэтому, что убедительность и ошеломляющая успешность их же собственного метода в своей же области неоправданно ведут к изменению направленности или смещению ориентации религиозных чувств у всех, кто попал под его влияние. Они утверждают, что методом дедукции невозможно получать новые истины; католики с этим согласны, но добавляют, что касается религиозной истины, они и не ищут ее потому, что уже располагают ею. Христианская истина состоит в чистом Откровении, а Откровение это нам дано лишь объяснить, но не преумножить, кроме разве относительно собственного нашего понимания; без него нам ничего бы и не было известно о содержании его, а при наличии его — ничего, кроме содержания его; нам не известно ничего, кроме того. А коль скоро это ниспослано было как святой акт вне зависимости от человека, вне человека ему и предстоит всегда пребывать. Нибур мог оказать революционизирующее действие на историю, Лавуазье — на химию, Ньютон — на астрономию, но лишь сам Господь выступает автором и субъектом Теологии. Если истина в состоянии изменяться, то и ее откровение в состоянии изменяться; если человеческий рассудок в состоянии стать рассудительней Всемогущего, то он может превзойти и творение Его.

Чуждыми покажутся некоторые вещи для слуха людей, чьим первым принципом выступает поиск истины, а отправной точкой служат вещи материальные и от рассудка. Они дружно осуждают всякий процесс исследования, основывающийся не на эксперименте, математику же они выносят вполне, потому что эта наука основана на работе с мыслями, а не фактами, и ведет к весьма гипотетичным заключениям, которые не являются действительными; слово «метафизика» в их речи есть спутник осуждения, а Этику они допускают только при условии, что она оставляет сознание как научную базу и основывается на материальной полезности: что касается Теологии, с ней они не справляются, не могут, а потому ставят вне закона и игнорируют. Католичество же «сковывает интеллект» тем, что полагает, что интеллект Божий

выше их собственного, и что то, что Он сотворил, усовершенствовать своими силами человеку невозможно. И то, что их в этой крайности до известной степени оправдывает, состоит в том обстоятельстве, что у них рядом стоит такая Религия, которая, отбросив столь суровый тон, фактически сама приняла их метод исследования. Протестантизм рассматривает Писание как просто часть Природы; он рассматривает священный текст как большое собрание явлений, от которых всякий отдельный христианин имеет возможность приходить в точности к тем же религиозным заключениям, которые оказываются доказанными его рассуждением. Вера рассматривается им как просто разновидность разума, как если это является одобрением наиболее вероятных их заключений до того времени, когда будут найдены более совершенные. За неимением иных причин сочувствие бросает экспериментальных философов в позицию союза с врагами католичества.

5

У меня имеется еще одно соображение, которое не менее важное, чем те, которые я приводил до сих пор. Физические науки, астрономия, химия и прочие, вне сомнений, занимаются святыми трудами и не в состоянии давать неверные религиозные заключения. Но в то же время следует помнить, что Откровение имеет отношение к обстоятельствам, не существовавшим до того, как были сотворены небеса и земля. Они были созданы до того времени, когда в мир пришло нравственное зло: церковь католическая есть инструмент оказания восстановительной помощи, чтобы преодолеть это пришествие. И не удивительно поэтому, что ее учение просто отличается, хотя и не расходится, с той Теологией, которую физическая наука предлагает своим последователям. Она ставит нас перед рядом свойств и выступает от лица высшей сущности, для которой материальное и животное творение не предоставляют никакого простора; могущество, ум, добро для физического мира суть бремя, но это не говорит, и не могло бы говорить, нам ничего о милосердии, долге страдания и взаимосвязях в человеческом искуплении и лишь отчасти только о нравственном праве и нравственном благе. «Святая теология, — говорит лорд Бэкон, — должна выводиться на основе слов и пророков Бога: не из света природы или диктата разума. Написано „пусть Небо возвещает славу Господа“, но нигде мы не найдем того, чтобы Небеса возвещали волю Божью, которая объявлена как право и как за-

вет, согласно которым люди должны поступать. И не присуще это также только лишь великим тайнствам Бога, создания, искупления... Невозможно сомневаться в том, что в своей значительной части нравственный закон слишком возвышен, чтобы его можно было осветить законом природы; хотя все еще остается установленным, что людям, даже вооруженным светом и законом природы, предоставлены добродетель, порок, правосудие, добро и зло»¹. То, что новые и дальнейшие проявления Всемогущего, установленные Откровением, находятся в совершенной гармонии с учением о естественном мире, составляет важную часть предмета в глубоком труде англиканского епископа Батлера; но никоим образом они не могут быть найдены у самой природы, и безмолвие природы по их поводу способно совратить воображение, хотя для убеждения разума у того сил недостаточно на восстание против доктрин, которые не были удостоверены фактами, но навязаны авторитетом. В век науки, конечно, будет идти парад того, что называют Естественной Теологией, широко распространившимся исповедыванием унитарного толка, в котором имеется нетерпение тайнства и скепсис по поводу чудес. Ко всему этому еще надо прибавить огромные возможности, которые предоставляются физической наукой для того, чтобы предаваться чувствам прекрасного, порядка и соответствия, о которых мной так много говорилось как о знаках и знаменах (как можно их назвать), с которыми в цивилизованный век вышли воевать против католичества.

С учетом того, что католичество отличается от физической науки в тенденции, в направленности, в методе доказывания, а также в самом предметном содержании, как же могут без жестокости и без неправильного обращения обойти это вниманием философы любого из учреждений, из которых ни один к нему не причастен? Что от такого дурного обращения с Теологией и сама физическая наука, в конечном счете, потеряет, на этом я настаивал еще в прежних Беседах, потому что неправомерно подавлять, нападать на любую науку, а тем более на важную, — значит наносить ущерб всем. Но не в этом забота Церкви, не ее призвание сторожить и защищать Науку; однако в отношении Теологии Церковь обладает некоторым долгом, это одно из особых поручений, доверенных ей для выполнения. Где Теология, там и она должна находиться, а если Университет не отвечает своему названию и долгу без признания истины Откровения, она должна позаботиться о том, чтобы имелось признание истинного лица ее, искреннее и реализованное в действии.

¹ De Augm., § 28.

6

II. И если понадобится участие Церкви в работе школ науки, то еще больше оно потребует в другой составной части предмета либерального образования — в литературе. Литература связана с человеком так же, как наука связана с природой, это его история. Человек сложен из тела и души, он мыслит и действует, его желания, страсти, аффекты, мотивы и планы активны, у него плодотворный и способный интеллект, он создан для общества, и общество умножает и множит его личностные черты, нравственные и интеллектуальные. Все это составляет его жизнь, а литература есть средство выражения этого, так что литература для человека есть нечто такое, что служит индивиду его автобиографией. Это его жизнь и достояние. Более того, он есть чувствующее, мыслящее, творящее и работающее создание, совершенно свободное от всякой чрезвычайной помощи со стороны неба, а также — определенного религиозного убеждения; и *в качестве такового* он, каков он есть, отражен литературой, то есть литература есть жизнь и достояние *естественного* человека — невинного и грешного. Совершенно не намерен сказать тем самым, что литература не несет в себе никакого участия религиозного духа; литература еврейская, насколько ее можно считать литературой, вне всякого сомнения, выступает просто теологической, в ней имеются отпечатанные на ней черты, которые, конечно, выше природы, но я рассуждаю о том, что можно ожидать и без всякого особого участия; я говорю о том, что фактически, поскольку наука есть отражение природы, литература — тоже; так одна отражает природу физическую, а другая — природу нравственную и социальную. Обстоятельства — местность, время, язык — оказывают мало и даже никакого влияния на характер литературы как таковой; в целом литературы едины, они служат голосами естественного человечества.

Пусть это и было бы всем тем, что может быть сказано в умаление литературы, но при том, что природа физическая остается неизменной в своих законах, у природы нравственной и социальной имеется собственная воля, и она никогда на длительное время не остается без изменений в том состоянии, из которого начала свое действие. Человек никогда не пребывает в простом состоянии начальной невинности; он согрешает обязательно, и литература его есть выражение его греха, а это не зависит от того, в язычестве или христианстве. Христианство пролило свой свет на человека и на его литературу, но поскольку оно не обратило его, а

только отдельных избранных индивидов, поэтому и духовный характер его, и его история не изменились; литература его либо была такой, каким он был сам, либо еще хуже — пропорционально его насилию над дарованным знанием и отвержением истины. В целом, я считаю поэтому, что литература как таковая окажется, и всегда неизменно будет, каковой бы она ни была у нации, наукой или историей лишь отчасти и в лучшем случае — естественного человека, а отчасти — человека в бунтарстве.

7

Теперь я признаюсь в трудностях более значительных, чем связанных с возделыванием науки, ибо, как мной говорилось, если опасны физические науки, они источают опасность, потому что такая наука по необходимости пренебрегает самой идеей нравственного зла; то литература открыта еще большему пороку — чрезмерного признания и понимания его. И кто-то мне скажет: «Нашу молодежь нельзя развращать. Избавимся от всей общей и национальной литературы вовсе, раз представился такой исключительный случай; заполучим христианскую литературу, нашу собственную, такую же чистую и истинную, как еврейскую». Это не удастся: я не утверждаю, что невозможно создать избранной литературы для молодежи, и даже для средних и низших классов, ничего подобного; это в принципе другой вопрос: я рассуждаю об Университетском Образовании, а оно подразумевает расширенный круг чтения, который включает в себя общепринятые образцы творчества гениев, или то, что принято называть *классикой* языка: и по сути данного дела я должен сказать, что если литература должна служить исследованием человеческой природы, то нет возможности обладать только литературой христианской, пытаться создать безгрешную литературу грешного человечества. Это есть противоречие по определению. Возможно собрать нечто великое и возвышенное, что-то более возвышенное, чем было в какой-либо из литератур, и когда это будет осуществлено, то станет ясно, что это и не литература вовсе. Остались лишь только очертания человека как такового или такого, каким бы он мог быть при некоторых преимущественных обстоятельствах. Лучше оставить изучение человека как такового, если уж того не миновать, но сказать себе об этом прямо. Не надо утверждать, что изучаешь его, его историю, его душу и сердце, если в действительности изучаешь что-либо иное. Человек — это существо из гениальности, страсти, интеллекта, сознания, силы. Он разными

способами осуществляет эти разные дары — в великих свершениях, в великих мыслях, в героических действиях, в отвратительных преступлениях. Он основывает государства, он проводит сражения, он строит города, он распахивает леса, покоряет стихии, правит себе подобными. Он создает великие идеи, оказывает влияние на многие поколения. Он принимает множество форм, он подвержен тысячам судеб. И литература все это записывает в жизнь.

Quicquid agunt homines, votum, timor, ira, voluptas.
Gaudia, discursus¹.

Он изливает свою пылкую душу в поэзии; он ходит туда и сюда, взлетает, ныряет в неустанных исканиях мысли; его уста источают красноречие, он касается полотна — и оно источает прекрасное, он касается струн — и они наполняются экстатическим значением. Он всматривается в себя и читает в своих мыслях, отмечая важное, он всматривается во Вселенную, и рассказывает, и торжествует со стихиями и принципами, продуктом которых является сам.

Вот таков человек: можно на него не обращать внимания, можно любоваться им, но что бы ни делалось, нельзя принимать его за то, чем он не является, за нечто более святое и священное, потому что человек способен к возрождению. Пусть не будет ошибочно адресована милость Бога и неверно осуществлена его воля, чтобы смешались те немногие, которые оказались всесторонне отмеченными интеллектуально, с множеством таких, которые либо не отмечены, либо дурно этим пользуются. Избранные немногочисленны при избрании их, и мир неисчерпаем. Из первых Иавал и Тувалкаин, «сильный зверолов» Нимрод, ученость фараонов и мудрость Восточного царства представляют собой мирское. Время от времени им бросает вызов какой-либо Соломон или Веселеил, но местом *обитания* естественных талантов является естественный человек. Церковь может пользоваться ими, у нее нет возможности по своей воле их произвести. До той поры, пока человеческий род не окажется обновленным, его литература не будет чистой и истинной. В абстракции оказывается, конечно, возможным иметь в природе литературу, вдохновленную милостью божьей, проявляющую себя в полном масштабе, во всей оригинальности мысли и действия даже намного масштабнее, чем это отмечено в мировой литературе, но, если реально могла бы появиться литература святых, то сначала нужна вся нация только из них.

¹ Что бы ни делали люди, [их] желание, страх, гнев, наслаждение, радости — все суета (лат.). — *Примеч. ред.*

Что может быть большим доказательством всего сказанного, чем само Богородное Слово? Это, неоспоримо, *не есть* мысль или образ многих, но лишь немногих, это не изображение жизни, но предвидение смерти и Суда. Литература человеческая обо всем — мрачном и веселом, болезненном и приятном, — но Слово Божье рассматривает все образцы литературы только в одном аспекте, насколько они едины в этом взгляде. Оно дает нам очень малое представление о плодотворных движениях души, в словаре его нет терминов для того, чтобы с точностью выразить интеллект и его различные способности, в нем ничего не известно о гении, воображении, остроумии, изобретательности, одухотворенности, силе ума. Нет там рассуждений о государстве, торговле, предприимчивости, научении, философии или изящных искусствах. И только слегка касается оно простых и невинных действий природы и их плодов. Немного говорится и о том временном вознаграждении, которое несет нам наша занятость мирскими заботами и облегчениями о благах, которые мы получаем от дневного света и кротости ночи, от чередования времен года и о плодах земли¹. Мало говорится о нашем досуге и наших домашних обыденных утех, мало и об обыденных случаях праздника и радости, которыми услаждается жизнь человека, совсем мало о различных видах пристрастий и развлечений, которые просто упоминать оказывается уже чрезмерной детализацией. Фактически о празднестве можно прочесть в связи с отлучением Исаака от груди и обручением Иакова, религиозным весельем святого Иова, но исключения, подобные этим, лишь показывают, *что* в Писании должно было оказаться, но не оказалось там. И если под литературой иметь в виду проявления человеческой природы в человеческом языке, то понапрасну придется искать ее в Священном Писании, но разве только в мире. Остается согласиться с ней такой, какая она есть, и не претендовать на ее культивирование, принимая вещи такими, какими они являются, а не такими, как хотелось бы видеть их.

8

Но я обязан продвигаться далее; даже если бы такая возможность была, исключать литературу из образования было бы отступлением от нашей простой обязанности. Ведь зачем мы получаем образование, если не для подготовки к жизни в мире? Для

¹ См. «Приходские проповеди» автора, т. 1, 25.

чего мы возделываем знание и еще многое, кроме первых элементов знания, если не для мира? Какое значение для грядущего мира будет иметь то, что телесное наше здоровье и сила интеллекта станут больше либо меньше, если, конечно, этот мир есть в любом случае испытание для другого, следующего мира? И если Университет есть непосредственная подготовка к этому миру, пусть он будет таким, каким он является. Это не конвент и не семинария, это то место, где подготавливают человека света к свету. От погружения в мир со всеми его способами обхождения, принципами и заповедями людей нет возможности их удержать; но есть возможность подготовить их к тому, что является неизбежным, и это не тот способ, которым учат плаванью в бурных водах методом воздержания от них. Если запрещать, то светскую литературу как таковую (я имею в виду не особых авторов, особые произведения, особые отрывки); можно вымарать из учебных книг все полнокровные проявления естественного человека в его жизни, но эти проявления поджидают, на благо учеников ваших, прямо у дверей лекционных залов в живом и жизненном воплощении. И поджидают они учеников со всеми очарованиями новизны, привлекательностью талантности и дружелюбности. Сегодня это ученик, а завтра — член высокого общества; сегодня замкнутый в мир жития святых, а завтра — окунувшийся в вавилонское столпотворение и без всяких скидок на ум, и юмор, и воображение, которые обычно и вовсе не дозволены, всякой разборчивости, у него выработанной, без каких-либо критериев у него между «зернами и плевелами» для различения красоты и греха, истины и ухищрений природы, невинности и отравы. А дело все в том, что это вы отказали ему в знакомстве с истинными мастерами человеческого мышления, которые могли его просветить благодаря собственной случайной испорченности: он оказался запертым от тех, чьи мысли бьют в цель, достигая сердец, чьи слова являются поговорками, чьи имена — родные для всего мира, кто сами являются нормами своего родного языка и являются гордостью и отличием для своих соотечественников — Гомер, Ариосто, Сервантес, Шекспир, из-за того, что древний Адам почувал в них равных, для чего же их отстранять-то? Предоставили же ему полнейшую свободу приобщения ко всему богохульству нашего времени; он свободно обращался с газетами, с их обзорами, с журналами, романами, вздорными брошюрами, дебатами парламента, правовыми разбирательствами, партийными речами, песнями, драмами, театром, с этой обволакивающей, удушающей атмосферой смер-

ти. Во всем преуспеть вам удалось, кроме одного — мир сделать Его Университетом.

Труден поэтому может оказаться вопрос, который может разобщить мнения ревностных и религиозных католиков, но я не испытываю никаких сомнений, Джендльмены, в том, что истинная политика Церкви не ставит целью исключение литературы из мирских школ, но допущение ее в них самих. Так пусть она совершает одним способом то для литературы, что она делает иным способом для науки; в обеих имеются несовершенства, но она для них целебна. Она не страшится знания, а очищает его любое; она не подавляет стихий в природе нашей, но возделывает каждую из них. Наука тяжеловесна, методична, логична, а потому с наукой литература дискутирует, возражает разумом разуму. Литература не доказывает, но опровергает и внушает, у нее много форм, она универсальна: она внушает вместо убеждения, она соблазняет, способна пленить, обращаясь к чувству чести либо к воображению, либо же к стимулу любопытства, и идет путем веселости, сатиры, романтики, прекрасного, доставляющего наслаждение. И не удивительно ли, что с таким помощником Церковь должна призывать действовать с энергией, соответствующей такому же нетерпению, для ее вмешательства в дела с высшей позиции и проявления определенного авторитета при выборе предмета занятий и самих книг, что оказывается тираническим, если разум и факт служат единственными средствами для рассуждения? Но, что бы то ни было, принцип ее всегда один и тот же всюду: не запрещать истину ни в каком виде, но следить, чтобы никаких иных, кроме правильных, доктрин под названием истины не оказывалось.

9

Таков урок, полученный мной при размышлении, которое я был в состоянии уделить данному предмету, таков урок, полученный от моего личного Отца и Покровителя св. Филиппа Нери. Жил он в эпоху столь же коварную по отношению к католицизму, как и все, предшествовавшие ей, и те, которые наступят. Он жил во времена, когда высоко вздымалась гордыня, и чувства были правом, когда короли и высшее дворянство пользовались небывалым почетом и уважением и подвергались небывало малым опасностям и ответственности; когда отступала средневековая зима, и легче солнце цивилизации стало рождать расцвет и рост тысяч разных форм роскошнейших наслаждений, когда новый мир кра-

соты и мысли раскрылся перед душой человека в виде открытия сокровищ классического искусства и литературы. Он увидел великих и талантливых, зачарованных Волшебницей, и упивался чарами ее песни, он видел высших и умных, студентов и художников, живопись и поэзию, скульптуру, музыку, архитектуру, простертую в просторах и огибающую пропасть; он видел языческие формы, возникающие отсюда и выстраивающиеся в плотном воздухе; он видел это все и воспринимал все это как озорные игры, противостоять которым могли не логика, не наука, не возражения и предупреждения, не затворничество и проповедь, а лишь противоположное очарование чистоты и истины. Он был взращен для того, чтобы исполнить труд почти особенный для Церкви — стать не Иеронимом Савонаролой, хотя Филипп перед ним преклонялся истово и хранил нежные воспоминания о его флорентийском доме; не св. Карлом, хотя в его сияющем лице Филипп узнал ореол святости; не св. Игнатием, борющимся с врагом, хотя Филипп заслужил себе имя колокола — набата общества, так многих людей он туда направил; не св. Франциском Ксавьером, хотя Филиппа жаждал с ним вместе пролить кровь во имя Христа в Индии; не св. Каэтаном, охотником за душами, потому что Филиппу нравилось, как выражался он сам, в спокойствии забрасывать свою сеть для того, чтобы их заполучить; он предпочитал поддаться потоку и направлять течение, которое он остановить был не в состоянии, будь то наука, литература, искусство, и совершенствоваться, услаждать и освящать то, что прекрасно сотворил Бог и испортил человек.

Так он понимал общую идею своего назначения, не распространение веры, не показ доктрины, не школу катехизиса; все то, что являлось точным и систематическим, ему не доставляло удовольствия; он черпал из своего монашеского уклада и авторитетной речи подобно тому, как Давид отказался от царского оружия. Нет, он станет просто обыкновенным священником, как все, и его оружием станет лишь неколебимое смирение и беззаветная любовь. Все должно было делаться при свете, в ораторском пылу, с убеждающим красноречием, свойственным характеру его личности, в непринужденной беседе. Он приехал в Вечный город и там осел, а дом его и семья постепенно образовались вокруг него как бы сами собой, просто из материалов, попавших извне. Он не только создавал свое, сколько привлекал их к себе. Он сидел в своей комнатке, а они в веселых мирских одеждах, простые и неграмотные, набивались в ней. В разгар летнего зноя и в зимние морозы

он был всегда в этой низкой тесной келье в Сан-Джироламо, читая в сердце пришедших к нему, и исцеляя их душевные боли своим прикосновением руки. Это было видением волхвов, обожающих младенца-Спасителя, такого чистого и невинного, такого милого и красивого, такого верного и такого дорогого милостивой Деве Богородице. И они, которые пребывали, наблюдая и слушая, стали один за другим отбрасывать свою воинственную одежду и облачились в рясу и кушак, либо, если одежду свою не оставляли, они под нее надевали власяницу, либо брали обет, а внешне для мира при этом оставались прежними.

Как описывает его биограф, «он был всем для всех. Он был угоден знатным и безродным, молодым и старым, пастве и пастырям, образованным и невежественным; он принимал незнакомых ему с величайшим милосердием, он окутывал их такой большой любовью и благотворительностью, будто давно уже их ожидал. Когда от него требовалось быть веселым — он был им, если от него ожидалось сочувствие — он был готов и к нему. Он был одинаково доброжелательным со всеми: бедных наделял лаской так же, как богатых, и не давал себе никакого отдыха в оказании всем всевозможной помощи изо всех сил. Вследствие такой его доступности и готовности принимать всех пришедших, многие приходили к нему ежедневно и делали это на протяжении тридцати и сорока лет кряду, навещая часто, по утрам и вечерам, а потому его комната стала даже называться Домом Радости Христовой. И приезжали к нему люди не только из всех областей Италии, но также из Франции, Испании, Германии и остального христианского мира, и даже посещавшие его иноверцы и евреи благоговели перед ним как святым»¹. Первые семейства Рима — Массими, Альдобрандини, Колонна, Альтиери, Вителлечи — были у него друзьями и приходили на покаяние. Знатные лица из Польши, гранды из Испании, рыцари Мальты, все они не могли уехать из Рима, не зайдя к нему. Кардиналы, епископы и архиепископы исповедывались у него; Федерико Борромео не выходил от него и прослыл даже «душой отца Филиппа». Кардинал-архиепископы Вероны и Болоньи писали в его честь книги. Папа Пий IV скончался на его руках. То же самое происходило с юристами, художниками, музыкантами, физиками. По его настоянию Бароний, Дзаццара и Риччи бросили право и перешли в его приход, чтобы заниматься его работой, писать анналы Церкви и умереть в ореоле святости. В последние моменты жизни Палестрина от отца Филип-

¹ Vacci, vol. i, p. 192, ii, p. 98.

па получил отпущение грехов. Анимучча в течение всей жизни от него не отлучался, направил ему послание после смерти и был проведён им через чистилище в рай. Но при этом не был ли он, говорю я, лишь смиренным священнослужителем, чужаком в Риме, не имея ни имени, ни образования, не претендуя на положение или должности, великий лишь той притягательностью, которой одарила его Божественная Власть? И все же он, смиренный и такой незнатный, не обладающий ничем, все же добился славного звания апостола Римского.

10

Столь же велико было желание, Джентльмены, постоянных посетителей его и чад обрести хотя бы малую толику его неповторимого дара и быть в состоянии выполнять хотя бы жалкую часть той работы, в которой он проявлял выдающиеся способности. Но пока они могли лишь пытаться встать на его место, применить его метод и развить в себе те умения, блестящий образец которых он являл. Что до меня самого, то я при соизволении Господнем собираюсь в предстоящие годы заняться великим делом, которое было поводом и темой настоящих Бесед, а пока могу, наверное, утверждать лишь то, что умею я или нет поступать хоть в чем-нибудь как св. Филипп, никаким иным образом я вести себя не могу. Ни по укладу своей жизни, ни по возрасту я не гожусь для исполнения задач власти, правления или посвящения. Я не смею, если даже будут силы, быть вашим наставником в труде, который требует ума помоложе и посильнее моего. Я гожусь лишь на то, чтобы свидетельствовать, выдвигать предложения, высказывать мои чувства, чем я в действительности и занимался на протяжении этих Бесед; моя цель — пролить такого рода свет на общие вопросы, на выбор тем, на смысл принципов, на дальнейшие пути, насколько мне позволяют мои знания и опыт. Я был вынужден обращаться к вашему разумению, вашему дружелюбию, вашему доверию, с многочисленными примерами которых я сталкивался, на которые я спокойно полагался; и в конечном итоге, ни я, ни вы не должны удивляться, если так случится, что Его Длань, предрежащая нити жизни и смерти, всем весом ляжет на меня и сделает несоответствующим тем ожиданиям, с которыми вы ко мне подходили, и тем надеждам, которые я, быть может, излишне оптимистично питал.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ДЖ. Г. НЬЮМЕНА

- 1801** Родился в Лондоне 21 февраля, старший из шестерых детей в семье банкира Джона Ньюмена и Джемимы Фурдринье родом из известной гугенотской семьи.
- 1816** После шести лет учения в частной школе в Илинге, где попал под влияние протестантов, у него начался процесс длительного обращения не к этической, а религиозной стороне мира. Окончил Тринити-колледж в Оксфорде 14 декабря.
- 1820** Получил степень бакалавра без отличий из-за обильного и неразборчивого чтения литературы.
- 1822** Избран в штат Оксфорда в колледж Ориэл, интеллектуально самый передовой. Это событие считал самым значительным в своей жизни. Много почерпнул из своих евангелических мотивов в составе «ноэтиков», группы либерально ориентированных интеллектуалов, подобных д-ру Уэйтли, культивировавших самостоятельность мышления.
- 1824** Получил сан священника англиканской церкви.
- 1826** Тьютор в Ориэле, где сошелся с Харреллом Фрудом, в прошлом учеником самого Джона Кибла.
- 1828** Викарий в университетской церкви Пресвятой Богородицы Марии, с кафедры которой произнес проповеди, завоевавшие ему исключительно влиятельное положение в Оксфорде на дальнейшие 15 лет.
- 1833** Проповедь Джона Кибла от 14 июля под названием «Национальное отступничество» и появление «Трактатов на злобу дня» Ньюмена положили начало Оксфордскому движению, состоявшему в сопротивлении вмешательству правительства в дела англиканской Церкви и в стремлении обогатить ее жизнь обращением и восстановлением древнего католического наследия.

- 1841** Крайне враждебный прием, оказанный «Трактату ХС», где доказывалось, что «39 статей» англиканской церкви возможно интерпретировать принципиально в русле католичества, положил конец публикации «Трактатов» и поставил Ньюмена в тяжелое конфликтное положение, его вера в теорию Церкви оказалась на перепутье между преимуществами римской церкви и недостатками протестантской, изрядно подвергнувшейся потрясению еще в ходе изучения святоотеческой истории.
- 1843** Отставка из церкви Пресвятой Богородицы Марии.
- 1845** Принятие в лоно римско-католической церкви 9 октября.
- 1847** Возведение в сан католического священника в Риме.
- 1848** Основание Оратории св. Филиппа Нери в Меривейле (Англия), общине, через год оказавшейся в Бирмингеме, где Ньюмен провел большую часть оставшейся жизни.
- 1852** Как избранный ректор основанного в Дублине католического Университета, Ньюмен прочитал лекции, которые переросли в «Идею Университета».
- 1858** Отставка из ректоров Университета и возвращение в Бирмингем по ряду причин, в том числе разочарованности, непосредственно сопровождавшей его в последующие годы.
- 1864** Ответ на нападки со стороны Чарльза Кингсли в виде «*Apologia pro Vita Sua*», чем вновь удалось завоевать благосклонность как католиков, так и протестантов.
- 1870** Публикация «Грамматики согласия» — главного труда о природе веры.
- 1878** Почетное членство в Тринити-колледже (Оксфорд).
- 1879** Сан кардинала из рук Папы Льва XIII.
- 1890** Кончина 11 августа и похороны на ораторианском кладбище в Реднале, пригороде Бирмингема.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора 3

Джон Генри Ньюмен. ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА

Предисловие 10

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ, РАССМАТРИВАЕМОЕ В ДЕВЯТИ БЕСЕДАХ

Беседа I.	Вводное слово	22
Беседа II.	Теология является отраслью Знания.....	35
Беседа III.	Отношение Теологии к прочим отраслям Знания	53
Беседа IV.	Отношение прочих отраслей Знания к Теологии	75
Беседа V.	Знание есть самоцель.....	96
Беседа VI.	Знание, рассмотренное в связи с научением	116
Беседа VII.	Знание, рассмотренное в связи с профессиональными навыками	136
Беседа VIII.	Знание, рассмотренное в связи с Религией	158
Беседа IX.	Обязанности Церкви в отношении Знания.....	185
Хронология жизни Дж. Г. Ньюмена		206

Научное издание | Подписано в печать 29.09.2006.

Серия «Universitas»

Ньюмен Джон Генри

ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА

Редактор *Е. А. Логвинович*

Художник обложки

Е. П. Протасеня

Технический редактор

Т. К. Раманович

Корректор *О. Е. Ямная*

Компьютерная верстка

А. А. Микулевича

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,09 + 0,12 вкл.
Уч.-изд. л. 13,4 + 0,07 вкл.
Тираж 100 экз. Зак.

Белорусский государственный университет.
Лицензия на осуществление
издательской деятельности
№ 02330/0056804 от 02.03.2004.
220030, Минск,
проспект Независимости, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
Лицензия на осуществление
полиграфической деятельности
№ 02330/0056850 от 30.04.2004.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.